

Владимир Чухрин

ТАЙНЫЕ ТРОПЫ МАГУРЫ

ПОВЕСТЬ

ПРИОКСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО - ТУЛА - 1965

Чухрий Владимир Карпович

ТАЙНЫЕ ТРОПЫ МАГУРЫ

П о в е с т ь

* * *

Редактор *М. Ю. Лохвицкий*

Художник *М. Г. Рудаков*

Худож. редактор *А. Н. Гришенков*

Техн. редактор *Л. И. Пулин*

Корректор *Б. М. Дорогоныко*

Сдано в набор 19/V 1965 г. Подписано к печати 21/IX 1965 г. Бумага 84×108¹/₃₂

Физ. печ. л. 5,375

Усл. печ. л. 8,82

Уч.-изд. л. 8,5

Тираж 30000 экз.

ЦП00567

Заказ 75

Приокское книжное издательство — Тула, ул. Каминского, 33.

Цена 26 коп.

Калужская областная типография управления по печати
облсполкома, пл. Ленина, 5.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор повести «Тайные тропы Магуры» Вл. Чухрий — бывший работник органов госбезопасности. Многие годы он служил в Западной Украине. В местах, описанных в повести, работал и трагически погиб один из друзей автора. Память о погибшем друге, о других боевых товарищах и заставила Вл. Чухрия взяться за перо. Не профессиональный писатель, он, естественно, столкнулся с большими трудностями. Недостаток литературного мастерства не сказался на одном — стремлении правдиво показать обстановку, сложившуюся в Западной Украине в первые послевоенные годы. Автор не скрывает трудностей, с которыми столкнулись молодые работники органов госбезопасности, честно говорит об отдельных ошибках, которые ими были допущены. Герои повести не те «железобетонные» герои, которые зачастую выводятся в произведениях подобного жанра, они люди живые.

В Западной Украине в 1945—1946 годах возникла очень сложная обстановка.

Отторгнутые в прошлом от украинской земли области Западной Украины до 1918 года входили в состав Австро-Венгерской империи и затем попали под ярмо панской Польши. Австрийская династия Габсбургов и польские паны угнетали украинское население, жестоко подавляли его стремление к свободе, постоянное желание воссоединиться с Украиной. Верными слугами австрийских и польских колонизаторов были украинские буржуазные националисты. Они помогали закабалить народ, грабить его. Реакционные правители панской Польши вместе с немецкими фаши-

стами превращали Западную Украину в плацдарм для нападения на советский народ.

Осенью 1939 года осуществились давние чаяния украинского населения Западной Украины: Советская Армия освободила их от панского ярма, и они воссоединились с Советской Украиной.

В 1941 году германский фашизм развязал войну против СССР. Националисты, связанные с гестапо и немецкой разведкой, обагрили руки кровью тысяч украинцев. Из предателей и подонков, из обманутых фашистской националистической пропагандой людей гитлеровцы сформировали дивизию СС «Галичина», которая была наголову разбита Советской Армией под Бродами. Недобитые националисты рассеялись по горам и лесам и стали терроризировать население. Вожаки этих банд, потеряв своего прежнего хозяина — Гитлера, запродали себя американской и английской разведкам.

Нелегко было крестьянам — темным, забитым, малограмотным и безграмотным, оглушенным вражеской пропагандой, войной с ее бесчисленными жертвами, разобраться в истинном положении вещей, понять сразу, кто им враг, а кто истинный друг. У одних сознание пробуждалось раньше, у других позже. Одни помогали советской власти охотно, другие таились, выжидали. Но всем им хотелось зажить наконец мирно и счастливо.

Вл. Чухрий с большим теплом показывает простых людей, которые стали на путь новой жизни, вначале робко, с оглядкой и страхом, потом активно помогали чекистам разоружать и уничтожать бандитов. Читатель полюбит и запомнит мужественных, беззаветно преданных Родине офицеров Лукашова и Башкатова, комсомольцев-сельчан Любомира, Оксану, учительницу Ольгу.

Автор сумел правдиво вскрыть звериную сущность националистов, показать их разложение и обреченность.

Книга «Тайные тропы Магуры» наносит еще один удар по последышам националистов — «оуновцам», нашедшим себе приют в империалистических странах Запада.

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

Трудно было примириться с мыслью о гибели старшего лейтенанта Александра Буланова. Никому не верилось, что нет и никогда уже не будет с ними этого жизнерадостного, всеми любимого офицера. Умолкли азартные споры, шутки, прекратились забавные «розыгрыши». Молодые работники оперативного отдела даже разговаривали неохотно — казалось, каждый чувствовал себя виновным в смерти товарища.

Начальник отдела майор Егоренко ходил, не поднимая головы. Чувствовалось, что этому и без того хмурому, немало повидавшему на своем веку человеку невыносимо тяжело. На похоронах Буланова офицеры впервые услышали, как дрогнул его голос. Он говорил:

— Так прими же, мать-земля украинская, тело верного сына русского народа. Пусть его кровь, пролитая в мирные дни, зажжет еще ярче пламя ненависти к нашим врагам, пусть память о нем станет еще одним звеном неразрывной дружбы двух великих народов — братьев...

Похоронили Александра в небольшой роще высоких лиственниц и сосен.

Никогда не забыть лейтенанту Башкатову того летнего дня 1946 года. На всю жизнь остались в памяти плач молодой вдовы Катюши, ее широко открытые глаза на вдруг постаревшем лице. Он стоял рядом с ней, держал на руках полуторагодовалого сына покойного. Долгим взглядом простился лейтенант с

мертвым другом и, пробившись сквозь плотное кольцо офицеров и солдат, отошел в сторону. Мальчик лепетал:

— Папа... Мама... Там...

На другой день жена Буланова грустно упрекнула:

— Ты так и не попрощался с Сашей.

Башкатов виновато посмотрел на нее, пытался что-то сказать и не смог.

Расследовать убийство чекиста майор Егоренко поручил Башкатову.

Известно пока было следующее.

Ранним утром Буланов с отделением солдат направился в село Радинское. Оставив солдат на склоне горы Магуры, старший лейтенант спустился в село. Бойцам он приказал тщательно замаскироваться и вести непрерывное наблюдение за подходами к селу. А вечером, когда он выйдет на дорогу к селу Россопач, солдаты спустятся вниз и подождут его в условленном месте.

Солдаты видели, как Буланов ходил по хатам, видели, как он встретился в середине дня с участковым милиционером Дейнекой и как они вместе направились в село Россопач. Отделение снялось с наблюдательного пункта и скрытно двинулось к условленному месту.

Перед заходом солнца со стороны Радинского доносились автоматные очереди и винтовочные выстрелы. Солдаты забеспокоились. Сержант Ивченко — старший группы, хотел было двинуться к Радинскому, но решил не нарушать приказания. Да и выстрелы доносились не с той стороны, куда пошел офицер. Ивченко стал ожидать.

Стемнело. Буланов не появлялся. Тогда солдаты вошли в село, под разными предлогами заходили в дома. Обеспокоенные газды¹ отвечали, что никого из военных сегодня не видели. Они, видимо, больше всего опасались, что ищут самогонщиков, клялись в своей непричастности к самогонварению, хотя в доброй половине дворов пахло сивухой.

¹ Газда — хозяин, мужик.

В Россопаче старшего лейтенанта не оказалось. Глубокой ночью группа вернулась в Радинское. Тут солдаты уже прямо спрашивали — не видел ли кто старшего лейтенанта. Газды, словно сговорившись, только разводили руками — нет, никакого офицера они сегодня не видели. Но по лицам их было видно, что они что-то скрывают, боятся говорить.

Совещаясь, что предпринять, солдаты остановились возле какого-то сарая, закурили. Их окликнула девушка, как выяснилось позже — Оксана Гайдашева. Она взволнованно рассказала про стрельбу, дожившуюся вечером с хутора Выжний, и добавила, что по селу прошел недобрый слух об убийстве военного, кого именно, она не знает.

Хутор находился в четырех километрах от Радинского, за темнеющей громадой Магуры. С трудом ориентируясь в темноте, солдаты перевалили через гору. Хуторские собаки отчаянно залаяли и помогли быстро найти обособленные хаты.

Ивченко долго не мог пробудиться хозяев первого дома. Наконец в проеме двери показалась фигура здорового мужика в белом исподнем белье.

— Кого це бис ночами носыть?

Ивченко попросил разрешения войти в дом. Мужик молча постоял, затем отступил, и дверь захлопнулась — глухо гроыхнул запор. Ивченко скомандовал двум солдатам залечь в кустах за домом, а сам встал за деревом. Несколько минут было тихо. Потом раздался оклик:

— Стой! Стрелять буду!

И короткая автоматная очередь. Бросившись за дом, сержант чуть не сбил с ног бежавшего навстречу солдата.

— Товарищ сержант! Ушел! Как привидение проскочил.

— Кто?

— Тот. В белом...

— Трех в погоню!

Ивченко с остальными солдатами стал дожидаться рассвета.

Скоро потянуло предутренней свежестью. Уже различались стволы деревьев. В тиши кто-то застонал.

Стон доносился сверху. Ивченко затаил дыхание. Стон повторился. Приблизившись к дому, сержант попытался выставить дверь. Она не поддавалась. Нащупав наличник окна, Ивченко хотел прикладом выбить раму, но увидел, что стекло разбито. Держа автомат наготове, влез в окно, крикнул:

— Кто здесь?

Молчание.

Ивченко подозвал одного из солдат. Тот тоже влез в окно.

Сержант чиркнул спичкой и увидел человека, лежащего ничком возле печки. Рядом валялась кепка. Ивченко склонился над лежащим, убедился, что он мертв, и стал обследовать комнату. С потолка свисала на проволоке лампа. Сержант зажег ее, увидел облупившуюся от выстрелов штукатурку на стенах, опрокинутый стол, длинная лавка закрывала проход из комнаты в коридор, на полу темнела застывшая лужица крови. Деревянный потолок был пронизан несколькими очередями.

В коридоре выяснилось — входная дверь приперта двухметровым бревном. Лестница у стены вела на чердак. Взираясь по лестнице, сержант снова услышал стон. Предупредив, чтобы солдат был настороже, он полез дальше, высоко подняв в руке лампу.

У печной трубы, глубоко втянув голову в плечи, пытался приподняться человек в милицейской форме. Глаза его были открыты. Раненый запрокинул голову и силился что-то сказать. Затем руки его подломились. Сержант узнал участкового Дейнеку. Его перевязали, снесли в комнату. Он что-то бормотал, но понять его бессвязную речь было невозможно.

В пристройке солдаты обнаружили сгорбленную старуху.

— Кто хозяин дома? — спросил сержант. Старуха не отвечала. Вытирая концом платка беззубый рот, она непонимающе глядела на них. Сержант повторил вопрос. Старуха качнула головой. Сержант увидел на ее шее огромный зуб.

— Вы что, глухая, что ли? — уже резко спросил Ивченко.

На притулившихся в углу нарах зашевелилась по-

лосатая перина. Из-под нее показалось испуганное лицо молодой женщины.

— Да, глухая, — сказала она.

— Ты чего прчешься? А ну, вылазь!

Женщина опустила босые ноги на пол. Длинная, почти до пят, сорочка с большим вырезом на груди плотно облегалa полное тело. Женщина поправила разлохматившиеся волосы, стыдливо улыбнулась, но не запахла сорочку.

— Глухая, говоришь? А ты почему молчала?

Женщина вскинула голову.

— А я спала.

— Ах, спала... Может быть, и выстрелов не слышала?

— Нет.

— Не слыхала? — переспросил сержант и приказал: — Одевайся, пойдешь с нами!

— Никуда я не пойду, — возразила женщина и протянула руки к старухе. Та неожиданно проворно придвинулась к ней, обняла.

— Чтоб через пять минут была готова. Ясно? — распорядился сержант и вышел.

Уже совсем рассвело. Метрах в ста солдаты увидели другую усадьбу и возле нее стога почерневшего сена. Ивченко отправил туда солдата, и вскоре показались две фуры. Возницы — один пожилой, а второй, видимо, его сын — недовольные ехали вслед за солдатам.

На телегу, заполненную доверху сеном, положили Дейнеку, на другую — убитого парня. Заботливо поправив сено вокруг раненого, Ивченко пошел к пристройке поторопить женщин. Вернувшись с обеими — они теперь угрюмо молчали, — он скомандовал:

— Трогайте!

Беглеца так и не настигли.

В тот же день солдаты прочесали лес, но безрезультатно.

Труп Буланова нашли только на вторые сутки, далеко от хутора Выжний, возле оставленной бандитами землянки.

Дейнека скончался, не приходя в сознание. Женщины упорно твердили, что ничего не знают.

Выяснить все обстоятельства, связанные с этими тремя смертями, и предстояло Башкатову.

В органы госбезопасности он пришел недавно. Но его трудолюбие и настойчивость не раз ставились в пример другим офицерам. Майор Егоренко доверял его чутью оперработника и иногда использовал его успех по-своему. Были случаи, когда начальник откровенно присваивал его заслуги.

— Тебе не кажется, что идею-то подсказал я? Как думаешь, Борис? — с подкупающим простодушием спрашивал он Башкатова.

— Возможно, товарищ майор. Да и не в этом суть. Главное, успех отдела.

— Вот, вот, — подхватывал Егоренко, — я и говорю. Твой успех — мой успех, следовательно, успех всего отдела.

Борис улыбался про себя, а иногда делился с Булановым:

— Не пойму я что-то майора. Откуда у него такая тяга к ячеству? Я! Я! Когда прихватили Бема в доме, так целый месяц не смотрел нам в глаза. Тогда он не кричал «Я! Я!», а со страху оглушил бабу. Давеча зашел к ней, а она говорит: «Передай ему, что через него, окаянного, я по пять раз на день в церковь бегаю — все кажется к обедне звонят».

Буланов от души хохотал.

Этот случай произошел несколько месяцев назад. По имевшимся сведениям, бандит Бем изредка появлялся в доме своей бабушки. Как-то ночью Егоренко решил это проверить, взял Башкатова и двух солдат, заехали на хутор. Старуха сразу открыла дверь. Майор вошел и начал расспрашивать старуху о внуке. Один из солдат заметил торчащие из-под кровати ноги, крикнул: «Бандит!»

Егоренко среагировал мгновенно. Его автомат, судорожно затрепетав, влепил в пол длинную очередь. Лампа погасла, старуха свалилась в обмороке. Не растерялись только Башкатов и один из солдат. Они с фонариками бросились к кровати и вытащили бледного, как полотно, Бема. Бандит был настолько испуган, что пришлось силой разжимать пальцы, в которых он стиснул гранату. Зажгли лампу, привели в

чувство старуху. Майор пожал плечами и вышел на улицу. Об этом случае, хотя он и лично принимал участие в захвате бандита, майор вспоминать не любил.

НОВЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

Спустя несколько дней, вечером, секретарша отдела Марина сообщила Башкатову новость: приехал новый старший уполномоченный. Это, конечно, было в порядке вещей, но Борис с печалью и раздражением подумал, что только-только они похоронили товарища, а на его место уже приехал другой.

Башкатов собирался домой и, погруженный в невеселые мысли, неторопливо убирал со стола документы. Открылась дверь, в кабинет вошли майор Егоренко и незнакомый старший лейтенант. Пропустив спутника вперед, майор остановился посреди комнаты.

— Знакомьтесь.

Башкатов пожал руку офицеру.

— Лукашов, — назвал тот себя и несколько секунд пристально смотрел на Башкатова. — Значит, вместе работать будем?

— Выходит, так, — сухо ответил Борис.

Майор объяснил Башкатову:

— Товарищ Лукашов прибыл на место Буланова. С особенностями работы в нашем районе он в общих чертах ознакомлен. Покажите ему дела и передайте ключи от сейфа. Желаю побыстрее найти общий язык. Тем более что вы и старший лейтенант будете в оперативной группе, которая займется делом банды Подковы.

Майор ушел. Башкатов достал ключи от сейфа и протянул их старшему лейтенанту:

— В сейфе вы найдете много интересного, конечно для оперативного работника.

Взяв ключи, Лукашов словно взвесил их на своей широкой ладони, чуть подбросил и положил в карман.

— Что ж, посмотрим, — равнодушно согласился

он. — Пожалуй, самым интересным на сегодняшний вечер для меня будет одно — где я смогу поесть?

— Пожалуй, сегодня вы рискуете остаться голодным: чайная работает до девяти, — в тон ответил ему Башкатов.

— Плохо.

Подойдя к окну, старший лейтенант посмотрел на свое отражение в стекле, потер рукой щеку, на которой густела рыжеватая щетина, и, не поворачивая головы, спросил:

— Давно здесь работаете?

— Второй год.

— Хорошо. Значит, обжились. Семья есть?

— Холост.

— Тоже неплохо.

— А вы? — любопытствовал Борис.

— Я? — переспросил старший лейтенант, словно в комнате были еще люди. — Я не женат.

— Ну и здесь не женитесь.

— А я не жениться приехал, — серьезно ответил Лукашов. И присел к столу. Он внимательно осмотрел стол, провел по его гладкой поверхности ладонью и, взяв в руки пепельницу, спросил: — Его?

Догадавшись, о ком идет речь, хотя между ними не было сказано ни слова о погибшем, Башкатов кивнул. Затем показал на пачку папирос:

— Курите?

— Бросил.

Лукашов искоса посмотрел на него, снова подошел к окну, еще раз потер щеку и направился к выходу.

Башкатов задумался: «А ведь он, пожалуй, догадался о моем состоянии, о том, что я мало расположен к беседе, и обошелся без вопросов, которыми бы засыпал меня на его месте любой другой, не очень чуткий человек. Что ж, посмотрим...»

Лукашов вернулся с чемоданчиком и новой драповой шинелью. Он заботливо повесил ее на плечики и уселся за стол. Высыпав из железной коробочки лезвия для безопасной бритвы, стал их осматривать.

— Вот мелочь, а нигде не купишь, — пожаловался он.

— Побреетесь завтра, — сказал Башкатов. — Парикмахерская с восьми.

— Всегда бреюсь сам.

Он взял с тумбочки граненый стакан.

Кто-то постучал. В кабинет вошла секретарша Марина. Она поставила перед Лукашовым электрический чайник.

— В сторонку поставьте, — сказал он отрывисто.

— Пожалуйста, — удивившись его тону, прошептала Марина.

Лукашов поднял голову, улыбнулся и неожиданно мягко произнес:

— Извините. Я иногда бываю невыносимым. Спасибо.

Марина залилась густым румянцем и выскочила из кабинета.

— Симпатичная девушка, — сказал Лукашов.

— И не замужем, — сорвалось с языка Башкатова.

Продолжая точить лезвие внутри стакана, Лукашов ответил:

— Уже знаю. Чем вам не пара?

— Не люблю зеленоглазых. И потом, разрешите мне самому знать — пара она мне или не пара, — отпарировал Борис.

— Вы сказали, что здесь нельзя жениться, а я отметил нелогичность вашего заключения, — дружелюбно заметил Лукашов. — Хорошие девушки есть везде. И кто ищет их только в командировке или в отпуске, делает ошибку.

— Вы что, на себе испытали?

— Видел, как мучились другие. Встречал таких. Жили в Москве, а жен привозили с курорта. Я вот знал одного. Женился на дочери какой-то знаменитости — ходит, что твой королевский пингвин, спесь фонтаном бьет. Встретились через два месяца. «Ну как?» — спрашиваю. «Разошлись. У нее, говорит, склонности барские. Сначала заставила галстук-бабочку носить, затем настояла, чтобы одевал на ночь колпак какой-то, так, мол, все культурные люди делают. Сбежал».

— Ну, это вы придумали!

Лукашов рассмеялся:

— Не верите?..

Не желая продолжать разговор, Башкатов оделся, пожелал спокойной ночи новому коллеге, вышел и заглянул к Марине. Она сосредоточенно перебирала бумаги. Он спросил:

— Ну, как новый старший уполномоченный, хо-рош?

— А мне что, под одной крышей с ним жить? — ответила Марина.

— Почему бы и нет? Парень холостой, вежливый. Правда, не всегда.

— Идите домой, отдыхать. Я совсем не расположена шутить, — ответила Марина.

Прошло несколько дней. Башкатов сумел разглядеть в Лукашове много привлекательного. Говорил Лукашов, как и в первый день их знакомства, мало и скупое. У него была железная логика мышления. А если он что-либо советовал, то скромно, вежливо, не задевая самолюбия собеседника. На второй день Лукашов сказал Башкатову:

— Извините, если я допустил по отношению к вам...

— Чего там, — махнул рукой тот, — это я пузырился. Мне самому нужно быть повежливей. Вы не обращайте внимания. У меня злость ерундовая — по настроению.

Они крепко пожали друг другу руки.

Ознакомившись с документами, собранными Булановым, Лукашов так охарактеризовал работу предшественника:

— Много сделано. По этим материалам мы можем смело наметить точный план работы. — И, немного помолчав, добавил: — Не хватает только самого Буланова, тонкости его мыслей и намерений. Попробуем проникнуть в них. Кстати, вы не знаете, почему Буланов пошел по селу один, без солдат? Он с кем-нибудь должен был повидаться?

— Да, разумеется. У нас ведь есть свой актив... Кроме того, Саша вообще старался завоевать у кре-

стыян доверие. Он часто ходил один, заходил в гости то к одному, то к другому, говорил, песни с ними пел... Последнее время я выполнял другое задание и не знал его намерений и планов.

— Как видно, Буланов был умницей.

Башкатов кивнул.

Они договорились, что каждый проанализирует документы отдельно. Мнения о ценности и перспективности их будут обсуждаться до тех пор, пока не выйдется общая точка зрения.

Они молча сидели над бумагами. В кабинет вошел Егоренко. Пододвинув свободный стул к столу Лукашова, сел и стал просматривать его заметки.

— Ваши умозаключения? — он сделал ударение на слове «ваши».

— Мои, — ответил Лукашов и уткнулся в объемистую тетрадь, захваченную у бандитов.

Майор снова отвлек его:

— Лишнюю работу делаете. Не с этого нужно начинать.

— Через два дня мы доложим свои предложения, и вы нам посоветуете, за что сперва взяться, — спокойно сказал Лукашов.

Егоренко нахмурился.

— Вы что, еще два дня собираетесь протирать стулья?

Лукашов выпрямился и, указав на пачку бумаг, сдержанно пробасил:

— Не думаю, что это такой уж большой срок, товарищ майор. Документы очень интересные.

— А мне казалось, что первая беседа дала вам представление о характерных особенностях нашей работы, — недовольно заметил Егоренко. — Нам здесь, товарищ старший лейтенант, ни к чему кружева оперативного искусства. Анализы, версии... Активные действия банды требуют от нас работы, в основе которой лежат не ученые премудрости, а быстрое уничтожение врага. Далекая удача — это не для нас.

— Товарищ майор, — перебил его Лукашов, — но это ведь линия наименьшего сопротивления. То, что вы предлагаете, с тем же успехом могут делать по

нашим ориентирам поисковые группы. А ведь мы оперативные работники! Уничтожение — это самый примитивный способ. Иногда это необходимо. Но таким методом, — он подчеркнул эти слова, — мы затянем полную ликвидацию бандитизма на очень неопределенный срок.

Егоренко заерзал на стуле.

— Мы тоже каждый день читаем директивы, но они порой далеки от действительной обстановки. На месте всегда виднее, поверьте мне. Бандиты не ждут, пока мы разработаем и применим какое-либо сносшибательное оперативное мероприятие. Они действуют оружием.

— Но ведь у нас кроме огнестрельного есть и главное оружие — идеологическое, духовное, — возразил Лукашов.

— Вот именно, — подхватил начальник, — наше идеологическое оружие — наша правота, и требуется от нас одно: как можно скорее очистить район от бандитов.

— Но очистить до конца и навсегда. Пока же шаблонность наших методов, насколько я разобрался, хорошо известна бандитам.

Башкатов подумал, что начальник вот-вот взорвется, но тот лишь недовольно просопел и предложил:

— Пойдемте ко мне, товарищ Лукашов.

Вернувшись через полчаса, старший лейтенант озорно подмигнул Башкатову.

— Упрямый старик! Завтра выезжаем на участок. Башкатов вопросительно посмотрел на него.

Лукашов засмеялся.

— Приказ есть приказ, но его должны выполнять мыслящие люди.

И они вновь занялись документами.

Задача была трудная: ликвидировать группу Подковы. На самом деле этого опытного, жестокого и увертливого бандита звали Мирослав Олькович Шестюк. В селах Западной Украины еще встречаются мужчины с такого рода отчеством. Это уже не удивляло Башкатова, но показалось забавным Лукашову. С подобным он встречался впервые и немало дивился тому, как изобретательно местные священники реша-

ли проблему церковной записи незаконнорожденных детей.

По одним сведениям, семнадцатилетний Мирослав Шестюк, изнасиловав дочь соседа, скрылся из села Россопач и вновь появился в этих местах уже в период фашистской оккупации в форме полицейского. По другим источникам, он был усыновлен богатым кулаком Двоенко, у которого впоследствии украл крупную сумму золотых и скрылся в Дрогобыче. И, наконец, уже совершенно проверенные данные утверждали, что уголовник Шестюк, завербованный польской дефензивой¹, использовался для разжигания розни между польским и украинским населением. В период гитлеровской оккупации, перевербованный германской разведкой, был незаменимым осведомителем, докладывавшим о делах легально существовавшей организации оуновцев². Позже он стал известен как убийца, участник массовых расстрелов мирного населения Львова. В 1943 году его назначили сотником дивизии СС «Галичина». Теперь его банда, действовавшая в районе Радинского и Россопача, состояла в основном из бывших полицейских и кулацких сынков. Все они носили клички.

На этом и обрывались данные. Известно было еще, что малочисленность бандитов, отпор населения заставили их прибегнуть к достаточно хитроумной конспирации и жестоким способам устрашения крестьян. Кроме своей чисто бандитской деятельности оуновцы проводили пропаганду, направленную на срыв всех мероприятий Советской власти. Прикрываясь лозунгом борьбы за так называемую «самостийну Украину», они отравляли сознание местных жителей выдумками и ложью, искажавшими советскую действительность. Но ни запугивания, ни убийства не могли заставить отступить людей, увидевших новую, светлую жизнь. Все чаще и чаще поступали в отдел письма, в которых просили, предлагали, требовали быстрее покончить с бандитизмом. Нужно было найти пути к скорейшей ликвидации оуновского подполья. Наметив мероприятия, офицеры подготовились на следующее

¹ Политическая полиция буржуазно-помещичьей Польши.

² ОУН — объединение украинских националистов.

утро выехать на участок. Однако обстоятельства сложились так, что они не смогли в тот день осуществить свое намерение.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СНОПЫ

Лукашов и Башкатов были подняты по тревоге: под покровом короткой летней ночи на территорию района проник самолет-нарушитель. Требовалось немедленно изолировать ближайшие к границе села, так как туда могли быть заброшены парашютисты-лазутчики.

Попытка связаться с майором Егоренко, который находился где-то на селе, не увенчалась успехом.

Лукашов задумался. И было над чем. По сообщению пограничников, неизвестный самолет летел вдоль границы, потом пересек ее и исчез из поля радиолокационного наблюдения... Через некоторое время он был обнаружен на другом участке, довольно далеко от места нарушения, и двигался уже в обратном направлении.

Лукашов и Башкатов с группой солдат на трех машинах выехали к границе.

Первый грузовик летел на предельной скорости.

Башкатов нетерпеливо подгонял шофера:

— Скорее, родной, скорее!

Шофер отшучивался:

— Вот если перевернемся, действительно близкими родственниками станем...

Достигнув намеченного пункта, чекисты оставили машины.

Лукашов заметил, что шорох травы от его шагов как бы застревает в невидимой стенке влажного воздуха. Казалось, он настигал своего двойника, который шагал чуть впереди и точно повторял все, что делал он, с едва уловимой разницей во времени. Такое Лукашов наблюдал впервые. Он даже остановился, чтобы прислушаться, но тут раздался далекий оклик старшего сержанта Ивченко. Лукашов решил, что до него по меньшей мере шагов тридцать, но, сделав два или три, увидел людей.

Двое, прикрывшись плащ-палаткой, переговаривались. Подойдя ближе, Лукашов различил слабый зеленоватый свет, пробивавшийся из-под плащ-палатки. Башкатов с кем-то из офицеров-пограничников рассматривал карту. Посоветовавшись, они стали определять по местности направление ориентиров. Через несколько минут Лукашов, возглавив взвод солдат, ушел к невидимой в темноте впадине широкой протоки. Там снова разделились и пошли по двум направлениям.

Старший сержант Ивченко двинулся к гористому отрогу на север, а Лукашов по еле заметной тропе повел свою группу на юг, к лесу, покрывавшему склоны гор. Время от времени он оставлял двух бойцов, и те, замаскировавшись в кустах, растворялись в ночном безмолвии.

На рассвете Лукашов и оставшиеся с ним солдаты вышли к глухому хутору. Там их уже поджидал Ивченко.

— Пока все идет как по-писаному, — сказал Лукашов, — боюсь только, оцепление получилось жидковатым. Ну ничего, при умелом выборе углов просмотра — вполне достаточно. Если кто и спрыгнул с самолета — пойдет в нашу сторону: на западе граница, с двух сторон погранзаставы. Ладно, не будем терять времени, пошли!

Углубившись в лес, вытянулись длинной цепочкой и начали поиск. Именно на этом участке был зарегистрирован разрыв, и старший лейтенант не без основания полагал обнаружить здесь следы нарушителя или нарушителей.

В лесу было тихо и не так ощущалась росная сырость утра. Похороненная под многолетним слоем опавшей листвы трава и сосновые иглы слежались и пружинили под ногами. Раздался слабый хруст валежника. Один из солдат приволок охапку соломы.

— Товарищ старший лейтенант! Вот! — сказал он и положил на землю сноп обыкновенной ржаной соломы. Сноп как сноп, он мог бы и не привлечь внимания, если бы его концы не были перемотаны желтым проводом. Лукашов развязал провод, раздвинул солому и увидел несколько слоев блестящей бумаги.

Нарезанная на длинные ленты шириной в три-четыре сантиметра, она напоминала фольгу.

Старший сержант доложил, что такую же диковину обнаружили еще два солдата. На расстоянии примерно в три километра нашлось около тридцати снопов. Всего, как выяснилось позже, их было около пятидесяти. Но никаких признаков или следов нарушения. Солдаты повернули обратно, чтобы еще более внимательно осмотреть местность. А Лукашов, захватив с собой один сноп, поспешил в Острожье. Там его давно ожидал начальник погранотряда подполковник Хижняк.

Маленькая рука подполковника утонула в широкой ладони Лукашова.

— Вести невеселые, товарищ подполковник. Парашютист выброшен наверняка. Вот. — Лукашов указал на сноп.

Хижняк поднял одну из лент и, осмотрев со всех сторон, закачал головой:

— Ясно! Как божий день, ясно! Чуешь, почему локаторы растерялись и не смогли проследить за курсом самолета? Пилот сбросил снопы с этими лентами.

— И в этот момент парашютист прыгнул, — закончил Лукашов.

— Вполне возможно. Надо немедленно усилить поиск.

И снова отряд Лукашова несколько часов прочесывал местность. Были тщательно осмотрены высохшие русла горных речек, ущелья, проверены кустарники, заросли. Ничего не обнаружив, группа прошла по этому азимуту еще раз. Лукашов дал солдатам отдых.

Сержант Ивченко тотчас расстелил в тени огромной лиственницы плащ-палатку.

— Да она у тебя прямо скатерть-самобранка, — улыбнулся Лукашов, увидев, как на плащ-палатке появляются хлеб, консервы, колбаса.

Открыв банку консервов, Ивченко пригласил:

— Садитесь, товарищ старший лейтенант. У нас по пословице: «Хоть изба еловая, да еда здоровая».

— Спасибо. Только боюсь, не заработали мы сегодня обеда, — вздохнул Лукашов. — И все-таки это

самое верное предположение, что парашютист прыгнул вслед за снопам. Но парашюта нет, следов нет... Не тащил же он парашют с собой?

— А задерживаться на одном месте ему опасно, — заметил Ивченко.

— Значит, он его где-то спрятал. Но где? Просится какое-то новое решение, а какое?

— Обождите немного. Вот подзаправимся и думать будет веселее, — ответил сержант.

Ели молча, как едят много потрудившиеся люди. Потом Ивченко закурил, не спеша уложил в вещмешок остатки пайка и прилег возле старшего лейтенанта. Попыхивая махоркой, он провожал взглядом медленно плывущие облака.

— Поглядите, товарищ старший лейтенант, — обернулся сержант к Лукашову, — какое явление интересное: два облачка, а ползут в разные стороны.

— Разная высота, разные воздушные течения, — пояснил Лукашов. — Постой, постой, — он даже поднялся, — а что, если начать поиск оттуда же, но только в другом направлении, в противоположном, понимаешь?

Ивченко с готовностью поднялся.

— Нет, ты оставайся здесь и жди Башкатова, а я пойду. Часам к четырем вернусь.

Лукашов с десятью солдатами и инструктор Гуляев с розыскной собакой Рексом отправились к исходной точке. Жгучие лучи августовского солнца уже потеряли силу, дышалось легче.

Овчарка, обеспокоенная быстрым маршем, струной натянула поводок и тащила за собой сержанта Гуляева. Откинувшись всем корпусом назад, он прочно держал конец поводка. Лукашов любовался могучим псом. Значительно крупнее других овчарок, Рекс мог считаться идеальным образцом розыскных собак. Со стороны казалось, что он вот-вот освободится из-под власти хозяина и даст волю своей неистовой энергии, но в действительности одного слова Гуляева было достаточно, чтобы пес немедленно умерил свой порыв.

С утра исходили не один десяток километров, однако усталости в солдатах не чувствовалось. Моло-

дые, выносливые и закаленные, они бодро шли за старшим лейтенантом.

Рекс, уткнувшись носом в землю, двигался по кольцу. Круг за кругом, поднимая морду и оглядываясь на Гуляева, он выискивал чужой след. Легко разбираясь во множестве лесных запахов, Рекс безошибочно определял их значение и знал, что пока ни один из них не может вызвать ласкового поглаживания или другого знака одобрения.

В начале пути взгляд человека свежее, придиричливее, чем к середине или концу дороги. Лукашов стал придумывать, какую бы дать по цепи команду, чтобы обострить внимание солдат. Тут его окликнул Гуляев. Подойдя к нему, офицер увидел, что инструктор ласково потрепывает по голове повизгивающего пса, а в другой руке держит новенький блестящий финский нож.

Тщательно осмотрев находку, Лукашов приказал Гуляеву искать следы человека, обронившего оружие. Однако собака напрасно металась в поисках.

Солдаты с интересом следили за собакой. Гуляев уверял Лукашова, что если с момента потери ножа не прошло более десяти часов, то Рекс, хотя и с трудом, все-таки след обнаружит.

Через пятнадцать минут Гуляев уверенно заявил:

— Следа нет. Или нож утерян давным-давно, но тогда бы он заржавел, или он... с луны свалился.

— Значит, с луны, — согласился Лукашов, продолжая размышлять: «Теперь ясно — враг сброшен здесь. Обронил нож он в полете, поэтому собака и мучается. Но тогда он и приземлился где-то поблизости. Искать! Ветра не было. Парашютист не мог приземлиться далеко отсюда».

Спустя полчаса Рекс громким лаем привлек его внимание. Лукашов увидел, что пес, энергично работая сильными лапами, разгребает кучу старого, почерневшего валежника в русле ручья. Гуляев извлек оттуда стропы, а затем и весь шелковый темно-зеленый парашют.

Гуляев приласкал собаку, сунул ей в пасть что-то съедобное и сказал: «Ищи!» Рекс, сосредоточенно внюхиваясь, кружился по ручью, несколько раз воз-

вращался к парашюту, будто сверяясь с запахом шелка, и снова бросался из стороны в сторону. Утомившись, пес присел и, глядя блестящими умными глазами на хозяина, жалобно заскулил, выражая свое бессилие.

— Ушел по потоку¹, — объяснил Гуляев.

Старший лейтенант вытащил карту. Граница — в трех километрах, в четырех на восток небольшое село Острожье, дальше — Березняки, на северо-восток — Золоша, большое село, затем несколько хуторов у подножья горы Магуры. За ней села Радинское, Россопач...

Приказав Гуляеву продолжать поиск и направив часть солдат на хутора, Лукашов захватил парашют и поспешил в Острожье. Через пятнадцать минут и другие оперативные группы отправились в села и хутора. А еще через час вернулась группа Башкатова.

ЛЮБОМИР

Гтро. С остроконечной вершины Магуры открывается беспредельная даль мягко очерченных горных хребтов — то в зеленом убранстве соснового леса, то в отливающих желтизной полонинах, то в синем мареве. Междугорье заполнено молочно-белыми реками тумана. Говорливее становятся горные ручьи. Птицы с восходом солнца перелетают на освещенную сторону гор и дружным щебетом возвещают: наступил день! Туман рассеивается под ослепительным горным солнцем. И только кое-где в тени он еще цепляется за верхушки деревьев. Со стороны горного потока тянет ободряющим свежим ветерком. По горам разносится песня пастуха.

По каменистой дороге спускалась фура. Пара разномастных костлявых лошадей, задрав морды, с трудом сдерживала напор повозки. Лошади скользили, вздымая едкую желтую пыль. Возница стоял на ко-

¹ Поток — ручей, русло реки, ущелье.

ленях, накрутив вожжи на жилистые руки. Маленький сухой старик весь трясся от напряжения. Но вот дорога стала пологой, возница ослабил вожжи, клячи, вздымая брызги, влетели в реку Стрий, остановились и начали пить.

Возница Лескив сбил на затылок черную шляпу с узенькими полями и беспокойно посмотрел на противоположный, заросший ельником, берег. Из плетенки фуры, напоминавшей большую корзину, выглянул русоволосый парень. Осмотревшись, он блаженно прищурился от солнца.

— А погодка-то, дядько, как для большого праздника!

— А чего ж не праздник. Домой едешь — вот и праздник! — с трудом выговаривая русские слова, согласился Лескив. — Только как бы тебе его не испортили... — Он снова тревожно посмотрел на другой берег.

Русоволосый встал во весь рост, застегнул поверх слегка выгоревшей гимнастерки армейский ремень и подсел на передок.

— Говорили, что у вас тут погуливает кое-кто... Да как-то не очень верилось.

— Это уж тебе виднее — верить, не верить. А ты бы лучше снял рубаху свою с погонами.

Собеседник, словно не расслышав, вытащил потертый кисет, начал свертывать сигарку. Закурил и Лескив.

Лошади напились и теперь стояли не шевелясь, словно набирались сил перед трудным подъемом. Лескив поглубже нахлобучил шляпу и слегка дернул вожжи.

На середине реки фура погрузилась до самой плетенки. Седоки невозмутимо попыхивали сигарками. Когда переправились, Лескив соскочил, бегом осмотрел сбрую, поправил барки¹, зачем-то заглянул под возок и, покосившись на парня, сказал:

— Ты, Любомир, я правду тоби кажу, скинь рубаху. Солнце, видишь, как мордуе — будет дождь по полудню.

¹ Барки — часть упряжи.

— Это другое дело. По такой жаре — быстро выгорит. А она у меня одна, — согласился Любомир. Четыре медали зазвенели, когда он стягивал гимнастерку. Погоны Любомир аккуратно сложил и, вдвое свернув гимнастерку, положил ее между собой и возницей. Лескив повеселел.

— А ну, ледащи! — и помахал для остратки кнутом.

Пробежав мелкой рысью метров сорок, лошади потащили повозку по крутому подъему. Любомир соскочил на землю и, взявшись за перекладину со стороны возницы, пошел рядом с фурой.

— А что, дядя, неужели с нашего села нашлись такие, что к бандитам пошли?

— Есть и из нашего, — вздохнул Лескив и сплюнул. — Сучьи дети!

— Кто же это? Герасько-рябой? — продолжал Любомир.

— Герасько. И еще есть. А ты почему знаешь? Ваши писали? — в свою очередь полюбопытствовал крестьянин.

— Нет! Наши ничего о том не писали. Когда ехал со Львова до Самбора, там про бандитов и услышал. Сидел в углу вагона один, длинный такой, нос и левая бровь в синих точках, обожженный, так он заливался, аж захлебывался, — сколько, мол, народу в горы ушло. Одни-де бабы в селах карпатских остались. А сам оглядывается, глаза бегают. Схватил я его за грудки: чего, мол, ты брешешь, шкура, зачем людей лякаешь¹? Может, и завелась какая нечисть, так ты чего радуешься?! И только я его отпустил, он сразу в другой вагон перешел, а может, совсем выскочил.

— То брешет он, Любомир, — веско заявил Лескив. — С ихней компании...

— Ну и задумался я, — продолжал Любомир, — кто ж из нашего села в их банду пойдет? Понимают же земляки, что Советская власть им жизнь человеческую принесла. После скотского-то нашего существо-

¹ Пугаешь (укр.).

вания... И решил, что, кроме Гараськи-рябого да Мыська Копылы, некому такими нудами быть.

— Правду кажешь... Только и кроме их еще один отысканся.

— Кто?

Но Лескив не ответил. Любомир пошел вперед. И не видел, как тоскливо посмотрел ему вслед старик: на розовую шелковую безрукавку, плотно обтягивающую спину парня, на бугристые мускулы, свидетельствовавшие о большой силе. Аккуратно подстриженные светлые волосы отливали на солнце.

Сокрушенно покачал головой Лескив, думая про себя: что же теперь будет? Узнает, что приключилось в их доме, н...

Любомир, между тем, достиг седловины перевала. Прямо из-под его ног узкой лентой бежала дорога. У Сухого потока она, еще больше стесненная молодой порослью леса, терялась в бесчисленных поворотах.

Любомир вспомнил, как по этой самой дороге проходил он со стадом бычков, семнадцатилетним юношей в год начала Отечественной войны.

Любознательного паренька давно тянуло за горы, к далеким городам Бориславу, Дрогобычу, Самбору, Стрию. И уже совсем за тридевять земель виделся ему Львов. Не верилось тогда, что он когда-нибудь покинет родное село Радинское, где на краю его стояла старая хата отца, с незапамятных времен крытая почерневшей ржаной соломой. Почти от дома начинался крутой подъем на гору Магуру, на склоне которой было полгектара отцовской земли. С такими же безлошадными бедняками, как и сам, отец сообщал копил гроши на аренду двух кляч у сельского богача Копылы. Много нужно было перенести унижений, чтобы согласился радинский толстосум дать лошадей. Аренда была грабительской, да еще каждый просроченный день устного договора оплачивался вдвойне. К тому же на участке Задорожных пахать можно было только под гору. В дни пахоты Любомир с рассвета и до поздней ночи погонял лошадей, глядел, как изнемогавший отец вынужден впустую волочить плуг до верхнего гона.

Куда легче было пасти два десятка коров из хозяйства Копылы. Высоко в горах Любомир часами просиживал где-нибудь в тени, следя за стадом. Если же над вершинами нависали тучи, он забирался в небольшую, одному ему известную пещеру и, наблюдая за буйством короткого, но бурного карпатского ливня, насвистывал на самодельной сопилке «Коломыйку».

Мальчик привык к такой жизни. Он не знал, сколько Копыла платит за его работу. Но был уверен в том, что ни каторжный труд отца, ни беспросветная работа матери, ни его каждодневные восхождения на Магуру не могут хоть сколько-нибудь облегчить нищую жизнь семьи.

Все изменилось в 1939 году. На помощь пришли русские братья, а с ними — новая жизнь. Сначала как будто все оставалось по-прежнему. Любомир пас скот, вновь и вновь ходил по знакомым местам, выслеживал лежки диких кабанов и подолгу оглашал окрестности любимыми песнями. Но уже жена Копылы, сухая, как жила, тетка Каська, каждое утро совала пастуху десяток печеных картофелин, головку лука и кусок черного, пополам с овсом хлеба. И когда видела кого-либо поблизости, громко приговаривала: «Это тобі, сынок, пообидать. Що бог послал хозяину, то и тобі. Лучший кусок со стола».

А через полгода в дом Задорожных пришло чудо. Отец привел лошадей! Было это чудо не очень резвым, но вполне годилось для работы. Старый Задорожный души не чаял в лошаденке. До этого хмурый, стыдящийся своей хозяйственной немощи, он повеселел, стал спускаться вечерами к дому лесника Гурьяна и наравне с другими газдами рассуждал о доходящих в их лесную глушь новостях.

После того, как мать купила Любомиру вместо дмотканых обносков настоящие фабричные штаны, он вместе с младшим братом Владимиром начал появляться на сельских вечеринках. Широкий в плечах, вспоенный здоровым горным воздухом, Любомир выделялся среди сверстников. На него обращали внимание девчата. Но он стеснялся их.

Весной 1941 года Любомир нежданно-негаданно

попал в помощники к деду Свириду. Старый пастух нанимался на сезонную работу при Нижне-Высоцком пункте «Заготскота». Три-четыре раза за лето он сопровождал скот до станции Самбор. Забота у него была одна: доставить стадо без потерь к месту погрузки.

Любомир передал свое место у Копылы младшему брату, а сам стал готовиться к перегону.

Посещение Самбора, множество людей, обилие магазинов и лавчонок, звенящие струны электропроводов, первая увиденная в жизни автомашина, а затем паровоз — все это поразило юношу. Любопытство, казалось, было удовлетворено сверх всякой меры, увиденное превзошло все ожидания. И все-таки тот день, когда он впервые увидел Львов, запомнился на всю жизнь.

Во Львове их эшелон простоял целый день в сортировочном парке, и только к вечеру состав со скотом подогнали к разгрузочной площадке. К неудовольствию Любомира, в последний момент перед разгрузкой эшелон снова оттащили куда-то на запасные пути.

Ранним утром, чтобы лучше рассмотреть город, юноша полез на гору Подзамче. И первое, что увидел, — столбы огня и дыма, а услышал — свист и грохот авиабомб.

Через час их эшелон, набрав необычную для него скорость, мчался по незнакомым равнинам, через новые, совершенно незнакомые города и села. На седьмые сутки прибыли в Днепропетровск. Здесь, после сдачи скота, дед Свирид почувствовал себя плохо. Какие-то незнакомые, но заботливые люди отправили его в больницу.

Любомир остался один. Выхать обратно ему не удалось — на Запад пропускали только воинские эшелоны. Побродив несколько дней по огромному городу, полюбовавшись на могучий простор Днепра, Любомир с трудом разыскал место разгрузки скота и того добродушного толстяка, который отправлял деда Свирида в больницу. Внимательно выслушав горемыку, посетовав, что тот не рассказал сразу, в чем дело, толстяк свел Любомира к себе домой и пообещал что-нибудь придумать.

Он оказался добрым, отзывчивым человеком. Через три дня Любомир был зачислен учеником машиниста водонапорной скважины железнодорожного узла. Он быстро усвоил нехитрую механику двигателя и через два месяца стал уже помощником машиниста. В начале третьего месяца своей жизни в Днепрпетровске Любомир был призван в армию.

Танковый учебный полк под Харьковом. Дорога на фронт. Началась новая, ратная жизнь. Он испытал горечь отступления, научился встречать опасность со шноровкой бывалого воина. Войну он закончил в Берлине, в звании старшего сержанта, кавалером четырех боевых медалей.

Дома его до 1945 года считали погибшим. Исчезновение старшего сына совпало с приходом в село «новых» порядков, введенных фашистами и активно поддержанных буржуазными националистами. Погибли надежды на счастливую, человеческую жизнь, побелела голова старого Задорожного, и уже в первый год войны его начали звать дедом.

Зато вновь воспрянули духом радинские богачи. Никто уже не смел противиться их произволу. Задорожного обвинили в том, что его сын ушел на восток с Советами. А раз так — надел уменьшили наполовину. Еще до передела Задорожный слег, а летом сорок второго года его высохшее тело снесли на кладбище.

Семья, состоявшая из матери и младшего сына, обнищала. Лошадь отняли, двух овец с наступлением зимних холодов пришлось прирезать, чтобы сэкономить корм для единственной надежды на будущее — телки. Урезанный надел отдали в аренду, так как обрабатывать его не было ни сил, ни возможности.

Вечно голодный Володька, чтобы как-то существовать, начал воровать у соседей. Поседевшей, высохшей от бесконечных слез матери осталась горькая забота — отхаживать младшего сына, избиваемого сельчанами.

Только в середине 1945 года дошел наконец до истерзавшейся женщины маленький солдатский треугольник — весть от старшего сына. И теперь сам он ехал домой.

ВСТРЕЧА В СУХОМ ПОТОКЕ

Когда Лескив добрался наконец до спуска, Любомир шел уже по Сухому потоку. Его розовая майка веселым пятном выделялась на фоне зелени.

«Ого! Не разучился ходить», — подумал Лескив. Пока он притормаживал цепью заднее колесо, Любомир скрылся за поворотом.

— Стой! — послышался резкий оклик. Почти уткнулся в бок Любомиру ствол немецкого автомата. Здоровенный детина, с впалыми бритыми щеками, старался внушительнее насупить брови над бегающими глазами. За ним показался в кустах другой, толстомордый, с винтовкой.

— Ходи сюда! Ну, ну... без этого. Насквозь прошью.

Любомир медленно подошел к бандитам. Тот, что был с винтовкой, просипел:

— Зброя¹ есть?

— Нет ничего.

— Чего ходишь здесь? Кто ты е?

— Иду до дома.

— Звидкиля?

— Радинский.

Бандит, опустив винтовку, ощупал карманы Любомира и, убедившись в отсутствии оружия, прищурился:

— Шось я таких не бачив там.

— Я шесть лет не был дома.

— Звидкиля ж ты взявся? — подошел ближе бандит с автоматом. — Ишь, иде соби, як будто и никого не боится!

— А кого я должен бояться? — спросил Любомир.

— А хоть бы нас.

— Кто ж вы таки будете, — перейдя на местное речение, сказал Любомир, — що вас треба лякаться?

— Баньки² повылазили? Чи дурным прикидываешься? Партизаны. Чуешь?

¹ Зброя — оружие.

² Баньки — глаза.

— Партизаны? — как бы не понимая, протянул сержант.

Теперь сомнений не было. Мышиного цвета суконные немецкие френчи и брюки, туго перетянутые военными ремнями с алюминиевыми пряжками, — все говорило о том, что перед ним стояли недобитые солдаты разгромленной фашистской армии. Только своеобразный покрой шапок с самодельной эмблемой трехзубца говорил о принадлежности их к «оуновцам».

«Так вот они — бандеровские псы. Погань, ползающая по земле, которую им не удалось продать, — думал Любомир. — Что же делать?»

— Ты що бормочешь? Молиться задумав? — довольно осклабился бритый, — не бийсь, вбивать не будем.

— А что вы — каждого встречного так пугаете?

— Тоби, я смотрю, наша зустріч не по шкури... Москальска морда? Тебе пытаем, хто ты е?! Не маємо часу тарабанькатися с тобой... Видповидай!

Любомир тихо, но решительно отчеканил:

— Не ори! С автоматом почувствовал себя сильным? От самого Берлина никто меня не проверял — кто я, что я. А тут перед родным домом встретились... партизаны!

— Ще хорохоришся, пся крев? Жарны, Карантай, по ему, та и вся балачка.

Карантай отскочил от Любомира и вскинул автомат.

Только теперь Любомир понял всю сложность своего положения. Бандиты расстреляют его поблизости от родной хаты. Нелепость эта поразила не раз видавшего смерть сержанта. Но покориться бандитам он не мог. Любомир, как это бывало всегда в минуты особой опасности, лихорадочно искал выход. Трудно сказать, что бы он сделал, но из-за поворота послышались сердитые окрики Лескива:

— Щоб вас шлях трафыв! Гойта! Гойта! Ну, ледащи!..

Карантай засипел:

— Веды его сюда. Хтось иде. Ходы сюда! — при-

¹ Видповидай — отвечай.

крикнул он на Любомира, видя, что тот не трогается с места, и подтолкнул его к кустам. Бандиты, насторожившись, прислушивались к крикам возницы.

— Це мий дядя. Везе мене в Радинске, — проговорил Любомир.

Несколько минут молча наблюдали за дорогой. Показались лошадиные морды. Лескив, дымя толстой самокруткой, сидел на передке и размахивал кнутом. Бандит с винтовкой вышел из кустов. Лескив, увидя его, поспешно остановил повозку.

— Слава Иисусу, — пробормотал он.

— Навики слава. Куда едешь, вуйко¹? — Глаза бандита обшарили фуру. Лескив пересел на гимнастерку Любомира.

— В Радинске.

Бандит увидел в плетенке чемодан и туго набитый вещмешок, показал пальцем:

— Твое?

— Ни. Це я хлопча везу. Вин з армии вертається до дому. Так що це его скрынька² и мишок.

— А хлопец де? — ухмыляясь, спросил бандит.

— Хлопец? Вин пишке иде — чи позади десь, чи спереди. Не примитив. Може, вы его бачили? — беспокойно ответил Лескив.

Бандит ощупал мешок и, ослабившись, приказал:

— А ну, подсунь сюда скрыньку!

— Слухай, хлопча, хиба вильно так робыты? Це не мое, и робы як сам знаешь. В цим дили я тоби не помичник, — заупрямился старик.

— Хоть ты и сивый, а дурный. Хиба я грабую? Мени необходимо провирыть — це мий обов'язок. — Зайдя с другой стороны повозки, бандит снял большой фибровый чемодан. Наблюдавший за ним Карантай вышел из кустов, подталкивая автоматом Любомира.

Чемодан на двух замках не поддавался усилиям толстомордого, он достал из-за пояса тесак и с профессиональной ловкостью взломал один замок. Любомир сделал попытку подойти, но резкий оклик: «Стои!

¹ Вуйко — дядя.

² Скрынька — чемодан.

Не пидходь!» — остановил его. Заложив тесак под второй замок, бандит обернулся к Любомиру.

— В тебе ключи? Давай сюды.

— Не дам! — заявил Любомир.

Бандит вертанул тесак так, что замочек отлетел. Лескив не выдержал:

— Где ваша совість? Хлопец, може, матери який гостинец везе, а вы перед самими воротыми грабуєте...

— Сядь и сиди, старый хрыч. Тебе не чипають, так не суй носа!

— Та я ж... и так сидю, — пробормотал Лескив. Любомир повернулся к нему:

— Пусть грабят, вуйко. Посмотрим...

— Заткны ему глотку! — взорвался толстомордый, приподнявшись над чемоданом. — Доки вин буде распинаться? Ты ще не знаєшь тутошних порядков, соплива твоя харя, так знай! Западна Украина оккупована Совитами. Мы, партизаны, яки воюют с ними, не будем умолять каждого посильно помочь повстанцам! Не за горами той час, колы мы тут установим свою самостийну Украину.

Окончив разборку вещей прямо на дороге и отобрав часть для себя и другую — поменьше для напарника, он снова обернулся к Лескиву и Любомиру:

— Зараз мы дамо вам распыску. Положите ее за икону святой Марии и, дасть бог, получите по ней в три раза больше, чем с такой щедростью наделили мучеников повстанческой армии. Но ни одна собака не повинна знати про нашу зустріч.

Видя, что бандиты уходят, забрав все вещи, Лескив вскочил:

— Слушайте, хлопцы. Я маю де що вам сказать... Як бы и вам худо не пришлось. В якому такому святом письми написано, щоб свий своего грабував?

— Ты знову за свое? — угрожающе остановил его Карантай.

— Цей хлоп, кого вы ограбили, ридный брат вашего Володьки Задорожного!

— Ты що, Лескив? — крикнул Любомир.

Бандиты переглянулись, как бы уличенные в деле, которого им не простят.

— Не брешь, — забеспокоился Карантай.

— Та правду ж кажу! Як перед святым престолом, брат, ридный брат Володьки. Чи як вы его называете, Зорян, чи як... — Лескив размашисто перекрестился.

— Правду он каже?

— Моя фамилия Задорожный. Но то не мой брат. Знать я его не хочу, если он связался с такими...

Любомир собрал свои вещи, кинул их на повозку и вскочил на передок. Лескив дернул вожжи. Бандиты оторопело смотрели вслед фуре.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Отец Силантий любил тишину, любил наедине с самим собой коротать летние вечера. Старые, милые сердцу призраки окружали священника. Покуривая сигарету, он доставал пожелтевшие газеты и журналы, с наслаждением зачитывался корреспонденциями «Львовских вистей», «Украинского националиста»... Как отрадно было перечитать витиеватое послание митрополита графа Шептицкого, очередное заявление очередного претендента на министерский пост в несуществующем правительстве самостийников, милостивое разрешение губернатора Галиции Отто Вехтера на формирование дивизии СС «Галичина».

Были и рассказы угодливых репортеров, в которых преимущественно сообщалось о пикантных подробностях юности Степана Бандеры, как, например, он, воспитывая в себе характер, давил руками кошек и собак. Ниже шли объявления:

«Молодая девица возраста тридцати восьми лет, со значительным наследственным состоянием, предлагает свою руку и сердце неженатому молодому мужчине без физических недостатков», «Мужчина пятидесяти семи лет ищет для себя подругу жизни, желательна блондинку, рост средний, глаза голубые. Старше двадцати лет — просят не беспокоить. Транспортные расходы иногородним оплачиваются по нижепоименованному адресу»...

Словом, в пожелтевших газетах для отца Силантия продолжалась его жизнь, а действительность казалась отодвинувшейся, почти не существующей. Тем более, что духовная пища сдабривалась домашним вином. На столе, рядом с бронзовой статуэткой Наполеона, стояла литая пепельница, на которой был запечатлен сюжет, отнюдь не из священного писания. На первый взгляд не было ничего непристойного: молодая крестьянка, с корзиной яблок, сходила по лестнице, приставленной к дереву. Но когда пепельница поворачивалась — крестьянка представляла уже с оголенным задом: задранное платье зацепилось за перекладину.

Отец Силантий отпивал из стакана вино, хихикал и щелкал крестьянку пальцем.

В эту ночь не успел отец Силантий опорожнить и половину бутылки, как во дворе залился хриплым лаем старый пес. Священник насторожился. Обычно прихожане из Радинского или соседних сел, вызывая его к умирающему для отпущения грехов и напутственного слова, осторожно стучали в парадную дверь, выходящую на улицу. Кто же потревожил пса возле хозяйственных построек? Прикрутив фитиль лампы под зеленым абажуром, священник принял к оконному стеклу. Собака не унималась. Громыхая тяжелой цепью, она кидалась на кого-то. Завернувшись в пуховый платок матушки, священник черным ходом прошел во двор. Собака смолкла. Приближающийся рассвет притушил звездную россыпь в небе. Никого не увидев, отец Силантий пожурил собаку за беспокойство, пощупал висячие замки на сараях и конюшне и повернул обратно. И тут на крыльце увидел человека. Не испугавшись, он недовольно укорил:

— Лазить по чужим дворам в ночное время недостойно примерного христианина.

В ответ послышался смешок:

— Разве в твоём приходе есть еще порядочные христиане?

Отец Силантий оборвал насмешника:

— Что вам угодно?

— Хочу войти в дом.

— Сейчас ночь. И я не люблю такого тона. Я па-
стырь. Вы что — не здешний?

— Я родился здесь.

— В Радинском?

— В этом доме. — Человек придвинулся и прошеп-
тал: — Отец, это я, Орест...

Священник оцепенел, он силился что-то сказать, хлюпая беззубым ртом, издавал какие-то судорожные звуки и никак не мог прийти в себя. Сын взял его за плечи и мягко подтолкнул к двери. Только у себя в кабинете старик пришел в чувство, бросился к лампе, и ее мягкий свет упал на сына. Одетый в кожаную куртку и высокие сапоги, он стоял на пороге и с любопытством рассматривал комнату.

— Орест, сын мой! — вскрикнул отец Силантий.

Уже два года он и жена оплакивали Ореста. С тех пор, как в селе узнали о сокрушительном разгроме дивизии СС «Галичина» вблизи местечка Броды, надежды на возвращение сына, служившего в дивизии хорунжим, почти не было. Сперва отец Силантий еще ожидал, что получит от сына весточку, а потом перестал ждать. На всякий случай он стал всем рассказывать, будто бы сын его перешел на сторону Советской Армии и, кровью искупив свою вину, погиб в боях с гитлеровцами. Смирившись с утратой сына, священник еще более возненавидел то, что принесла Западной Украине Советская власть. В пору подготовки ликвидации Брестской унии отец Силантий только под нажимом высших церковных сановников смирился и объявил прихожанам о разрыве с папским Римом, о воссоединении с православной церковью и о том, что он теперь становится православным священником. Но когда выстрелом из-за угла был убит инициатор воссоединения протоиерей Львовского кафедрального собора Костельник, отец Силантий категорически отказался отслужить молебен за упокой его, хотя и получил строгое указание из епархии на этот счет.

Радость охватила священника и совершенно потерявшую голову матушку по случаю возвращения сына. Первое, что сделал отец Силантий, придя в се-

бя, — завесил окно кабинета широким байковым одеялом.

Положив мимоходом несколько поспешных благодарственных поклонов всевышнему, матушка растолкала работницу, и на кухне закипела работа, заскрежетали замки сундуков и кладовых. Отец Силантий дважды выскакивал на кухню и делал краткие, но весьма красноречивые внушения прислуге и матушке Василисе.

Откинувшись в кресле, дымя пахучими американскими сигаретами, Орест, уже успевший хлебнуть из стоявшей на столе бутылки, рассказывал о себе. Отрекомендовавшись эмиссаром центрального «провода» ОУН, Орест, помня строгое предупреждение своих хозяев, ни словом не обмолвился о подлинных целях приезда, сказал, что больше всего ему хотелось поглядеть родителей.

Незадолго до этого из Аугсберга выехал шестиместный «кадиллак». Он свернул на мюнхенское шоссе. На заднем сиденье его развалился Орест. Он гадал о причинах своего внезапного вызова из Кауфбейрена — местечка на юге Германии, где в диверсионной школе прощли последние полтора года его жизни. Там ему не приходилось думать о завтрашнем дне, просить подачек в эмигрантских организациях, которые снабжали все скуднее и скуднее. Техническое образование, полученное в свое время в стенах Львовского политехнического института, помогло Оресту быстро овладеть техникой взрывного дела и даже стать преподавателем. Он при случайном взрыве лишился двух пальцев левой руки, заработал кличку «Беспалый», но это мало его трогало. Главное, что он живет недурно и со временем станет жить еще лучше. Вызвали же его так не вовремя! Сегодня он лишился долгожданного свидания на квартире у пухленькой белокурой фрау Бетти, которая после длительного и упорного сопротивления наконец пригласила его к себе.

— Нельзя ли побыстрей? — недовольно спросил он шофера. Но тот даже не повернул головы. «Скоти-

на!» — выругался про себя Орест, вынимая сигарету.

— Не надо нервничать. Нервишки рекомендуется держать в порядке, — произнес шофер и протянул через плечо зажигалку. По его голосу Орест понял, что это не просто водитель. Машина затормозила у перекрестка. Через несколько минут рядом остановилась еще одна легковая машина, из нее, не торопясь, вышел моложавый человек, открыл дверцу «кадилака», сел рядом с шофером, и автомобиль набрал скорость.

Не оборачиваясь, неизвестный спросил Ореста:

— Я забыл ваше отчество.

— Силантьевич.

— Вам придется на время забыть свою фамилию, имя и отчество. Теперь вы Семенов Иван Иванович. Документы получите в Мюнхене. Командировочное удостоверение у вас будет настоящее. Вы инженер из Баку, направленный на Дрогобычский нефтеперегонный завод. На то, чтобы вжиться в образ, даю три недели. Маловато, но... А потом...

У Ореста задрожали руки. Все рухнуло: спокойная жизнь, надежда на повышение, на деньги. А он-то думал, что его никуда не пошлют... Орест вспомнил, что в последних числах июня школу посетил какой-то господин. Перед ним в три погибели сгибался их начальник, бывший подполковник гитлеровского разведывательного отряда «Абвер-101». Вскоре к начальнику вызвали всех выходцев из Западной Украины. Орест сделал попытку увилинуть:

— В Дрогобыче я могу встретить знакомых. Меня многие помнят.

— За эти годы вы весьма изменились. Боюсь, что даже ваш батюшка, священник села Радинского, не сразу узнает вас. А в Дрогобыче вам делать нечего. Все интересующие вас вопросы выясните позже. Для этого у вас будет время.

Орест молча выругал себя и заискивающе пояснил:

— Но ведь я руководствуюсь не боязнью за себя, а за судьбу поручаемого...

Подобие улыбки одновременно скользнуло по лицам сидящих впереди.

— Старина, тебе не кажется, что одна из камер спустилась?

«Шофер» остановил машину и вышел. Оставшийся объяснил Оресту:

— Когда вы получите документы, там будет совершенно другая фамилия. Не та, которую я вам называл. И в Дрогобыч вы поедете только в случае необходимости.

— Это означает, что я должен проявлять... некоторое недоверие к этому человеку?

— Напротив. Все дальнейшие приготовления по переброске вас туда полностью возложены на него. Но фамилию, под которой вы будете жить в России, не должен знать и он. Это избавит меня от лишних забот в случае какой-нибудь неожиданности. По тем же и еще кое-каким причинам мы с вами беседуем здесь, а не в школе.

Открылась дверца, и в шофере Орест вдруг узнал того самого господина, который посетил недавно их школу.

Машина снова побежала по шоссе. Ровный шум мотора успокаивающе подействовал на возбужденные нервы бывшего хорунжего. Не меняя позы, «шеф», как уже звал его про себя Орест, монотонно басил:

— Когда вы перевоплотитесь в другого человека, вас переправят через границу. Миссия ваша, которой мы — не скрою — придаем очень серьезное значение, поделена на три этапа. Первый этап может быть завершен негласным прибытием в село Радинское. Думаю, вам будет приятно провести несколько дней в обществе родителей. Насколько мне известно, они не разделяют точки зрения некоторых ваших земляков, сотрудничающих с Советами. Затем, когда тревога пограничных и местных властей уляжется и вас будут искать где угодно, кроме самой границы, — вы приступите к выполнению второй части, — она будет связана с друзьями вашего отца. О ней вам расскажет подробно он, — шеф кивнул на водителя. — Третий этап — установление связи с нашим резидентом во Львове. Адрес, пароль и прочее узнаете позже. В Радинском будете выступать как «эmissар» центрального провода ОУН. К тому времени с вами свя-

жется наш человек из Львова. Вы узнаете его при помощи этого устарелого, но достаточно надежного удостоверения личности.

Шеф порылся в левом кармане пиджака, извлек обыкновенную пластмассовую расческу, легким нажимом пальцев переломил ее на две части, меньшую из них передал Оресту.

— От него получите другие указания, он объяснит, как вам вернуться. Запомните главное: надо расположить к себе оуновцев и полностью подчинить их своему влиянию. Последнее время у нас есть сведения, что некоторые из них поддаются большевистской пропаганде, выходят с повинной. А остальные? Эта сырая масса инсургентов слишком кичится глупыми и пустыми лозунгами и очень мало действует. Вы должны им внушить, что их «героическая» борьба может быть отмечена на Западе только тогда, когда ее резонанс дойдет до уровня дипломатической заинтересованности.

Орест ухмыльнулся: посмотрели бы его бывшие дружки из эсэсовской дивизии, которые видели его рудующим в еврейских гетто и в камерах лагерей для военнопленных, — посмотрели бы они, какими вопросами он занимается теперь! Нет, не посмотрят, догнивают их эсэсовские кости возле Брод. Он накупился.

— Следовательно, вожакам Подкове и Юзефу, кстати, обратите на них сугубое внимание, не нужно размениваться на дешевую популярность среди своих бан... инсургентов, а искать всеми средствами поддержку западноукраинского крестьянства. Я не говорю, что надо отказаться от методов, которые вы изучили в гестапо, но они должны быть тоньше, надежнее. Что касается материальной поддержки, то она будет практически неограниченна. Мы знаем обстановку, в которой там приходится действовать, и поэтому то, за что обычно платим доллар... — Он повернулся к Оресту. — Вы лично получите кругленькую сумму в десять тысяч долларов.

Орест вежливо удивился:

— Мне трудно сослаться на прејскурант, но за предстоящую работу... Меня удивляет недооценка всех

тех трудностей, с которыми мне предстоит столкнуться.

Его сухо перебили:

— Гораздо вежливее дослушать до конца. Десять тысяч — лишь гонорар за предстоящую работу. С вашим возвращением мы еще вернемся к этому вопросу. Конечно, все будет зависеть от степени вашего непосредственного участия в выполнении данных поручений.

Орест опять зашевелился.

— Я же сказал вам — все остальные вопросы вы решите с ним, — шеф кивнул головой в сторону водителя.

— И о вознаграждении — с ним?

— Да.

Орест вздохнул.

Бесстрастное до этого лицо шефа помрачнело. Раздумывая над чем-то, он брезгливо поджал губы. Наконец вынул записную книжку с карандашиком на золотой цепочке, написал несколько слов и положил руку на колено шофера. Тот прочитал: «Соглашайтесь на любую сумму». Еле заметным движением шофер дал знать, что понял.

Давно работая в разведке, он не удивился разрешению договариваться с Орестом любой ценой. Он только взглянул на него в зеркальце как на человека, песенка которого спета.

Молчание нарушил Орест:

— А способ перехода границы?

— Вы же прыгали с парашютом. Или вас зря этому учили? Хотите попрыгать еще? Вы что, собираетесь поставить рекорд по парашютному спорту?

— Нет, разумеется.

«Благослови меня, всевышний! Какой тут, дьявол, рекорд!»

Машина преодолела подъем, впереди заблестели огни Мюнхена. Бесчисленное множество их сияло по обеим сторонам реки, делящей город на две части. Старая часть, расположенная на левом берегу, с узкими неудобными улицами, была освещена значительно слабее, чем новая, где буржуазные кварталы Бюгенхаузен и Хайдхаузен утопали в волнах неона-

вых огней. Влившись в поток транспорта в оживленных кварталах Швабинга, «кадиллак» довольно скоро остановился у ворот малопримечательного особняка с затемненными окнами. Шеф пожелал Оресту приятных сновидений, открыл заднюю дверцу и ободряюще прибавил:

— Мы встречаемся через три недели. Надеюсь на вашу работоспособность. Учтите — никаких новых знакомств. Если уж очень захочется поразвлечься, — он обратился к «водителю», — пришлите ему Бетти, он, кажется, равнодушен к блондинкам.

Орест чуть не крикнул с досады. А он-то воображал, что Бетти увлеклась им.

Машина проехала еще несколько кварталов и остановилась у особняка. Из подъезда вышел рослый, атлетического сложения человек.

— Отто, проводите гостя в его комнату и дайте все, что потребуется.

— Слушаюсь, — щелкнул каблуками тот и повел Ореста к особняку.

Как только они скрылись в дверях, «водитель» достал отвертку, отвинтил металлическую крышку справа от рулевого управления. Запустив руку в отверстие, он вытащил небольшую бобину с магнитолентой и переложил в карман. Ведь и в Интеллидженс сервис¹ интересуются многим. А лишние деньги не помеха.

Орест врал отцу. Он говорил об активной роли бандеровцев в политических кругах Западной Европы, об их выдающихся перспективах и значительном влиянии на современное международное положение.

Священнослужителя волновали воскресшие надежды. Старческие губы шептали: «Господи, дай сил дожить твоему слуге до великих дней, сотвори чудо: не допусти костлявую к многострадальному телу твоего раба недостойного», — и слезы выступали у него на глазах.

¹ Интеллидженс сервис — английская военно-политическая разведка.

Когда на столе были расставлены закуски, отец Силантий спохватился и побежал в погребок, ключи от которого постоянно хранил при себе. Вернулся с двумя замшелыми бутылками.

— О-о, — обрадованно протянул сын, изучив выцветшие этикетки. — Как это ты ухитрился попридержать их с двадцать девятого года?

Отец Силантий усмехнулся:

— Там и постарше есть. Но те бутылочки разопьем на светлый праздник освобождения.

Матушка смотрела то на сына, то на мужа и смахивала слезы.

Неторопливо закусывая, продолжали беседу. Рассказчиком уже был священник. Разумеется, и он стал выдавать желаемое за действительное. Но даже прихвывая и сгущая краски, отец Силантий вынужден был признать успешную «советизацию Западной Украины москалями», не мог скрыть вынужденного, по его мнению, одобрения населением всего, что вводила новая власть. Говоря о деятельности оуновского подполья, он отметил его малочисленность, плохую организованность, неспособность главарей использовать подходящие, по его мнению, моменты для пополнения отрядов молодежью. Заговорив о вере сельчан в свое «освобождение», отец Силантий многословно пытался доказать или опровергнуть что-то, ссылаясь на «безграмотность мужиков и их слепое доверие хитрым большевикам». Потом снова обрушился на бандитов, то обвиняя их в трусости и праздной жизни, то жалуясь на малую эффективность «акций»... Он вскочил и достал пожелтевший номер газеты «Украинский националист».

— Вот. «Украинский национализм не должен считаться ни с какими общечеловеческими понятиями — солидарности, справедливости, милосердия, гуманизма. Любая дорога, которая ведет к исполнению нашей высшей цели, есть наша дорога; несколько не считаемся с тем, как будет это у других называться — героизмом или подлостью...» Вот как надо, вот как!

Орест еле успокоил отца:

— Да, если бы все так ясно понимали наши цели, как ты...

— Мы бы давно создали самостийну Украину! Еще в восемнадцатом году...

Даже сквозь байковое одеяло в прокуренный кабинет пробился рассвет. Матушка Василиса, не смея перебить мужа и сына, сидела за столом и крестила раздираемый зевотой рот. Она давно приготовила сыну постель, но все не могла вставить слово. Наконец, поглядев на утомленное лицо Ореста, решилась:

— Отдохнуть бы вам. Посмотрите — почернели вы уже.

Отец Силантий, с трудом поняв ее, внезапно встревожился:

— Глафира видела Ореста?

— Нет, — отмахнулась матушка.

— Это какая Глафира? Та, что раньше у нас служила? — спросил Орест.

— Она, она, как же. Глухая, ты же помнишь, — подтвердил священник.

— Такая же глупая? Не поумнела?

— Куда там, — залилась смехом матушка, — совсем поглупела. Тогда она еще немного слышала, а сейчас что чурбан. — Она постучала кулаком по столу.

Глафире было около пятидесяти. Почти совсем глухая, диковатая, с черными огрубевшими руками и хмурым лицом, она с пятнадцати лет служила у отца Силантия. Замкнутая, необщительная, занятая с утра до вечера, она старалась как можно меньше попадаться людям на глаза.

Когда деревенские мальчишки при ее появлении на улице села дразнили: «Глашка глухая! Глашка глухая!» — она лишь беспомощно смотрела по сторонам.

Разбуженная ночью Глафира сходила в курятник, поймала двух несушек. Проходя мимо окна, увидела какого-то мужчину и отца Силантия, разворачивающего байковое одеяло. Придя на кухню, она присела от внезапной догадки: «Орест появился. А говорили — погиб».

Решили отдохнуть. Матушка только руками всплеснула, услышав, что сын будет спать не на любовно приготовленных ею пуховиках, а на чердаке, среди

старой рухляди и всякого пыльного хлама, затянутого сетями паутины.

— Как же так?! Я старалась, старалась... На чердаке ведь мышей пропасть, — сокрушалась мать.

— Надеюсь, они не настолько голодны, чтобы взяться за меня, — пошутил Орест.

Священник сам слезил на чердак, выбрал при тусклом свете фонаря укромное местечко, поставил старую кушетку, вместе с Орестом перетащил постель. Белоснежное постельное белье пахло горным чебрецом. Повалившись на перину, Орест напомнил отцу:

— Свяжи меня завтра с Подковой...

Вернувшись в пропахший дымом кабинет, отец Силантий потушил лампу и сдернул с окна одеяло. На дворе было светло. Чистое небо предвещало погожий день. По стежке, окруженная курами и цыплятами, с деревянным корытцем в руках вышагивала Глафира.

— Петуни, петуни, петуни!

Из будки, потягиваясь, вылез облезлый пес, энергично замахая хвостом. Чуть подальше, на блестящей от росы траве, были привязаны два козленка, а возле клуни, в небольшом водоеме плескалась стайка уток с утятами.

Все было так же, как вчера, как десять, двадцать дней назад, но на лице отца Силантия впервые за последние четыре года появилась улыбка. Донеслись редкие удары церковного колокола, призывавшего радичан к заутрене. Быстро собравшись, отец Силантий отправился в церковь. Выйдя во двор, он подозвал Глафиру и, надрывая голосовые связки, приказал сходить к Копыле и передать, чтобы тот до обеда обязательно зашел к ним.

Поделав самые спешные дела по хозяйству, Глафира покрыла голову праздничным платком и направилась на другой конец села. Ее редкие появления на улице привлекали всеобщее внимание, поэтому ходила она всегда быстро. Глафира знала, что ее считают «не в себе», и, в свою очередь, испытывала к людям недоверие, видя от них лишь зло. Исключение она делала только для Надежды Васильевны Задорожной. И вот почему.

Излюбленным ягодным местом у радичан считалась гора Катя. Там на Глафиру однажды напала ватага мальчишек. С разукрашенными темно-синим соком черники рожицами, они окружили Глафиру и стали бросать в нее всем, что попадалось под руку. Глафира закрыла лицо руками. Мимо проходила Надежда Васильевна. Она сделала то, что сделал бы на ее месте каждый взрослый человек: оттрепала за уши попавшихся «дикарей», успокоила беспомощную женщину и помогла ей вновь наполнить корзину ягодами.

Поэтому теперь, встретив возле школы Задорожную, Глафира остановилась, приветливо закивала головой.

— Здравствуй, здравствуй, Глафира! Куда это ты в такую рань? Не по ягоды ли?

Глафира не расслышала вопроса, но догадалась, что ее спрашивают, куда она идет, и, махнув рукой в конец села, громко ответила:

— Копылу велел позвать батюшка, к обеду должен прийти. Радость у матушки Василисы. Вернулся этот...

— Кто вернулся?

Глафира не услышала вопроса и не ответила.

Надежда Васильевна улыбнулась и погладила Глафиру по плечу.

— Ну, иди, иди, горемычная. Поговорили! — А потом больше жестами, чем словами, добавила: — Когда по ягоды соберешься — заходи, вместе пойдем.

Глафира понимающе закивала головой и огрубевшей рукой нежно провела по плечу Задорожной.

НИТОЧКА ПОТЯНУЛАСЬ

Пукашову и Башкатову удалось установить, что группа бандитов должна по какому-то делу появиться ночью в селе Россопач. Было решено устроить засаду. С отрядом отправился Башкатов.

Днем они просидели в лесу, а глубокой ночью незаметно спустились с гор. Башкатов привел солдат к

школьному сараю, откуда просматривалось все село. Зброшенный, как и находящаяся рядом с ним старая школа, сарай находился почти в центре села на небольшом пустыре. Этот пустырь, огибаемый ручейком, был местом, где в праздничные дни собирались сельчане.

Часы показывали половину второго ночи. Моросил дождь. Он словно уплотнил темень. Мысли у Башкатова путались, обрывались, падали куда-то, возникали снова... Стремление закрыть глаза, уснуть было таким сильным, что он смежил глаза и тут же увидел сон. Он и его бойцы лежат, а безмолвные бандиты идут, идут, идут на них... Он вздрогнул и проснулся. Захотелось курить. Башкатов легонько толкнул лежащего рядом сержанта. Тот придвинулся.

— Не спишь? — спросил Башкатов.

— Не сплю, товарищ лейтенант, — ответил сержант, — только курить хочется.

— Терпи. Я тоже хочу.

Протяжный свист, донесшийся с края села, мгновенно снял с лейтенанта усталость. Он даже дыхание притаил, чтобы лучше слышать. Через некоторое время свист повторился. И стало слышно, что несколько человек, торопливо, но осторожно приближаются к засаде. Башкатов определил, что идут двое, и пропустил их, решив, что это связные. Залаяли собаки. Но они скоро успокоились.

Прошло еще немного времени. Подул свежий ветерок. Показалось, что он своим холодным дыханием развеял тьму и позволил различить ближайшие строения. Лейтенант обрадовался, что можно видеть хоть что-нибудь. Снова залаяли собаки. Вскоре раздались шаги большой группы людей.

«Когда средние поравняются со мной, окликну», — решил он.

— Стой! Кто идет?

Пустырь ожил и загудел под тяжестью кованых сапог. Лейтенант дернул курок ракетницы. Ракета с яростным шипом взмыла вверх, разорвалась, и ослепительно яркий свет залил пустырь. Бандиты заметались.

Башкатов даже не крикнул «огонь», так как одновременно с его окликом ночную тишину резко пререзала длинная очередь вражеского автомата. На нее дружно ответили солдаты. Не успела погаснуть в небе первая ракета, а уже взлетела другая, за ней — третья.

Башкатов увидел, как несколько бандитов залегли шагах в тридцати от них и открыли бешеную стрельбу. Красные язычки из автоматов почти не гасли. Длинной очередью, которую сам Башкатов почему-то не услышал, он заставил потухнуть один из язычков. Налетчики вскочили, и тут же один из них взмахнул руками и, как подкошенный, свалился на землю.

При свете ракет было видно, как метались застигнутые врасплох растерявшиеся бандиты. Вдруг перед глазами солдат взметнулся ослепительно белый огонь, и в гуле разрывов потонули все остальные звуки. Вторая граната завертелась перед сержантом, он успел только прокричать:

— Ложись!

— Товарищ лейтенант, уходят! — придвинувшись к Башкатову, крикнул сержант. Лейтенант кивнул и продолжал стрелять по бандитам. Они, рассыпавшись, поспешно отползали с пустыря.

— Ракету! — крикнул Башкатов.

— Кончились, — ответил кто-то из солдат.

Стало тихо.

Тишину прервал стон. Башкатов в сопровождении солдата пошел вперед и внезапно увидел на земле человека. В это время к нему подбежал сержант. Он присел рядом на корточки.

Башкатов заметил, что у сержанта забинтована рука.

— Ранен?

— Осколком кожу содрало. Пуетяки.

— Я Васильева за фонарем послал. Наши все целы?

— С нашей стороны все в порядке, товарищ лейтенант.

Приказав сержанту вернуться к солдатам, Башкатов дотронулся до раненого — тот замычал и умолк.

— Вы меня слышите? — спросил Борис.

Раненый молчал. В нескольких шагах от себя Башкатов услышал сопение. Только теперь он различил еще одного человека, распростертого на земле. Башкатов прильнул к траве. Но выстрела не последовало. Сопение прервалось. Послышались хлюпающие звуки. Башкатов поднялся. Вскоре вдаль показался свет фонаря.

— Товарищ лейтенант, — негромко окликнул Васильев.

— Здесь я, — отозвался Башкатов и, увидев, что догадливый солдат захватил двоих местных жителей, распорядился:

— Оставайтесь на месте, а те, кто с вами, пусть подойдут с фонарем.

Крестьяне наткнулись на лежащего в стороне бандита. Осветив его, один дрогнувшим голосом произнес:

— Та це ж убитый. Лейтенант, де вы?

— Идите сюда. — И, когда они придвинулись, спросил: — Что вы сказали?

— Хтось убитый лежить.

Сбросив с плеча плащ-палатку, Башкатов расстелил ее возле раненого, приказал:

— Помогите положить его на плащ.

Раненого отнесли в ближнюю хату. Когда слабый свет фонаря померк перед лампой, все удивленно уставились на мертвенно-бледное лицо лежащего человека. Закрытые веки слабо подергивались, бледные губы еле заметно оттенялись легким темным пушком. Густые черные волосы длинными прядями выбивались из-под шапки-ушанки. Девушка неподвижно лежала в забытии. По росту сшитая зеленая фуфайка перетягивалась кожаным ремнем, справа висел маленький пистолет. Коричневые шаровары, пропитанные кровью, туго обтягивали ноги. Ранение, очевидно, находилось выше колена. Расстегнув на девушке ремень, лейтенант досадливо крикнул и стал осторожно стягивать с нее шаровары.

— Дайте быстрее теплой воды, — обратился он к хозяйке.

Мужики отошли в глубь комнаты и там задымили.

Хозяйка принесла эмалированный таз с теплой водой, заметила нерешительность Башкатова, ободряюще зашептала:

— Ничего, ничего, я помогу.

Девушка слабо застонала. Ее лицо покрылось мелкой испариной.

— Воды, — прошептала она.

Башкатов налил воду в стакан, стал поить девушку. Веки ее приоткрылись. Вглядевшись в лицо Башкатова, она оттолкнула его и тут же снова потеряла сознание.

Убедившись, что у раненой повреждена кость, Башкатов послал одного из мужиков за подводой, чтобы отвезти девушку в больницу. Закончив перевязку, он отошел к окну и жадно закурил. Спohватившись, попросил хозяйку подложить под голову раненой подушку. После перевязки девушке полегчало: дыхание стало ровным, подергивание век прекратилось. Скрипнула дверь, и Башкатов увидел сержанта.

— Ну, как там?

— Двое убитых, трое раненых, — ответил сержант.

— С этой?

— Неужели баба? — спросил сержант.

— Женщина, — подтвердил Башкатов.

— Тогда с этой... женщиной четверо.

Башкатов попросил хозяина сходить за председателем сельсовета, а сам побрел к сараю. Светало. Он подошел к солдатам, которые сидели у сарая и сосали самокрутки. Лица их, с запавшими глазами, стали суровее. Но лейтенант был уверен — прикажи он этим усталым, насквозь промокшим людям опять ползти по грязи, идти в бой, они ринутся вперед с новыми силами.

Возле сарая, в котором были заперты легкораненые, лежали два трупа. Бандиты, как на подбор, были рослыми, откормленными. Кроме полевых сумок, набитых всякой всячиной, и нескольких автоматов был найден белый холщовый мешок с портативной пишущей машинкой «Мерседес».

Удивившись, что так долго нет председателя сельсовета, Башкатов решил было послать за ним солда-

та, но тут появилась немолодая, с распухшим от слез лицом женщина — жена председателя. Выяснилось, что вечером два бандита ворвались в дом и забрали ее мужа.

«Неужели, это те, которых мы пропустили?..» — с горечью подумал Башкатов. Он вошел в сарай.

— Где председатель сельского Совета?

Бандиты молчали. В сарай вбежала жена председателя.

— Где мужа дели? Куда увели? Сволочи ненасытные! Мало того, что всех обираете, так еще и детей сиротами делаете! Где муж? Ты чего, гадина, молчишь? — Она вцепилась в плечо одного из бандитов и, заливаясь слезами, требовала: — Говори, где муж? Своими руками задушу!

Башкатов попросил отвести женщину в дом. Но и оттуда был слышен ее голос, полный муки и отчаяния.

— Так где председатель? — еле сдерживая гнев, снова спросил лейтенант.

— Там. — Один из бандитов махнул рукой. — Повесили...

На окраине села стояла старая кирпичная каплица. В ее неглубокой нише красовалось облезшее изображение божьей матери. Она бесцветными глазами смотрела на дерево, возвышавшееся рядом, и была единственной свидетельницей предсмертных мук председателя, не пожелавшего подчиниться бандитам.

Сняв труп и уложив на подводу, мужики с непокрытыми головами повезли его по селу.

Башкатов посмотрел на жену председателя, сердце его сжалось.

Раненая девушка, услышав крики, подняла голову, посмотрела на Башкатова и закрыла лицо руками.

Один из крестьян, седой старик, решительно двинулся к подводе, на которой сидели раненые бандиты. Подойдя, он долго всматривался в их лица. Они трусливо отодвинулись от него, блудливо забегали глазами. Старик снял с головы капелюх, перекрестился и, натужившись, плюнул в лицо одному из бандитов.

— Иуда! — крикнул старик.

Сельчане молча смотрели на них.

РАЗГОВОР НЕ ПОЛУЧИЛСЯ

В день приезда Любомира многие односельчане сошлись к старой хатенке Задорожных. Помолодевшая, сияющая Надежда Васильевна хлопотала возле гостей. Длинный дощатый стол, покрытый куском белого домашнего полотна, был уставлен мисками с картофелем, квашеной капустой, мелко-нарезанной солониной. Большие ломти хлеба лежали посреди стола.

Почетным гостем — по правую руку Любомира — сидел председатель сельсовета Ильченко. Его лысая голова напряженно держалась на жилистой длинной шее. Слева от Любомира сидел Лескив. Говорливый, особенно во время застолья, на этот раз он молча слушал других.

Был здесь и секретарь сельсовета Мигляй. Желтолицый, с выпуклыми глазами, он чаще и дольше других при каждом удобном случае заливался елейным смехом и вытирал грязным платком рот.

Любомиру пришлось говорить больше всех. Его засыпали вопросами, впрочем, словно сговорившись, никто не спрашивал о том, что больше всего разжигало общее любопытство: знает ли Любомир, что его брат Володька в банде.

— Немцы нашему отношению к себе удивлялись, — рассказывал между тем Любомир. — Ведь их тоже запугивали выдумками, как нас до тридцать девятого года, что большевики — звери, которые убивают всех подряд. Одним словом, геббельсовская пропаганда. А мы, даже идущие первыми, злые и усталые, и то... даже помогали гражданским.

Напротив Любомира сидел лесник Гурьян.

— Любомир, а американцев встречал? — спросил он.

— Встречал и американцев. Веселые парни. Заносчивые, правда. Говорят — не мы, не дойти бы вам до Берлина. Понимаете, это они — нам!

— А может, и так? — прищурился лесник.

— Когда мы бешеному волку хребтину ломали, они за океаном отсиживались, а когда переломили — они тут как тут.

— Хитрый народ, — согласился Гурьян, — техничный. Они на выдумку — ого!

— Про технику правду, лесник, говоришь. Машин у них много, — согласился Любомир, — только сейчас и у нас этого дела... Это в начале войны солдат ногами дорогу мерял, а под конец — на такой технике гитлеровцев догоняли — они не знали, куда упрятаться.

— Я и говорю — Советская власть крепка, — поспешил вставить Гурьян. — Я говорю — они помогали.

— Помогали, — согласился Любомир, — что им оставалось делать.

Лескив поскреб голову и вставил:

— Выпить бы еще.

— Почему же, можно и выпить, — согласился Любомир и стал выбираться из-за стола.

— Куда ты, Любомир? Посиди, — многозначительно подмигнув, забеспокоился лесник. — Я уже послал.

В комнату вошла Надежда Васильевна.

— Мамо, ты сходила бы до крамаря, принесла еще чего-нибудь.

— Сиди, сиди, сынок, — ласково ответила мать. — Я сама знаю, что гости хотят выпить... — И, развернув плахту¹, поставила на стол четверть, наполовину наполненную самогонкой.

— О-о, моя сердечная, где же ты так забарилась? Мутновата ты, но что ж поделаешь, видно, и тот, кто тебя гнал, тоже не совсем прозрачный, — оживленно заговорил Лескив. — Давай, давай, попробуем тебя за просветление души хозяина твоего.

Мужики заулыбались, а Мигляй захихикал:

— Ну и дед! Скажет, так скажет. — Но, уловив недовольный взгляд Гурьяна, осекся.

— Ишь, как тебя подмывает, а сам думаешь, как бы тебе побольше налили, — с колючей улыбкой на лице процедил Гурьян.

— Грешен, хлопцы, что грешен — то грешен! Люблю ее, чтоб ей, сердечной, ни кола, ни двора. Пил, пью и буду пить ее, недостойную, — оправдался Мигляй. — Наливай! Она пользительна.

¹ Плахта — кусок домотканого полотна.

Гости заулыбались. Любомир тем временем наполнял стаканчики и раздавал их гостям, которые слегка приподнимались и благодарно кланялись. Выпив, стали молча закусывать.

Любомир глядел на них, думая о том, что же теперь берedit эти суровые, много перенесшие на своем веку мужицкие души. Вот осторожно, будто стыдясь своих узловатых пальцев, протянул руку Морозенко. Широкая, с потрескавшейся ладонью рука его неловко держала деревянную ложку и с неторопливой торжественностью зачерпывала капусту. С такими же почерневшими от тяжелого труда руками когда-то сидел во главе стола покойный отец. Никогда не забыть, как он, стыдясь бедности, избегал взглядов сыновей.

А вот другая, чаще всех совершавшая путь от миски ко рту владельца, — торопливая рука Мигляя, любителя поесть и попить за чужой счет, вечного прихлебателя у власть имущих.

Рука лесника Гурьяна неподвижно замерла возле ложки. Лесника не интересовала пища, черпавшаяся из одной миски.

Любомир спросил:

— Ну, что же вы мне о радинских делах не скажете ничего?

— А что мы можем сказать, — ответил Мигляй, — такая же жизнь, как и раньше была. И власть такая же, как ты в последний раз из села ушел. Все по-старому. Правда, хлопцы?

Послышались возгласы:

— Поживешь, сам увидишь.

— У нас все слава богу!

— Нечего нам рассказывать.

Любомир не выдержал:

— И про бандитов вам нечего рассказывать?

Мужики с еще большей сосредоточенностью взялись за закуску.

— Вроде есть какие-то... Кто бандитами их зовет, кто еще как, — раздумчиво пояснил Гурьян.

— Бандиты имя им! — твердо отчеканил Любомир. — Я сам убедился. Тот, кто грабит людей на большой дороге... Пусть Лескив расскажет, как они нас.

— Тебя ограбили? — удивился Мигляй.

Лескив отправил в рот порцию капусты побольше, надеясь увильнуть от расспросов.

— Почему вы молчите, что и мой брат в банде? Почему? — настойчиво требовал Любомир.

— Куда закинул! — пригнувшись над столом, укоризненно запротестовал Мигляй, — нам этот разговор невосприимчив. Политика нас интересует постольку поскольку.

— Какая тут, газды, политика! Вас что, не беспокоит ваше будущее и будущее ваших детей? Жизнь это, а не политика. Сколько из нашего села в банде?

— Человека три-четыре, — пожав плечами, ответил Ильченко.

— Нашим головам и так много забот, чтобы забивать их всякой всячиной. Чем больше знать, тем тревожней спать, — вставил свое слово лесник, — видишь ли, Любомир, нам не с руки беседовать с тобой на эту тему. Ты приехал и уехал, а нам жить тут, понимаешь?

— Неправда! Я домой приехал и уезжать никуда не собираюсь!

— Ну вот и хорошо, — подхватил Мигляй, — проживешь в селе и сам их посчитаешь.

— Я-то посчитаю. А вы? Да вы что — боитесь их, что ли? Дядька Морозенко?

Морозенко, не поднимая головы, водил пальцем по столу. Как у провинившегося школьника, уши у него покраснели, на висках вздулись вены. «Ответил бы я тебе, — подумал он, — будь мы тут одни».

Он не меньше других испытал на собственной шкуре повадки бандитов. Осенью прошлого года семья Морозенко лишилась последней коровы, получив взамен расписку: «Вельмышановный добродий Морозенко Василь добровильно збув корову на допомогу стрільцям повстанческій армії».

А когда, не пересилив себя, он скомкал этот клочок бумаги и швырнул на земляной пол, «стрільцы» для подкрепления его «добровильного» поступка всыпали пятнадцать ударов шомполом по его спине. Морозенко знал, что такая же участь постигла многих

сельчан, а говорить об этом они боятся. Поэтому и ответил он в конце концов так:

— Чего ты пристал? Я такими делами не интересуюсь. Приехал — и живи на здоровье, нечего в чужие души лезть. Я к тебе в гости пришел, а ты лезешь со своими расспросами.

«Видно, и тебя пуганули бандиты», — подумал Любомир и примирительно произнес:

— Василь Степанович, я не допрашиваю вас, я спросил только. Не хотите отвечать — не надо.

Морозенко пропустил это мимо ушей и решительно заявил:

— Я пошел, — и, оправдываясь, прибавил: — Дома дела есть. Спасибо за угощение. — В полотняных, штопаных-перештопанных штанах он неуклюже прошлепал своими большими босыми ногами по натрушенной по полу траве и, пригнувшись, просунул в дверь. Любомир хотел было остановить его, но понял, что это бесполезно.

— Ты, Любомир, оглядись сперва, а потом уж и это... с вопросами лезь, — посоветовал Мигляй.

— Мне нечего присматриваться. Тебя я уже насквозь вижу, — оборвал его Любомир. В выпуклых глазках Мигляя блеснул злой огонек:

— Не горячись, Любомир. Можешь ошибиться.

— Не слушай его, Любомир. — Гурьян взглядом осадил секретаря, — но говорил ты правильно — боимся мы. А куда нам податься? С одной стороны бандиты, с другой — власть, лучше уж посредине отсидеться.

— Нет, сколько ни плыть щепке посредине, а все же к какому-то берегу ее прибьет, — сказал Любомир. — Вы ждете: пусть нам все наладят, устроят, а мы еще подумаем — говорить спасибо власти или нет. Так?

— Выходит, так, — ответил Гурьян.

Мужики слушали их и посматривали на дверь. Только Лескив, охмелев, заговорил заплетающимся языком:

— Устроят, наладят? Где оно — счастье наше? Я вот уже за шестой десяток перевалил, а еще не видел его — все где-то стороной обходит. Хорошо, что вот

еще живой сижу, прости меня, грешного, святая дева Мария.

Любомир повернулся к нему:

— Если о счастье только языком болтать, оно, конечно, стороной пройдет. Вон русские братья наши — сколько невзгод перенесли, зато всем дорогу к новой жизни показали. Нам тоже. Только и осталось, что по-хозяйски в своем доме порядок навести. А что не перевелись охотники мешать нам — так и надо с того начать, чтобы оторвать когти с лапами тем, кто мешает.

Осторожный Андрей Репянчин, носивший кличку «Счастливого газды» в связи с рождением десятой дочери, стал протискиваться к двери:

— Спасибо, хозяин на добром слове и знатном угощении. Однако пора и честь знать. Пойду, а то, неровен час, моя Оксана нагрывает.

Мужики засмеялись. Они хорошо знали крутой нрав предводительницы женской половины села. Обладая необычайной физической силой, Оксана — поссорятся ли мужики, повздорят ли сварливые соседи — была тут как тут. Если не помогало слово, она хватала заводилу за загривок и под общий одобрительный смех давала такого пинка ему, что тот спешил скорее укрыться за первым плетнем.

Вслед за Репянчиным поднялись остальные и, несмотря на уговоры хозяев, стали уходить из хаты. Последним вышел Лескив. Довольный собой и угощением, он, выйдя на улицу, сипло и фальшиво затянул: «Полонина, ты свитку наш...»

Оставшись с матерью, Любомир подпер скуластое лицо руками и задумался. Он еще плохо знал, что за бандиты действовали в их районе. Не знал, что семья Дидовиченко целиком вырезана «стрильцами» за то, что отказалась помогать им, а три другие семьи лишились кормильцев, которые неодобрительно отзывались о «деятельности» бандитов. Не знал и того, что две недели тому назад был застрелен Супрун — молодой газда с хутора Выжний — за отказ вступить в банду. Многого еще не знал Любомир и теперь старался понять, что случилось с мужиками, почему они ему не доверяют? Тягостное раздумье прервал скрип

двери. Это вернулись Гурьян и Мигляй. Без приглашения усевшись, лесник поставил на стол бутылку водки.

— Хороший ты парень, Любомир, люблю таких. Вот, была у меня схоронена, — и он наполнил три стаканчика, — за твое благополучное возвращение.

— Да, да, за возвращение, — поддакнул Мигляй.

Выпив, Гурьян понюхал корочку и осведомился:

— Так ты правду говоришь, что тебя ограбили? Вот сукины дети. А ты не заметил их? Не знаешь их?

— Не представились, — отрезал Любомир.

Гурьян успокаивающе протянул:

— Ничего. Может быть, мы сможем вернуть то, что забрали.

— У нас есть один знакомый, он поможет с этим делом, — всунул в разговор Мигляй.

— А я, кажется, не просил вас об этом. Все мое при мне.

Мигляй выпятил нижнюю губу, изумился:

— Чудак! Пан лесник желает помочь, а он отказывается...

— Какой я тебе пан! Тоже мне, образованная власть! — вскипел Гурьян.

— Виноват, оговорился, товарищ лесник. Привычка — понимать надо.

Гурьян пожалел, что захватил с собой болтуна Мигляя. С Любомиром он решил больше не говорить, и так все яснее ясного.

— Не принимай его всерьез, Любомир. Сболтнул он по пьянке. Сам подумай — как бы я мог разыскать твои вещички? Просто жалко тебя стало.

Попрощавшись и пригласив Любомира зайти как-нибудь, Гурьян направился к выходу. Засеменявший вслед Мигляй возле двери остановился и сухо заявил:

— Вам надлежит явиться ко мне в сельсовет для взятия на учет и прочего. Принимаю по этим вопросам после обедни.

— Хорошо, завтра зайду, — согласился Любомир.

Когда отошли от хаты, Гурьян остановился и, смеясь уничтожающим взглядом Мигляя, процедил:

— Ну и дурак же ты, истинный бог, дурак! — И, сплюнув, круто повернулся на каблуках. «Сволочное дело получилось», — невесело подумал он.

БРАТЬЯ ВСТРЕТИЛИСЬ

Магуры спустилось стадо, и село зажило вечерними заботами: кто носил воду для скотины, кто тащил охапку травы, кто, надрываясь, кричал, разыскивая пропавшую курицу, кто просто сидел возле ворот и смолил самокрутку. Солнце уже скрылось за потемневшими горами, но косые лучи его еще рассеивались в вышине.

На берегу ручья, недалеко от хаты Задорожных, в зарослях крушины и ольшаника лежали трое бандитов. Володька Задорожный вслушивался в привычные вечерние звуки Радинского. Голоса односельчан, лай собак, скрип дверей, ворот, даже калиток — все он узнавал. Ему казалось, что он еще мальчишка и теперь дожидается, когда наказавшая его днем мать выйдет из хаты и певучим протяжным голосом позовет:

— Во-лody-ка!

Его сподвижники, растянувшись на траве, курили, а он все думал и думал, вспоминая брата. Далекие воспоминания сжимали сердце тоской по безвозвратно ушедшему детству. Впервые проснулось чувство одиночества, незащитности, зависти к сельчанам, которые стали теперь такими чуждыми. За время пребывания в банде ему редко приходилось раздумывать над прошлым, настоящим и будущим. Прошрое — черт с ним! — ушло и не вернется. Настоящее было малопонятным, будущее — туманным!

Встревоженный вестью о возвращении брата, которого он считал без вести пропавшим, Володька отправился к родному дому, чтобы хоть издали взглянуть на Любомира. Но к тому явились гости. И пришлось залечь.

Любомир после ухода Гурьяна и Мигляя слушал повествование матери обо всем, что было без него, о тяжелой жизни при гитлеровцах, о беспутном Володь-

ке, который украл что-то, а потом испугался наказания и убежал к бандитам.

Сумерки сгустились. Голоса стали звонче, а людей уже было трудно различить. Обозленный неудачей, Володька зашипел на лежавших рядом бандитов:

— Вам что, фонарей навешать, чтоб прикуривали друг от друга?

Дружки послушно укрыли сигарки. А он еще больше озлился на них за покорность и решил: «Пойду прямо в дом. Что будет, то будет. Или, нет, посмотрю в окно и достаточно». Повернувшись, прошептал:

— Следить за хатой. Ждите, пока не вернусь. Добре?

— Уг-у, — промычал бандит Проворный, — долго будешь там?

— Нет! — коротко бросил Володька, встал и направился к дому.

Не заметив ничего подозрительного, он вынырнул из-за бывшего коровника, пересек двор. Прижавшись к стене, несколько минут простоял неподвижно. Из окна пробивался свет. Володька нерешительно подошел. За столом сидела мать. Вытирая кончиком платка глаза, она что-то говорила. Спиной к окну сидел в розовой шелковой майке брат. Володька видел его широкие плечи. Хотелось увидеть лицо, но Любомир не поворачивался. Он не был похож на прежнего подростка, каким Володька помнил его. Когда Любомир повернулся к окну, Володька отпрянул. В детстве он боялся брата больше, чем отца, за проказы ему доставалось именно от него.

Послышались приглушенные мужские голоса. Володька отскочил от окна и притаился за углом дома. Вглядываясь в темноту, он различил двух человек, которые остановились прикурить.

— Не пойдет он за братом, — продолжая начатый разговор, сказал один. — А там, черт его знает — кровь ведь одна.

— Да-а... Говорят, он нагнал страха на наших глытаив. Интересно, как дальше дело обернется.

«О ком это они — обо мне или Любомире?» — по-

думал Володька. Кто пойдет, за кем — было непонятно.

Вернувшись к окну, Володька застыл на месте. Любомир стоял возле матери и, глядя на нее, что-то без умолку говорил. До боли знакомое лицо было все тем же дорогим и любимым, тем же родным и близким. Разве только тонкие губы стали строже и упрямей, а волевой вздернутый подбородок покрылся заметной щетиной.

Володька подошел к двери, толкнул ее и, пройдя темные сени, появился перед матерью и братом. Справившись с волнением, Володька радостно сказал:

— Здорово, братка!

Любомир растерялся было от неожиданности, но, успокоившись, опустился на табуретку и протянул:

— Здо-ро-ва!

— Что, не узнаешь? — осклабившись спросил Володька. — Вырос?

— Как же, узнаю, — на миг глаза старшего брата заискрились ласковой теплотой, но тотчас же потускнели и стали сухими, враждебными. Володька, продолжая улыбаться, протянул руку. Любомир поднялся навстречу, тоже протянул руку и вдруг резко хлестнул Володьку по щеке. Мать, вскрикнув, бросилась к Любомиру и, повиснув на его руке, запрыгала:

— Ой, что же вы, мои родненькие, ой, сыночки ж мои! Ой, не надо...

Володька, побелев, смотрел на брата.

— Это тебе за мать! — дрожащим голосом произнес Любомир.

— Не надо, деточки мои дорогие, не надо, — продолжала Надежда Васильевна.

Володька потер щеку рукой и, покачивая головой, тихо сказал:

— Не плачьте, мамо, и не беспокойтесь. У меня не подымется рука на брата. Я пришел увидеть его, а он... так меня встретил. Воля его. Мне, может, не нужно было приходить, ну, что же, я уйду.

— Садись, сопляк. Раз пришел — слушай, что я тебе скажу. Воронье гнездо с беспутной башки своей снял бы! — резко сказал Любомир.

Володька снял шапку, положил на стол. Хотя ему, испытывавшему силу власти над селянами, было не по себе выполнять волю другого человека, но это был брат, которого он с детства любил и не надеялся когда-нибудь увидеть. Любомир взял в руки его шапку и начал рассматривать.

— Это что за дерьмовая кокарда? — спросил он.

— Трезуб.

— И что он обозначает?

— Герб самостийников!

— Приятно видеть, что единственный брат — бандюга, вор с большой дороги.

Он бросил шапку на пол.

Володька озлобленно закричал:

— Врешь! Ты ничего не знаешь! Я не вор!

— Вор и бандит, — отчеканил Любомир, — видел я твоих дружков за делами. Люди, которые грабят на дорогах, убивают ни в чем не повинных сельчан, — бандиты. Ты поднял руку на власть, ради которой я жизни не жалел, кровь пролил. Ты не подумал, как ждал ее наш батька. Помнишь, как он говорил: «Никому мы не нужны — ни полякам, ни немцам, ни мадьярам. Одна надежда — на братьев с Востока»...

— Но ты же не все знаешь, Любомир.

— Того, что знаю, за глаза хватит. Понял? — Он отошел в глубь комнаты. — Был у меня брат — теперь нет его.

— Отказываешься? — Володька горько улыбнулся.

— Ты сам ушел от нас.

Володька поднял шапку и пошел к выходу. Задержавшись на пороге, глухо буркнул:

— До свиданья.

Мать посмотрела на дверь, побрела к кровати и, опустившись на колени, протяжно застонала.

Спал Любомир беспокойно. Он проснулся от монотонного шепота, открыл глаза и при слабом мерцании лампадки увидел стоящую на коленях мать. Она горячо молилась, упрашивая господу облегчить ее страдания, снизойти милостью к ее неразумным сыновьям и низко кланялась, чтобы убоготворить далекого и безмолвного бога.

С захваченной и помещенной в санчасть пограничников девушкой необходимо было поговорить. Башкатов наведывался туда несколько раз, но сперва раненая горела в жару, а потом упрямо молчала.

Башкатов запасся терпением.

Он снова пришел в санчасть, поговорил с врачом, накинул халат и вошел в палату.

Девушка повернула голову и внимательно посмотрела на него. Он сел на табуретку. Она вдруг слабо улыбнулась и сказала:

— Здравствуйте.

Лейтенант спросил, как она себя чувствует. Она охотно ответила, что хорошо, боли в ноге есть, но не такие уж сильные, врачи к ней относятся внимательно. Тогда он сказал, что снова будет задавать вопросы. Дело, конечно, ее, отвечать или нет, но...

— Теперь я могу рассказать все, что вас интересует. Не думайте, пожалуйста, что я делаю это только для того, чтобы смягчить свою вину. Но у меня было время подумать. И кое-что понять. Спрашивайте.

— Прежде всего следует познакомиться, — мягко произнес Башкатов.

— Павлина. Фамилия Ковтун. Два месяца назад была студенткой Львовского политехнического института. Там два моих приятеля очень ухаживали за мной, устраивали вечеринки, читали националистическую литературу, слушали зарубежные станции. И мы... решили ускорить час прихода к власти оуновцев. Так я оказалась в отряде, который вначале считала партизанским...

— А теперь?

— Теперь? — Она повела плечом. — Теперь я знаю, кто они. Так вот, в банде я встретилась с моим бывшим однокурсником Юзефом. Он много старше меня и еще год назад ушел в лес. Он сказал мне, что в банде Подковы собраны самые интеллектуальные силы движения. О, боже мой, что это за силы. Если бы вы их видели! И не трусливых, когда их поймают, а таких, какими они бывают, издеваясь над без-

защитными. Всех описать сразу трудно — их двадцать четыре человека, но потом, если надо, я это сделаю. Как только почувствую себя лучше... Была я там чем-то вроде секретаря — размножала на машинке разные листовки, воззвания и прочее. Как женщина, я считала своим долгом чинить и стирать белье, хотя раньше никогда этим не занималась. Я росла в обеспеченной семье... — Она смолкла и долго смотрела в окно. — Дни, проведенные в банде, сейчас вспоминаются как тяжелый кошмар. Ночью почти все уходило в села, а я с двумя-тремя дозорными оставалась на стоянке. Я, дура, сначала думала, что деньги, вещи, продукты, которые приносили наши, добровольные пожертвования местного населения. Но мой Юзик, я его считала своим нареченным, потихоньку готовил меня к постижению правды. Он восторженно отзывался то об одном, то о другом насилии, совершенном оуновцами, доказывал, что это подвиги. В особо мерзких случаях он ссылался на «узость кругозора и недостаточную идейность» некоторых бандитов. Какой там кругозор, какая там идейность! С некоторого времени Юзеф совсем перестал мне рассказывать о своих делах. Я начала задумываться. И ко мне стал проявлять повышенное внимание Подкова. Однажды он совершенно спокойно предложил мне... Я убежала, нашла Юзика и рассказала ему. Он... он только усмехнулся и ответил, что если бы я действительно сожительствовала с ним, тогда бы не было повода приставать ко мне другим, и добавил: «Нас много, ты одна, давай-ка разбираться — все равно кому-нибудь достанешься». Искать защиты было не у кого. Я боялась и их, и... вас, ваших... Те два студента, которые привели меня, куда-то исчезли. Скорее всего вернулись во Львов и опять вербуют дур вроде меня. Я раздумывала. Но, видимо, слишком долго. Поверьте, я презираю не только их, я презираю и себя.

— Как зовут тех студентов?

Она ответила. Башкатов записал.

— А где этот... Юзеф? — спросил Башкатов.

— Я видела, как он убежал, бросив меня. Вы ведь слышали, наверное, как я кричала...

— Почему, вы так неприязненно отнеслись ко мне в тот день? Я перевязывал вас, давал пить, а вы отказались даже от воды?

— Они говорили, что если я попаду к вам, меня будут пытать, а потом, истерзанную, расстреляют...

— Вы знаете, кто повесил председателя сельсовета?

— Нет. Я даже не знала, что...

— Бандиты никого не ожидали последнее время?

— Они ждали человека оттуда. Он должен был привезти новые директивы.

— Прибыл он?

— Не знаю. Я же сказала, Юзеф перестал посвящать меня в их дела.

— Так. Скажите, вы говорили, что у вас было время подумать здесь. О многом вы стали задумываться раньше. Но почему вы приняли участие в налете на село?

— Я не знала, что будет... Они говорили, что мы побеседуем с крестьянами. Я хотела их увидеть, услышать, о чем говорят они, узнать, о чем думают.

— Хорошо. А где размещаются в лесу Подкова со своими людьми? Можете вы растолковать, где это место?

— Приблизительно.

Павлина стала рассказывать.

— Достаточно, я понял. Спасибо. А что вы знаете про их связи с сельчанами? Кто в селах является их агентами?

— Кто-то есть в Радинском, но кто — не знаю. Простите, что-то у меня голова закружилась.

— Я сейчас схожу за врачом. До свиданья. Мы скоро встретимся с вами. Поправляйтесь. И не нервничайте.

Она не ответила. По бледным щекам потекли слезы.

В указанном Павлиной месте бандитов не оказалось. Они перебазировались, видимо, на новое место. Оперативная группа долго шла по следам, но потом и они затерялись. Егоренко чертыхался. Лукашов и Башкатов молчали.

ФЕЛЬДШЕРИЦА ЗИНА

В свое время, к удивлению всех радичан, отец Силантий предоставил небольшой флигелек из двух комнат под медицинский пункт. Председатель сельсовета Ильченко уже сбился с ног, отчаявшись найти подходящее помещение, и тут неожиданно священник предложил свой флигелек, в особо прибыльные годы служивший ему дополнительной кладовой.

Женщины привели флигель в порядок. В Радинское приехала из Львова молодая фельдшерица Зинаида Петровна. До этого она наслышалась о селе всякого и была приятно удивлена тем, как ее встретили.

Вначале Зинаида Петровна, или как ее стали все звать — Зина, ежедневно обходила дома, выясняла, кто нуждается в медицинской помощи. Работа поглощала все ее время днем. Но по ночам она спала плохо, напуганная налетами бандитов. Свою койку фельдшерица поставила в угол, подальше от окна, и даже отгородила ширмой из двух одеял. Укрывшись с головой, она подолгу прислушивалась к ночным шорохам и давала себе клятву — завтра же уехать, но наступал день со своими заботами, и она откладывала решение.

Однажды ее посетил отец Силантий, попросил порошки от головной боли.

— Все одни вы, одни. Скучаете, верно? — посочувствовал он.

— Ой, не знаю, как и вырваться отсюда. Как вы прожили здесь тридцать лет, просто не понимаю. Это подвиг.

Священник мягко объяснил:

— Я иерей, дочь моя, для меня служение господу равно сладко там, где на то его воля.

— Но что здесь можно увидеть, кроме грубиянов мужиков и неряшливых баб? — Зина поджала губки.

— Я счастлив, что угождал господу богу, направляя на путь праведный неразумных грешников прихода своего, и не могу поставить себе в заслугу то, что обязан делать согласно сану. В молитвах постоянных,

вознося хвалу творцу нашему, должны мы находить удовлетворение своему земному существованию. — Отец Силантий сразу раскусил фельдшерицу. Он понял, что религия для нее — только понятие, которое разграничивает людей на верующих и неверующих, но на всякий случай еще некоторое время почитировал священное писание. Закончил же весьма прозаично:

— Вам, милая, надо примениться к нашей жизни, подарить своим доверием собеседников, которые были бы одних с вами духовных интересов.

— Где же я их найду?

— Позвольте, а уважаемая учительница наша, Ольга Ивановна?

Зина махнула рукой и засмеялась:

— Она уже одичала у вас. Неужели и меня ждет такая участь? Она, как слепой вол в упряжке. Вечно копается с книжками и тетрадями, постоянно у нее торчат дети, что-то режут, клеят...

— Да, конечно, странности у нее есть.

— Я и говорю — странная. С ней поговорить-то не о чем.

Священник скрыл удовлетворенную улыбку и покачал головой.

— Вы ошибаетесь. Разве у вас могут быть различные взгляды? Вы при одной власти воспитывались...

Зина закусила губу.

— Ханжа ваша Ольга, святошей прикидывается. Не люблю таких...

Она осеклась. Священник не возразил и лишь развел руками.

Учительница была инициатором наведения порядка в медпункте. Это она собрала женщин для побелки комнат, позаботилась о цветах. Живая заинтересованность, с которой хлопотала Ольга Ивановна, передалась и другим, так что авторитет себе Зина приобрела, еще не доехав до села. В первые же дни Ольга и Зина сблизились. Быстро сходящаяся с людьми (впрочем, так же легко она с ними потом и расходилась), Зина поведала о себе, рассказала о своих многочисленных увлечениях, о разочаровании мужской половиной рода человеческого и закончила твердым выводом:

— Черт с ними, с мужиками. Не пойду больше замуж! Что может быть оскорбительней: лишить себя свободы, стирать и, наконец, рожать никому не нужных детей.

Ольга поморщилась.

— Ты, конечно, знаешь обо всем этом больше меня. Но познала ты только одну отрицательную сторону. А настоящий человек не сводит смысл любви только к тому, о чем ты говорила. И тебе надо поискать самое себя...

Начался спор. И Зина разочаровалась в новой подруге. Вскоре они только здоровались.

Зина поняла, что визит ей священник нанес неспроста, и стала ждать, что последует за ним. Как-то вечером к ней зашел секретарь сельсовета Мигляй.

— Шел мимо, вижу свет в окне, дай, думаю, зайду, разузнаю, не надо ли чего докторше нашей? Почему свои ясные глазыньки показывать перестала?

— Куда ж тут у вас ходить?

— Да, да. С развлечениями у нас...

— Да и ходить-то у вас тут, говорят, опасно.

— Вам? Опасно? — Мигляй оскорбленно поднял плечи. — Напрасно вы такого мнения о нашем селе. Как представитель местной власти, гарантирую вам полнейшую безопасность.

— От кого?

— Вообще.

— Вы сами-то хоть раз видели их?

— Так, издалека. Бог с ними. Я ведь что пришел. Оно не совсем деликатно, да уж теперь начал. Возраст, конечно, мой вышел такими делами заниматься, да сердце мягкое, пообещал — сделай! Ко мне приехал племянник из Львова. Он, знаете ли, студент. Так, говорит, тоскливо ему у нас. Я-то понимаю — не образованность. Только и знают газды, что, извините, в земле копать.

— Господи! Чего вы мямлите! Конечно, пусть заходит! Поболтаем, Львов вспомним... Что же он — такой нерешительный?

— Он не то, чтобы... а так... студент, конечно... Так я его приведу. Он тут, во дворе мучается, — сказал Мигляй и выскочил из медпункта. Через несколько

минут он вернулся с высоким, сутуловатым молодым человеком.

— Юзеф, — представился он.

Зина поднялась гостям навстречу и предложила сесть. Студент сел, сказал дяде:

— Вы подождите там, — он махнул рукой в сторону двора.

Мигляя как ветром сдуло. Зина оторопело поглядела на незнакомца.

— А вы не такой уж нерешительный, как говорил о вас ваш дядя.

— Меньше всего мне нужен такой родственник, — улыбнулся Юзеф, открыв ровные белые зубы.

Пока Зина собирала на стол, гость обошел комнату, остановился у шкафа с медикаментами. Фельдшерца украдкой наблюдала за ним. Страх уступил место любопытству. Она уже поняла, кто перед ней: из кармана френча выглядывала рукоятка пистолета. Юзеф ей понравился — пышная, черная, правда, немного сальная шевелюра, нос с горбинкой, шнурок темных усов.

— Вы знаете латынь? — спросила Зина, заметив, что Юзеф читает надписи на склянках.

— Немного знаком. — Юзеф поскромничал. В свое время он учился два года в школе незубов.

— Да, я забыла, вы же студент.

— Был и студентом. Но пришлось заниматься другим делом.

— Каким, если не секрет?

— В моем положении трудно быть откровенным. Но ради такой очаровательной пани... — Юзеф был сама изысканность.

— Я, кажется, догадываюсь.

— Неужели? — Юзеф улыбнулся.

— Сказать?

— Какой же мужчина откажется выслушать такую чудесную собеседницу? Слушаю со всем вниманием.

Зина замялась.

— Вы... вы принадлежите к этим...

— К бандитам? — подсказал Юзеф. — Вы это хотели сказать?

— Вы совсем не похожи на бандита.

— Да, как и многие другие. Позвольте представиться: помощник руководителя повстанческого отряда. Те, с кем мы ведем борьбу, называют нас бандитами. Но нам не важно — как нас называют. Главное, мы боремся насмерть. Настанет час, когда нас поймут, пойдут за нами. Вот и ваше теплое участие — оно так греет. Очень приятно видеть красивую интеллигентную женщину, понимающую идейные основы нашей суровой борьбы...

Зина порозовела. О каких идейных основах идет речь, она не знала, да это ее мало интересовало. Главное, что Юзеф взял ее руку и поднес к губам.

Юзеф попросил разрешения иногда посещать Зину.

— Да, кстати, нельзя ли у вас попросить что-нибудь на память о нашей встрече, которую я буду с благодарностью помнить всю жизнь?

— Что же, я, право, не знаю...

— Бинты, сульфидин, еще кое-что из медикаментов. Я не шучу. Вы медик и не можете отказать в помощи тем, кто в ней нуждается.

Зина заколебалась.

— Я посоветуюсь с начальством.

Юзеф некоторое время тупо смотрел на нее. Неужели она в самом деле такая дура? Или издевается? Нет, она говорила серьезно.

— Если вы хотите, чтобы я навещал вас, молчите — никто не должен знать о наших встречах.

— Я понимаю. Скажите, а если я откажу вам?

— Учтите, когда мы просим — нам редко отказывают, а если отказывают, то мы сохраняем за собой право конфисковать все необходимое для нашего повстанческого движения.

— Вот и прекрасно, — подхватила Зина, — давайте условимся: то, что я дам, — вами конфисковано.

Юзеф достал серебряный портсигар, закурил и снова напомнил:

— Не забывайте: о нашей встрече никто не должен знать.

— Но это уже не секрет — об этом знает секретарь сельсовета, — сказала Зина.

— Не беспокойтесь. Уверю вас, он ничего не видел и не слышал.

Юзеф снова поцеловал ей руку и унес полмешка медикаментов.

Дня через три он навестил Зину опять. На этот раз в руках у него был автомат.

Как и в прошлый раз, Зина поставила на спиртовку маленький кофейник. Они разговорились. Юзеф старался блеснуть остроумием. Зина кокетничала.

— Носить с собой такое грозное оружие, — спросила она, указывая на автомат, лежащий на коленях Юзефа, — вас заставляет, конечно, не желание в кого-нибудь стрелять?

— Иногда приходится, — Юзеф притворно вздохнул. — Человек, который носит оружие, должен стрелять.

— Боже мой, неужели вы такой жестокий человек?! — Зина всплеснула руками.

— Когда решается вопрос жизни или смерти, уверяю вас, никому не приходится раскаиваться в том, что он кого-нибудь убил.

— Убить человека? Нет, я этого никогда не смогу.

— Согласен. Вы не сможете. А я?.. Моя философия совершенно иная. Мир устроен так, что одни рожают людей, другие — исцеляют их, а третьи — должны убивать. Процесс зарождения человека значительно длиннее, чем мгновение смерти, а отсюда вывод: рождением людей занимается подавляющая часть населения, меньшая исцеляет их, лечит, а избранная, немногочисленная, дарует смерть. Убивают те, кто стоит выше сентиментального предрассудка, называемого гуманизмом.

Зина восхищенно посмотрела на Юзефа. Да, он явно человек необыкновенный. Но она все же сказала:

— Смотрю я на вас, и мне не верится, что вам так легко убивать людей.

— Вы неправильно меня поняли. Убивать ради убийства — нет никакого смысла, тем более для мыслящих людей. К тому же, я ношу оружие для обеспечения своей безопасности. Когда же возникает необходимость кого-либо убрать, я просто поручаю это кому-нибудь из своих подчиненных.

Зина прошептала:

— Да, да. Вы не должны убивать. Вы должны стоять выше этой грязной работы. Вы совсем не похожи на тех, кого я... Пейте же кофе, — спохватившись, предложила она. — Ой, да он совсем уже остыл. Дайте, я заменю. — Она протянула руку за чашкой. Но Юзеф положил свою руку на ее маленькую ручку и сжал. Она вздохнула, закрыла глаза...

ЕЩЕ ОДИН ШАГ

Башкатов и Лукашов вошли в здание отдела. Вахтер, усатый старшина Вдовиченко, иногда разрешал себе почтительную фамильярность по отношению к младшим по возрасту оперработникам, и потому офицеры не удивились, когда он, лукаво прищурив один глаз, сказал:

— Идите во двор — майор там.

Они прошли длинным коридором и увидели во дворе возле сарая майсра Егоренко с солдатами. На земле лежали два трупа в немецком солдатском обмундировании. Егоренко был в хорошем настроении. Он ответил на приветствия и сказал:

— Вот, привез вам вещественные доказательства, что закрепленная за вами бандитская группа несколько уменьшилась. Это бандит Човен, — майор показал на одного из убитых.

— Човен? — переспросил Башкатов.

— Да, это я установил точно, — подтвердил Егоренко.

Лукашов вспомнил, что читал о Човене в дневнике Буланова, и вслух подумал:

— Надо бы найти его детей.

— Каких детей? — удивленно переспросил Егоренко.

— Его, — указав на убитого, пояснил Лукашов.

— А-а-а! — понимающе протянул майор. На самом деле он ничего не понял.

Дневник Буланова содержал много важных сведений о бандитах. Башкатов и Лукашов узнали из дневника о несогласии Буланова с укоренившимися в

отделе методами борьбы с бандитами. Незадолго до гибели Буланов записал: «Сегодня предложил майору, по-моему, стоящую комбинацию... Несколько недель упорного труда могли бы дать хорошие результаты. Бандит Голубь высказал намерение любым путем достать паспорт и уехать в глубинные области страны. Я предложил майору помочь Голубю в его стремлении. Обидно стало, когда майор охарактеризовал мои начинания как вредную и ненужную затею. А ведь Голубь случайно попал в банду, вернее — был насильно втянут в нее».

В другой записи, от 27 сентября, было: «Снова непростительный промах. Кажется, майор тоже его понял, но не хочет признать ошибку открыто. С большим трудом мне удалось установить местожительство двух малолетних детей бандита Човена. Он их очень любит, помогает материально, часто навещает. Мать умерла. Я предложил майору забрать детей и, устроив в детский дом, через них вывести бандита из банды с повинной. Детей можно и нужно изолировать от пагубной среды. Майор не понял, что можно было добиться большего, чем ликвидация одного бандита, — правильно воспитать детей и сделать из Човена полезного для общества человека. А майор потребовал от меня сделать засаду и ликвидировать Човена. На подготовку засады ушло около двух недель. Признаться, это делалось не совсем осторожно, и дети исчезли. А я думал и о другом — сперва взять детей, потом переубедить Човена, а затем, быть может, с его помощью и еще кого-нибудь».

10 ноября Буланов записал: «Майор Егоренко получил благодарность за успешное руководство ликвидацией бандитского подполья. Того, что сделано, не отберешь, но сделать можно было вдвое больше. Эх, если бы не упрямство майора! Ведь он возомнил себя незаменимым, не считается ни с кем, ни с чем, мне кажется — даже потерял чувство партийности. Это очень характерно выражено в его взаимоотношениях с секретарем райкома... Поставить интересы отдела вне интересов партии — по меньшей мере, странно».

Дневник Буланова заставил Башкатова и Лукашова о многом призадуматься.

Рассматривая мертвых бандитов, Башкатов снова и снова вспоминал Буланова. Эх, Саша, Саша, как недостает его...

— А второй — кто? — спросил Лукашов у майора.

— Пока не установили. Этим уж займетесь вы. Только не с таким успехом, которого вы добились, отыскивая парашютиста.

— Но, ведь...

— Никаких но! — вспылil Егоренко. — Удивляюсь вашим самоинициативным начинаниям! Бросились по первому звонку пограничников — как угорелые, а толку что? Можно было, да не только можно, а нужно было согласовать со мной: я ведь не за горами был и не на блины к теще ездил! Кто вам дал право брать солдат и бесцельно таскать их по горам?

Башкатов поспешил возразить:

— Это я распорядился, товарищ майор, старший лейтенант ни при чем.

— Тем хуже для него. Он остался старшим в отделе: и по должности, и по званию.

— Я считаю, что наши действия были правильными, — сказал Лукашов. — Не знаю, как поступили бы вы, но мы сделали все, что могли, и надежды на поимку парашютиста я не теряю и сейчас.

Майор побагровел, метнул на офицеров недовольный взгляд, но промолчал... К нему подошел старшина Вдовиченко и сообщил что-то.

Егоренко повернулся к офицерам.

— Там привели двух задержанных, и вам необходимо заняться ими. Пойдемте со мной, товарищ старший лейтенант.

Башкатов расспросил солдат, где и как были захвачены Човен и второй бандит. Оказалось, что житель хутора Ясенька Зенкив прибежал в сельсовет, где находился майор со своей группой, и рассказал: в дом соседа его — Тымчака явились два бандита. Човен вызвал к себе Зенкива, но тот отказался подчиниться. Тогда бандиты ворвались в хату, избили хозяина и зарубили поросенка. Зенкив ночью сбежал. Майор выступил и окружил дом Тымчака. Завязалась перестрелка. Човен и второй бандит были уби-

ты. При осмотре дома в подполье обнаружили еще одного человека. Он сказал, что зовут его Лабурем, он якобы родственник Тымчака, а живет в Радинском. Зенкив сообщил, что Лабура он видел во дворе Тымчака несколько дней подряд.

Башкатов на ходу поблагодарил солдат и бросился догонять Лукашова. Сведения, которые он получил, были очень важными: Буланов был убит за хутором Выжний, а хозяин одной из усадеб Выжного по имени Лабурь скрылся куда-то.

Лукашов и Башкатов приступили к допросу. Доказательств, подтверждавших подозрение, что Лабурь является хозяином именно той усадьбы, у них не было. В Радинском и в прилегающих к нему хуторах фамилия Лабурь была очень распространена. Следовало выехать в село и пригласить несколько человек радинчан для опознания Лабура. Но для этого требовалось время, а Башкатов чувствовал, что Лабурь попал в дом Тымчака не случайно.

Допросили Зенкива и Тымчака. Затем вызвали Лабура.

Лукашов встал:

— Пойду перехвачу чего-нибудь. Я скоро. Чайная открыта еще?

— Пожалуй, да, — подтвердил Башкатов.

В кабинет ввели Лабура. Он опустился на табуретку. Его глубоко посаженные глаза с покорной готовностью смотрели на Башкатова.

— Лабурь, в своем первом показании, данном майору, вы утверждали, что пришли к своему родственнику Тымчаку, чтобы повидаться с ним. Но находиться в гостях в течение четырех суток и забросить на такое время свое хозяйство — согласитесь со мной — не очень убедительно.

— А что тут такого? Разве вы, когда приезжаете к своим родственникам, гостите меньше? Мы с ним дружили еще тогда, когда пешком под стол ходили. Я мог у него быть еще целую неделю, но я приходил к нему не только в гости, а намеревался попросить лошадь, чтобы вывезти из лесу дрова... За свое хозяйство я не беспокоился, дома есть кому присмотреть... Да и в хозяйстве моем: корова, две козы, ку-

ры, собака — разве это хозяйство? — ответил Лабурь.

— А почему вы не сказали Тымчаку про лошадь? Он об этом не говорил нам.

— Я ждал, когда она освободится. Несколько дней тому назад Тымчак дал ее какому-то газде съездить в город, ну я и не решался до его возвращения говорить об этом.

— Значит, у вас своей лошади нет?

— Нет! Вернее, была, но я ее продал зимой: кормить было нечем.

— Вы говорите правду? Вы из Радинского?

Лабурь утвердительно кивнул.

Порывшись в сейфе, Башкатов нашел списки жителей села Радинского и хуторов и прочитал:

— Лабурь Иосиф Захарович. Имеет надел в 2,5 гектара, семья из трех человек, в хозяйстве корова и одна лошадь — середняк. Правильно записано?

— Правильно. Но лошадь я продал.

— Вы говорите неправду. Списки составлены весной этого года.

Лабурь пожал плечами и опустил голову.

— Значит, вам не нужна была помощь Тымчака. Для чего вы приходили к нему?

Ожидая ответа, Башкатов рассматривал Лабуря. Выше среднего роста, с узким лицом и непомерно большими, словно свисающими ушами, он сидел, сложив узловатые пальцы на коленях, и смотрел на пол. Одет был в темно-синий френч и такого же цвета брюки — новые, отдающие нафталином, обут — в добротные яловые сапоги.

— Молчите? А для чего вы записали себя в родственники Тымчака? — спросил Башкатов.

— Нет, он родственник... Дальний, но родственник.

— Вы сказали, что знаете его с детства?

— Да! — подтвердил Лабурь.

— Вы когда-нибудь были в Станиславе? — спросил Башкатов.

Лабурь удивленно промычал:

— Не-е-т.

— Значит, не были ни в Станиславе, ни в Станиславской области?

— А что, похож на кого?

— Нет. Дело в том, что ваш дальний родственник Тымчак, которого вы знаете с детства, до 1930 года проживал в Станиславской области. Как же это вы ухитрились с ним вместе под стол пешком ходить?

Лабурь прищурил глаза.

— Не бери на пушку, пан начальник. Я на свете живу уже шестой десяток: меня не проведешь.

Башкатов протянул ему протокол допроса Тымчака.

— Читайте! Видите? Являюсь уроженцем Станиславской области...

Лабурь задумался, снова уставившись в пол.

Вернулся Лукашов, прошел к своему столу, сел.

— Дважды Лабурь уже солгал, — сказал ему Башкатов. — Не понимает, что, добровольно признавшись, он заслужит снисхождение при определении меры наказания.

Башкатов коротко пересказал свою беседу с Лабурем.

Лукашов встал, прошелся по комнате.

— В документах, вернее, в блокнотике, который обнаружили в полевой сумке Човена, я встретил одну интересную запись... Три недели тому назад он записал: «На последнюю пятницу встреча с Каплаухим — в том же месте». — Лабурь повернулся к Лукашову и выжидающе замер. — Човен действительно явился в последнюю пятницу этого месяца на встречу с Каплаухим. Присмотревшись к тем, кто был в эту пятницу в доме Тымчака, я установил, что меткая кличка Каплаухий очень соответствует вашей внешности, Лабурь.

Башкатов не без любопытства уставился на большие свисающие уши Лабуря. Тот заерзал на табуретке, глаза у него забегали.

— Что, Лабурь, не прав ли я, утверждая, что, именно вас окрестили такой кличкой?

— Нет у меня никакой клички, — протестующе прохрипел Лабурь.

— Но почему именно вы оказались в доме Тымчака в последнюю пятницу этого месяца, да еще с такими характерными уликами, как ваши уши? — спросил Лукашов.

— Можете что угодно говорить — я ничего не знаю.

— Так вот, Лабурь, — подойдя к нему, продолжал Лукашов. — Нам остается только уточнить: встречались ли вы с Човеном в пятницу три недели тому назад? И тогда... А это мы легко сделаем, когда установим ваше отсутствие в Радинском в то время... Даю возможность до утра обдумать свое положение и затем откровенно рассказать обо всем. И подумайте — из Радинского вы или из какого-нибудь другого места. Нам ведь нетрудно это установить.

Лукашов вызвал вахтера и приказал увести Лабурия.

— Кажется, попал в яблочко, — сказал Лукашов, — надо еще раз все продумать. Кончик нити в наших руках, теперь надо размотать клубок до конца.

В дверь постучали. На пороге появился старшина Вдовиченко.

— Товарищ старший лейтенант, там этот — второй, просится к лейтенанту Башкатову. Говорит: «Пойди скажи, что я хочу кое-что сообщить».

— Тымчак? — удивился Башкатов. — Веди его.

Тымчак уселся у стола Башкатова и, воровато бегая своими маленькими глазками, стал убеждать офицеров в своей невиновности. От волнения по его лоснящемуся лицу сбегали струйки пота. Жидкие волосы слиплись на лысеющей голове, и казалось, что он только что вышел из бани.

— Я никогда не занимался тем, в чем вы хотели меня обвинить. Я жертва бандитского насилия. Я честный человек...

— Обождите, Тымчак, не торопитесь, — перебил его Башкатов. — Никто вас ни в чем не обвиняет. Мы хотели только выяснить обстоятельства и причину появления в вашем доме бандитов. А вы увильваете. Для чего вы просились ко мне, что хотели сообщить?

— Хочу правду вам сказать. — Тымчак вытер ладонью углы рта и зашептал: — Лабурь-то он Лабурь, но не тот Лабурь, за которого себя выдает. В Радинском тоже есть Лабурь, а этот из хутора Выжнего — из той хаты, где захватили вашего офицера. Только вы ему ни гу-гу про меня, он хитер. Ко мне

приходил на связь с бандитами, а я что? Что я мог сделать? Все они одной шайки.

— А вы никакой связи с бандитами не имели? — спросил Лукашов.

— Нет, что вы! Я их сам ненавижу, истинный бог — ненавижу, — и Тымчак мелко и часто закричал.

— Хорошо, идите, — сказал Лукашов. — Старшина, отведи Тымчака. И давай сюда Лабурия. Ну что, Борис, кажется, Лабурия из Выжнего будет прижат к стенке, а?

ТАЙНИК В ДОМЕ ГУРЬЯНА

Село Радинское, разбросавшее свои хатенки у подножия Магуры, мало чем отличалось от других сел края. Низкие, невосточные поставленные срубы сумрачно поглядывали вокруг маленькими оконцами, нахлобучив крыши из ржаной соломы. Самыми темными были крыши домов беднейших радичан, на них не было труб, топились хаты по-черному. И ютились хатенки на самых невероятных местах: то взбирались на пологий склон подножья горы, то тянулись вниз ломаной цепочкой, чтобы собраться вместе в ложине между двух лысых холмов.

Единственная дорога, пересекавшая село, дважды перескакивала горбатыми мостиками через небольшую горную речку. В речушке больше камней, чем воды, но все-таки воды хватало, чтобы крутить громадное колесо мельницы, прицепившейся к каменной глыбе горного склона. С восточной стороны Магуры, вплотную к селу, подступал кустарник, а дальше — лес.

В центре села стояла невзрачная деревянная церквушка. Во дворе ее, окруженном лиственницами, возвышалась обросшая мхом колокольня. А метрах в пятидесяти от нее самодовольно глядел на окружающее дом священника — под оцинкованной крышей, с большими городскими окнами, с застекленной верандой.

В единственной в селе кирпичной постройке размещался сельсовет. На противоположном краю, у самого леса, на особицу дразнила глаза сельчан новая пятистенка лесника Гурьяна. Обширный двор с несколькими пристройками при доме был огражден четырехугольником забора, местами подновленного новыми жердями. За забором начинался лес.

Село уснуло.

Возле ворот сидела младшая дочь Гурьяна Зося. Ей было поручено вести наблюдение за дорогой. Теребя конец косынки, она бросала недовольные взгляды на занавешенные окна. Куда интересней было бы сидеть где-нибудь в углу их просторной горницы и слушать, о чем толкует отец с бандитами. От зависти к старшей сестре, всегда остававшейся в таких случаях в доме, Зося молила бога, чтобы хоть кто-нибудь показался на дороге.

Кто-то застучал в окно. Зося подхватила и пулей вскочила в сени.

— Дурища набитая! Тебя же за версту видно. Говорил тебе сколько раз — луна, что солнце, тень отбрасывает! — закричал подвыпивший Гурьян. Она хотела что-то сказать в оправданье, но отец не дал ей раскрыть рта, подтолкнул к двери:

— Иди, затаись! И смотри, чтобы ни одна тварь не подошла незамеченной.

Щуплый телом, низкорослый Гурьян уже около двадцати лет работал лесником. Еще при панах он славился как лучший егерь края. Ясновельможные из Борислава и даже Дрогобыча охотно пользовались его услугами. Он-то знал, как угодить сорившим деньгами панам. У него хватало ума и смекалки изучить тонкие хитрости охотничьего дела, вызнать тропы и места лежки кабанов. Скопив изрядную сумму, Гурьян купил место лесника. Выгодно женившись в тридцать лет на молодой вдове, он окончательно переселился из Россапача в Радинское. Среди сельчан Гурьян пользовался репутацией скрытного и жадного газды. На какие цели копил он деньги — никому, даже жене, ведомо не было. В 1939 году, после освобожде-

ния Западной Украины, все его сбережения пропали. И хотя осталась прежняя должность, она перестала приносить доходы. К тому времени умерла жена, оставив двух дочерей.

Вновь воспрянул духом оборотистый лесник при немцах. В 1943 году он поставил новую пятистенную хату, в конюшне появилась четверка сытых гнедых коней, шесть коров давали молоко и масло для продажи, и у Гурьяна возникла мысль построить пилораму. Тогда бы он разбогател по-настоящему.

И снова, уже вторично, Советская власть не дала ему насосаться кровью земляков. Правда, никто из сельчан не зарился на место лесника. Но постоянный контроль сельсовета и района были ему ненавистны, мешали наживе. И он стал охотно помогать бандитам, хотя «иден» их нисколько его не интересовали.

За столом, у окна, выходящего во двор, сидели два бандита. Пустая бутылка водки и помутневшие глаза сына радинского богача Копылы — Мыська говорили, что времени он зря не терял. Напротив сидел ухмыляющийся Подкова. Перегнутый крест-накрест ремнями, в офицерском френче гитлеровской армии, он курил и пускал дым в лицо осовевшему Мыську. Возле большой печи сидели на лавке Карантай и Юзеф. Обхватив рукой талию старшей дочери Гурьяна Каси, Юзеф что-то шептал ей на ухо. Она игриво взвизгивала. Скрипнула дверь, и в горницу вернулся хозяин.

Карантай сказал, подмигнув Юзефу:

— Ну, дочка у тебя, старый. Прямо макив цвит...

Бросив строгий взгляд на дочь, лесник ответил:

— Им бы только зубы скалить та бесстыжие свои глаза пялить... — Не досказав, он махнул рукой и опустился на лавку. Сумрачно оглядев всех, пожаловался:

— Эх, старость не радость. Вернись года, разве я бы сидел сложа руки и ждал? Не знаете вы Гурьяна.

— Не хнычь! — ободрил Карантай. — Ты свою злость пока, как пса, на цепи держи. Так лучше и тебе, и нам.

Метнув свирепый взгляд на дочь, Гурьян нетерпеливо прикрикнул:

— А ну, чего расселась, видишь, люди поговорить хотят.

Кася покорно скользнула в дверь. Юзеф вышел за ней.

Подкова рассмеялся:

— Злости в тебе много, а толку с того что? Слушай, а если я поручу тебе ликвидировать твоего ненавистника председателя сельсовета Ильченко? Как ты на это?

— Ну и шутник ты, Подкова, где мне за такие дела браться?

— А ты покажи, что не только гавкать, а и кусаться можешь.

Гурьян сглотнул оскорбление.

— С Ильченком, я думаю, спешить не нужно. С ним еще можно поговорить и перетянуть на нашу сторону. Убивать каждого председателя сельсовета нет резона, так мы себе наживем больше неприятностей. В селе не только работу проводить, а и появляться не будет возможности, — ответил он.

— Ну да, будем терпеть всякое дерьмо! Убивать надо каждого такой смертью, чтобы Советы не смогли найти на селе ни одного газды, который взялся бы председательствовать! — заявил Карантай.

— Замолчи! — осадил его Подкова. — Гурьян дело говорит.

Карантай спорить не стал. Подойдя к окну, потянулся к бутылке.

— По случаю общего согласия нужно промочить горло.

— Хватит! — Подкова отстранил его руку. — Нахлебаетесь, а потом и лапы кверху. Мало нас учат. Човен со своим напарником только из-за этой заразы и попались. Да, кстати, когда последний раз Башкатов был в селе?

— Он, может, и сейчас здесь. Всегда появляется, будто с неба. Последний раз видел его во вторник, — ответил Гурьян. — Походил по селу, заглянул в хаты и как сквозь землю провалился.

Сомлевший от винных паров и жары Мысько обвел присутствующих мутными глазами, отодвинул та-

релку с капустой, навалился на стол и удовлетворенно засопел. Подкова усмехнулся:

— Вояка!

— Не беда, очнется. Рассказывали, что с Башкатовым был какой-то новый офицер. Высокий такой — Лукашов называется, — продолжал хозяин.

— Новый, говоришь? Наверно, на место Буланова. Нужно посмотреть, что он за птица, — заинтересовался Карантай.

— Посмотреть не трудно. Какой на деле — это важно, — задумчиво проронил Подкова. — Не дай бог такой же дотошный, как Буланов. Передай нашим, чтобы присмотрелись к каждому шагу этого Лукаша. Нужно прошупать: любит ли водку, охотник ли к бабам, откуда кривыл.

— Хорошо, все будет сделано, — согласился Гурьян.

— Еще посоветуйся со старым Копылой и попом и составьте список всех, кто идет за Советами.

— Лучше составить список, кто против, — возразил Гурьян.

— Дурак! Не все же село переписывать. Только тех, кто активно помогает Советам.

— Понимаю, понимаю.

— По-ни-маю, — передразнил его Подкова. — А то понимаешь ли ты, старый... — он грубо выругался, — что время не ждет. Список должен быть готов не позже, как через три дня.

— Я тебе и сейчас могу список составить. Да ты и сам знаешь их, — с готовностью согласился Гурьян.

— Мне нужен список, согласованный не только с тобой, а и с другими авторитетными лицами. Поп лучше тебя разбирается в людях и лучший советчик, чем ты. — Подкова взял бутылку и, не замечая завистливого взгляда Карантая, налил себе полстакана водки и уставился на Гурьяна.

Обстоятельства вызвали необходимость подумать о мерах личной безопасности. Бесперывные переходы по горам в условиях лета были терпимы. Там банда находила пособника в каждом кусте, за каждым деревом. Теперь органы безопасности с особой настойчивостью взялись за розыск и ликвидацию банды.

Бандиты не знали покоя, вынуждены были систематически маневрировать, чтобы избежать столкновения с поисковой группой. К тому же Орест Порожный — эмиссар центрального «провода» ОУН — требовал принятия мер особой конспирации.

Подкова оставил банду в районе села Россопач, а сам с наиболее доверенными людьми пришел в Радинское. Он сначала долго колебался в выборе места для бункера. Близость лесного массива возле дома лесника и заставила его остановить свой выбор на этом месте.

— Завтра начнем в доме копать краивку¹, — глядя в упор на лесника, заявил он.

— В моем доме? — забеспокоился Гурьян.

— А где же? Может, прикажешь у попа или Копылы? Где же лучше, как не у тебя? О твоих связях с нами никто не знает, мощна твоя еще туговата, у нас другого выбора нет.

— Вот не ожидал! Да ведь у меня часто с района бывают всякие. Как же так? — пытался протестовать лесник.

— Вот и хорошо. Я это все учел. Краивка будет небольшой, на четыре-пять человек. Для остальных к зиме оборудуем в горах. Но об этом, учти, никто не должен знать, кроме присутствующих.

— Ну что ж, воля ваша, — покорно согласился Гурьян.

Подкова поднялся из-за стола, потянулся и, довольный скорым согласием лесника, дружески похлопал его по плечу.

— Не горюй, старина, все будет хорошо. Куда это Юзеф делся? Мы пойдем на чердак спать, а ты уж последи за порядком.

— Дай бог, дай бог! — задумчиво произнес Гурьян и направился к выходу из хаты, чтобы дать распоряжения младшей дочери.

— Погоди, — задержал Подкова. — Завтра ведь сходка всего села, колхоз надумали... Так ты уж проверни так, как договорились, чтоб комар носа не подточил. Понял?

¹ Краивка — бункер.

Коллективизация села взбудоражила мужицкие души. Ранней весной, на общем собрании радинцев, по предложению представителя райкома, обсудили вопрос об организации колхоза. До хрипоты накричавшись, так и не приняли никакого решения.

Тревогу вызвало появление в Радинском нищего с опухшими толстыми ногами, с большим медным крестом на волосатой груди. Он пугал страшными рассказами о жизни колхозников Восточной Украины, откуда якобы ушел, оставив всю семью «на гробках»¹. Прожил нищий в селе два дня, но успел обойти почти все хаты, «открыл глаза» сельчанам, рассказывая «всю правду» про колхозы. Кое-кто поверил нищему, многие сомневались, но все это сказалось на весенних полевых работах, главным образом, из-за слухов: «К осени межи запашут, весь урожай на общий двор, и все будет распределяться по едокам». Большинство радичан засеяли свои наделы частью овсом и мелкой бульбой, а по ночам тайно квасили посевное зерно и гнали самогонку.

Прошла весна. Ничего нового о колхозе слышно не было. Те, кто побогаче, объясняли это тем, что, мол, их земли государству неинтересны, колхозы получатся маломощными, МТС, стало быть, организовывать не станут, что на горной пахоте тракторы будут переворачиваться, а конной тяги мало, чтобы обеспечить посев и уборку урожая.

Но вот снова приехал «молодой большевик», как прозвали инструктора райкома в селе, и предложил избрать трех представителей радичан для поездки в Восточную Украину, где они могли бы своими глазами сравнить их жизнь и колхозную. Он сказал, что никаких насильственных мер по организации коллективного хозяйства принято не будет, что люди сами должны понять искреннее желание Советской власти сделать радичан зажиточными. Закончил он речь так:

— А что до кулацких элементов, то вы еще подумаете: принять их в колхоз или оставить отщепенца-

¹ Гробки — кладбище.

ми на клочках земли, где они возятся, как жуки в павозе, — вони много, а кусать нечего!

Слова его потонули в смехе сельчан. Без долгих проволочек избрали делегатов: двух мужчин и одну женщину — Оксану Гайдашеву. Ее уважали после памятного случая, происшедшего на прошлую пасху. Кто-то из перепившихся мужиков подпалил стог соломы во дворе бедняка Ивана Нагуйко. Пламя перебросилось на крышу хаты. Мужики беспорядочно метались вокруг пылающей усадьбы. Прибежавшая с другого конца села жена Нагуйко закричала истошно и повалилась с ног. Кто-то крикнул, что в доме остался семимесячный сын Ивана. Несколько отчаянных голов метнулись в дом, но огонь заставил отступить. И тут Оксана облила себя водой из ведра и скрылась в пылавшей хате. Толпа в оцепенении ждала — что будет? Через минуту, опаленная, с прижатым к груди ребенком, Оксана выбежала на улицу. Все бросились к ней.

С того дня пристыженные мужики стали кланяться ей первыми, а бабы долго еще осыпали ее словами благодарности и восхищения.

Больше двух недель пробыла делегация где-то на Востоке. Сельчане шутили: «На державных харчах зажирели, чего доброго теперь и вернуться не захотят», «А Оксана Гайдашева — та себе жениха посерьезнее выискивает, а то наши, что телята — ни мычат, ни телятся».

Вернулась делегация погожим днем, на легковой машине, в сопровождении «молодого большевика». Председатель сельсовета Ильченко, хорошо зная недоверчивость односельчан, попросил «не давить на них». Представитель райкома помотал головой, но согласился, объяснил, как проводить собрание, и уехал.

Гурьян покрутился возле мужиков, собравшихся у сельсовета, и скрылся в «крамнице», а старый Копыла, попыхивая короткой трубкой, с неприязнью наблюдал за сельчанами. Собственно говоря, не так был уж он стар: пятьдесят четвертый пошел. Старым его называли в отличие от сына Мыска, ушедшего в банду. Спесивый, привыкший к долголетию власти, старый Копыла с трудом скрывал свое презрение к «безмозглым» батракам. Но времена изменились, газды

быстро освоились с новыми законами, все чаще стали повторять: «не имеешь права», «нет такого закона», «теперь все равны». Сдерживаясь на людях, Копыла бесновался, оставаясь один.

Появление банды Подковы воспламенило надежды захребетника. Узнав об активности Гурьяна, отца Силантия, Мигляя, к тому времени ставшего секретарем сельсовета, Копыла отправил к оуновцам старшего сына — рыжего Мыска. Вместе с ним ушел и батрак Герасько.

Копыла, конечно, скрывал свои связи с бандитами и на людях возмущался «самовольством» сына, которого якобы увлек Герасько, грозился, что собственными руками свернет головы обоим, если они покажутся на пороге его дома. Когда пошли слухи об организации колхоза, Копыла продал семь дойных коров и тройку лошадей, мельницу прикрыл под предлогом износки жерновов, а ночами закопал в тайники наиболее ценные вещи и около двухсот пудов отборной ржи и пшеницы. Помогал ему муж сестры Сидор Назарчук, получивший за усердие яловую телку и двух поросят.

Назарчук попал в число делегатов для поездки благодаря настойчивости Мигляя. По возвращении Назарчук обязан был «облыгать колхозное устройство», за что ему обещали жеребую кобылу и лесу на обновление хаты. Другого делегата, Сергея Поярко, пользовавшегося среди сельчан славой справедливого и рассудительного газды, Копыла побаивался, но решил: бог не выдаст, свинья не съест, авось, сумеем провалить собрание.

ТРАГЕДИЯ НА ХУТОРЕ ВЫЖНИИ

Поздно вечером Башкатов возвращался из санчасти, где лежала Павлина Ковтун. По привычке глянул на окно своего кабинета — оно светилось, значит, Лукашов был еще там. Открыв дверь, Башкатов удивился: на столе, покрытом двумя газетами, лежала колбаса, несколько свежих огурцов, стояла открытая банка рыбных консервов, Лукашов

нарезал хлеб. Настольная лампа слабо освещала его сумрачное лицо.

— Проходи, гостем будешь, — сказал он, — я ведь тебя, Борис, жду.

— Боишься, что один не справишься?

— Нет, решил отметить одну дату. Да и просто посидеть с тобой, поговорить. Как твоя амазонка? Она, случаем, не морочит тебе голову?

— Я многое уже проверил. Похоже, что говорит правду. Знает она не очень много, к сожалению. Но она рассказала о том, как погиб Саша. Слышала разговоры бандитов об этом... А ты так и не сказал — по какому поводу накрыл такой роскошный стол?

— Причина, Борис, важная. Сегодня исполнилось двадцать пять лет со дня гибели моего отца. Ему исполнилось бы шестьдесят пять, если бы не пуля басмача. Он был коммунистом и работал чекистом чуть ли не с первых дней организации ЧК. Давай помянем его. Только извини, придется на сухую. Не успел, понимаешь. Кинулся, а уже поздно. Все закрыто.

Башкатов молча вышел из кабинета и скоро вернулся с флягой.

— Откуда? — удивился Лукашов.

— Чистейший, натуральный. — Башкатов улыбнулся. — Старшина сохранил мне из моего пайка. Я никогда не беру его, а сегодня, видишь, пригодился.

Друзья уселись за стол, налили по трети стакана спирта, разбавили водой.

— Выпьем, Борис. Память отца для меня святыня. Мало я его, к несчастью, помню, но, видно, настоящий человек был, раз мать все еще получает письма от его друзей.

Башкатов выпил, закашлялся и еле отдышался.

— А мне, — сказал он, — некого вспоминать, кроме Саши. Я ведь детдомовский.

Они помолчали, закусили.

— Да, брат, без родителей плохо, — задумчиво произнес Лукашов. Но, окинув взглядом плотного, пышущего здоровьем Башкатова, вдруг рассмеялся. — Сразу видно, что безотцовщина. Хлипкий какой, поди, ветром качает, а?

Вместо ответа Башкатов толкнул Лукашова в пле-

чо. Тот, приняв вызов, вскочил на ноги. И они схватились. Лукашов был сильнее, но ему стоило огромного труда справиться с Башкатовым. Упал стул. Они разжали объятия и расхохотались.

— Ой, не могу, — задышался Лукашов, — застал бы нас сейчас майор. Вот была бы потеха. Представляешь?

Башкатов только махнул рукой. Друзья вновь уселись за стол. Лукашов ласково поглядывал на Башкатова и добродушно улыбался. А тот басил голосом Егоренко:

— Что ж это вы, молодые люди, в рабочем кабинете, понимаете, французскую борьбу устроили. Не ожидал, признаюсь, не ожидал. В отделе госбезопасности и вдруг такой фурор, нет, пассаж, прямо пассаж! Ей-богу, он так и сказал бы — пассаж. До чего ему такие словечки нравятся! Ешь, что же ты.

— Сыт уже. Ты расскажи-ка, что нового узнал о гибели Буланова.

Веселья как не бывало. Башкатов сдвинул брови.

— После признания Лабурия и рассказа Павлины я представляю себе почти полностью, как это случилось, — начал он.

* * *

Как это случилось... Не все узнал Башкатов. Он мог только догадываться о том, что думал перед гибелью Саша Буланов, что он чувствовал. Позже узнали чекисты и о том, почему Буланов в тот день пошел в село. Он давно уже вел переговоры с одним из сельчан, пособником бандитов, и в этот день снова договорился о встрече с ним, с глазу на глаз. Было ли это непростительной доверчивостью? Нет, и Башкатов и Лукашов сами впоследствии встречались с обманутыми, замороженными людьми из банды один на один, стремясь разбудить в них доверие к человеку, победить не силой, а убеждением.

Человека, с которым должен был встретиться Буланов, заподозрили в измене и застрелили. Буланов об этом не знал. Не знал он и о том, что на хуторе Выжний собрались для расправы над молодым ради-

чанином Иваном Супруном Подкова со своими при-
спешниками.

Буланов подождал, но никто не показывался. Тогда он решил пройтись по селу, встретил участкового уполномоченного Дейнеку. Тот сказал, что видел издали каких-то незнакомых людей, идущих к хутору Выжний.

— Двое их было? — спросил Буланов.

— Двое.

Буланов задумался. Взять с собой солдат?

— Ладно, — решил он, — светло, не ночь, сходим сами, узнаем, что за люди.

Они пошли к хутору.

* * *

Супруна заманил на хутор Мигляй.

Подкове необходимо было пополнить банду. Добровольцев, несмотря на все усилия и запугивания, не находилось. Решили прибегнуть к мерам насильственным. Выбор, по совету Мигляя, пал на Супруна. Во-первых, он был из очень бедной семьи — пусть не считают, что в бандиты идут только кулацкие сынки, во-вторых, Супрун не раз открыто высказывал свою вражду к бандитам.

В хате хуторянина плавал дым, густо несло самогонкой. Увидев, что Мигляй ведет Ивана Супруна, Подкова потер руки, а Юзеф даже прищелкнул языком.

Мигляй ввел Супруна. Подкова и Юзеф начали с уговоров.

— Разве тебе не охота иметь в каждом селе любовницу? Лучшие девки любого села за честь считают переспать с таким орлом, как ты, — узенькие глазки Подковы, быстрые и жадные, заблестели, — деньги, водка, власть — все в наших руках. Соглашайся, иди к нам.

— Через год-два мы создадим самостийну Украину, — солидно говорил Юзеф, — назначим тебя старостой в том же Радинском, поставишь пятистенку под оцинкованной крышей — и живи припеваючи! Земля? Земли будет сколько угодно! Хозяин! Власть! Сам се-

бе выберешь лучший кусок пахотной земли. Помещиком заживешь.

Иван, двадцатитрехлетний парень, сидел за столом, теребил лежавшую на коленях кепку. Перед ним поставили стакан самогона. Он мучительно соображал, как вырваться отсюда, но притворялся, что слушает с интересом.

Подкову начало раздражать молчание парня.

— Пей, дурья башка. С тобой, как с мужиком разговариваешь, а ты будто язык проглотил. — Он поднес к носу Ивана стакан с самогонкой.

— Он, видно, ошалел от радости, — сказал Юзеф. — Понимает, что не каждому мы оказываем такую великую честь. Парень ты молодой, из такого неплохой сотник выйдет.

Иван вяло возразил:

— Какой там из меня сотник, я и стрелять не могу.

— Научим, — заверил Подкова, — ты уж понадейся на меня. Чему-чему, а уж этому я тебя выучу. На, пей.

— Да ведь хоть дома надо посоветоваться, собраться как следует: сами понимаете — не день, не два придется по горам скрываться, — принимая стакан, заметил Супрун.

Подкова крикнул:

— Хозяин! Принеси пожрать добровольцу.

Супрун выпил.

Подкова снова наполнил стакан.

Супрун искоса посмотрел на окно, дверь, рванулся, но у порога наткнулся на подставленную ногу и упал.

— Ты что же это, а? — протянул Подкова.

— Та я что, я же говорил, домой мне только сходить, а потом...

Его принялись избивать. Супрун потерял сознание. Подкова еще раз ударил его по голове сапогом.

— Убил, что ли? — спросил Юзеф.

— Притворяется, гад.

Подкова взял ведро, подошел к Супруну и облил его водой. Тот дернулся и прошептал что-то.

— Ну, я же говорил, — осклабился Подкова. — А ну, подымайся, живо!..

В комнату влетел бандит.

— Була-а-а-нов!!!

Подкова и Юзеф схватили автоматы и заметались по хате.

— Туда, — показал хозяин, подскочил к окну и ударом ноги вынес раму. Первым сунулся Мигляй. Подталкивая его грузное, застрывшее в оконном проеме тело, Юзеф кричал:

— Да скорее же, скорее, рохля! — Он с силой толкнул в жирную спину. Мигляй вывалился. Подкова подбежал к другому окну — посыпались стекла, но рама осталась на месте. Метнув обезумевший взгляд в сторону Юзефа, Подкова кинулся к нему, пытаясь оттолкнуть от проема.

Юзеф выругался:

— Та обожди ты, куда ты прешь!

Супрун пришел в себя и, перебирая подламывающимися руками, пополз к двери. Подкова выхватил пистолет, два раза выстрелил. Супрун дернулся и затих.

Выстрелы разбудили спавшего в пристройке Карантая. Он схватил автомат и выскочил в коридор. Но, увидев бегущего к дому Буланова, спрятался за стоящую в углу коридора бочку.

Буланов вбежал в комнату, увидел, что в ней никого нет, кроме лежащего ничком Супруна, и наклонился над ним.

Грянула автоматная очередь. Буланов, как подкошенный, рухнул рядом с Супруном. Он уже не слышал, как лес тысячеголосым эхом отозвался на треск автомата участкового.

В хату вбежал Дейнека. Буланов открыл глаза и, превозмогая боль, сел.

— Вы ранены, товарищ старший лейтенант? — бросился к нему участковый.

— Помоги подняться. Я потерплю. По-моему, он еще жив, осмотри лучше его... Скорее, чего ты устал на меня! — нетерпеливо приказал Буланов.

Но Дейнека не успел сделать и двух шагов, как в

коридоре снова грянули выстрелы, и Дейнека упал. Мимо открытых дверей пробежал Карантай.

Отбежав с полкилометра от хутора, и убедившись, что их никто не преследует, Подкова остановился. Впереди виднелся бегущий Юзеф, дальше — еще несколько бандитов.

— Стойте, сволочи! Остановитесь! — закричал Подкова. — Рассыпайся по сторонам, занимай оборону!

Притаившись за деревом, он даже вскрикнул от неожиданности: подминая траву, прямо ему под ноги скатился Карантай.

— Фу-у, напугал до смерти! Откуда ты свалился? Карантай оскалил зубы.

— Эх, вы — драпаете. Я их обоих пришил.

— А их только двое было?

— Больше я никого не видел.

Перебегая от дерева к дереву, бандиты стали возвращаться к хутору.

Буланов и Дейнека начали отстреливаться. Улучив момент, раненый Буланов сумел не только подняться на чердак дома сам, но и втащил туда Дейнеку.

Снова затрещали выстрелы. Дейнека выронил автомат.

Буланов стрелял до тех пор, пока новая пуля не погрузила в темноту и его.

Очнулся он уже в бандитской зимовке, затерянной в лесу, оглядел сидящих вокруг людей, понял, где он, напрягся и встал на ноги. Бандиты, пораженные его силой и волей, переглянулись.

— Ты — Буланов? — спросил Подкова и сам себе ответил: — Ты-то мне и нужен, голубчик. Понимаешь, куда попал?

— Знаю. Я-то тебя спрашивать не буду, кто ты. Всех вас могу перечислить по кличкам и фамилиям.

— И меня знаешь? Кто я? — подскочил Карантай.

— Ты — Карантай или «Лошадина морда», как прозвали тебя газды. Метко окрестили.

Бандиты засмеялись. Карантай хотел ударить Буланова, но Подкова оттолкнул его. Обращаясь к Буланову, предложил:

— Садись, в ногах правды нет. Закурить хочешь?

— Я не курю.

— Врешь — куришь. Мы тоже кое-что знаем о тебе. Вернее, не кое-что, а все. Знаю, что женат, что у тебя есть сын. Мне нужно знать, откуда тебе известно о нашем партизанском отряде?

— Партизанском отряде? — Буланов усмехнулся. — Слышал о партизанском отряде Ковпака? Он здесь, в Карпатах, потрепал изрядно вас — оуновцев. Вот это был партизанский отряд. А вы что — кучка отщепенцев, бандиты...

Глаза Подковы сузились:

— Давай по-хорошему, отвечай. Слышишь — ты! — он выругался.

— Буланов, — подступил к офицеру Юзеф, — ты хочешь жить? Ответь на вопросы, и я гарантирую тебе жизнь. Можешь что-нибудь сказать нам?

— Могу, — с трудом произнес Буланов. — Говорить буду при условии, что Подкова даст мне возможность высказаться до конца в присутствии всех.

— Ты мне условий не ставь. Жирно захотел.

— Тогда я сказал свое последнее слово. — Буланов опустился на землю. Силы его покидали.

— Ты у меня заговоришь, будь спокоен. Я не таким языки развязывал, — заявил Подкова.

Буланов молчал.

Всмотревшись в его лицо, Юзеф сказал:

— Пусть говорит. Как думаешь, Подкова?

— Ладно, — согласился тот.

— Начну с того, — заговорил Буланов, — что Подкова пообещал не перебивать меня и даст возможность высказаться до конца. Он требует, чтобы я ответил на его вопрос... Вот я и скажу, что знаю тебя, Подкова, еще с тех пор, когда тебя завербовала польская диффензива и использовала для провокаций среди польского и украинского населения. Знаю и то, что ты был перевербован гестаповцами, которым ты оказал немало услуг, предавая своих же товарищей по организации украинских националистов. Мне известно, как ты поступил на службу к фашистам и собственноручно расстреливал во Львове украинцев, поляков, евреев, русских...

— Замолчи, сволочь! Брешь ты! — закричал Подкова.

— Брехня? Может быть, брехня и то, что твоим подручным в этих преступлениях был Карантай?

Удар по лицу не дал ему договорить. Его били и Подкова и Карантай.

— Тащите его на улицу! — приказал Подкова. — Посмотрим, какие ещё сказки он расскажет.

Буланова подтащили к костру. Карантай стащил с него сапоги и хотел примерить, но, встретившись с бешеным взглядом Подковы, отбросил их в сторону. Буланов открыл глаза.

— Теперь будешь говорить? — издевательски спросил Подкова.

Буланов отвернулся и устремил взгляд в ясное, чистое голубое небо. Глаза его были такими же, как и эта безоблачная голубизна.

Карантай поднял Буланова, подтащил к костру, броском опустил на пылающие головни. Буланов рванулся, но Подкова прижал ногой его грудь.

Многие бандиты отвернулись. Потом кто-то стащил обгоревшее тело с огня и облил его водой. Издав слабый стон, Буланов открыл глаза. Бандиты шарахнулись по сторонам.

— Чего трусили? — обозлился Карантай, выхватил тесак и вонзил его в живот Буланову.

Подкова с ненавистью и злобой посмотрел на мрачные, перепуганные лица своих людей. Они медленно уходили за землянку.

Стало тихо.

Дымок угасающего костра медленно таял в голубизне неба.

— Собирайтесь, — велел Подкова. — Надо уходить отсюда.

После продолжительного молчания Башкатов сказал:

— Я знаю Сашу. Он так и должен был держаться.

— Памятником ему может быть только мир и счастье на этой земле, — тихо промолвил Лукашов.

НЕПОНЯТНОЕ

В отделе состоялось совещание. Майор Егоренко за день до него был вызван к начальству. Вернулся он еще более натянутым и строгим, чем обычно.

— Или неприятности у него, разнос получил, или благодарность, — шепнул Башкатов Лукашову. Тот улыбнулся. Майор исподлобья покосился на них и постучал карандашом по столу.

Докладывал Лукашов. Поиски парашютиста пока были безуспешными. Обыск в селах ничего не дал. По некоторым сведениям, парашютист добрался до банды Подковы. По другим — он свиделся с Подковой и куда-то перебазировался...

Егоренко сделал несколько замечаний общего характера и добавил:

— Я доложил, что парашютист не шпион, а связанной оуновцев и опасности особой не представляет.

— Мы еще не знаем задачи, с которой его послали, — возразил Лукашов.

— Это вы не знаете, а я догадался и доложил. Начальство меня одобрило.

Лукашов удивленно посмотрел на майора.

— Продолжайте, — буркнул тот.

Лукашов заговорил о банде Подковы.

— Банды не существует, она ликвидирована, — заявил Егоренко.

Лукашов и Башкатов переглянулись.

— Как?

— Каким образом?

— Бандитизм организованного в нашем районе нет. Есть отдельные бандиты-одиночки.

— А группа Подковы?

Майор усмехнулся.

— Она уже не действенна. Мы ее разогнали, безвредили.

— Я не понимаю, — сказал Лукашов.

— Я тоже, — поддержал его Башкатов. — Если вы иронизируете, то... Конечно, нас можно и нужно критиковать...

— Нашему отделу, вам, товарищи офицеры, обом и мне объявлена благодарность.

— За что же? — вытаращил глаза Лукашов.

Егоренко снова усмехнулся. Потом медленно произнес:

— Есть вопросы, которые решаются выше. Так нужно в интересах дела.

— Может, вы все-таки объясните? — попросил Башкатов.

Раздался телефонный звонок. Майор снял трубку.

— Да, я. Слушаю... Нет, свободных людей у меня нет. Все заняты... Да это и не входит в нашу компетенцию... Не могу... К тому же... обождите, дайте договорить, я уже говорил вам, что эта затея с колхозами несвоевременна... Что? А, да, конечно. Но ведь указание получили вы, а я ничего не получал. Нет, ничего... Пусть проводят, мне-то какое дело. Не велика птица делегаты, чтобы я отрывал своих людей от дела и обеспечивал безопасность газд... Да, пожалуйста. Всего хорошего.

Он бросил трубку на рычаг телефона и обвел офицеров сердитым взглядом своих выпуклых глаз.

— Этот секретарь райкома не желает считаться со мной.

— А в чем дело? — спросил Лукашов.

— Да в Радинском собрание должно быть. Вернулись делегаты села из восточных районов. Но при чем тут мы? Пусть себе отчитываются.

— Может быть, райком прав, — осторожно начал Лукашов. — Вдруг там появятся бандиты?

— Глупости! Будете заниматься тем, что положено!.. Так, вернемся к нашему разговору. Вы просили объяснить? Объясняю. Только учтите, это... — Он даже понизил голос: — Сверху, может быть, даже сам запросил, как тут у нас. Ему доложили, что бандитизм ликвидирован. Ясно?

— Но мы-то...

— Мы тоже будем считать, что банда ликвидирована. А насчет одиночек, вроде Подковы и Карантая,

поговорить, разумеется, можно. Я думаю, что полученная нами благодарность должна повысить нашу бдительность, наше оперативное мастерство!

— Это все, товарищ майор? — спросил Башкатов.

— В основном. — Майор замаялся. — А теперь все же доложите, что было сделано по... поимке отдельных бандитов.

Лукашов стал докладывать. Каждый раз, когда он говорил «банда», майор поправлял его: «одиночки-бандиты».

Совещание было коротким, и майор отпустил всех.

— Что происходит? — спросил Башкатов у Лукашова. — Ты что-нибудь понимаешь?

— Ложь и обман, Борис, страшная вещь. Не знаю, можем ли мы мириться с этим. Ведь и майор прекрасно понимает, что...

— Видимо, его устраивает такое положение вещей, — сказал Башкатов. — Он получил благодарность.

— Мы тоже.

— Да, мы тоже... А что, если написать в Москву?

— В Москву? Кому? — спросил Лукашов.

Помолчали.

— Может, поговорить с майором еще, с глазу на глаз?

— Да брось, Борис. Хотя и у него самого на душе кошки скребут, но говорить с нами он больше не станет. Он уже убедил себя, что видимость благополучия у нас нужна для пользы дела. Ты ведь знаешь его. Начальству виднее, наше дело выполнять приказы, мы исполнители — вот его любимые изречения. Ты слышал, как он говорил с секретарем райкома партии?

— А что он сделает, если завтра в районе будет крупная бандитская вылазка?

— Вывернется!

— Так что же делать?

— Работать. Работать честно, как подобает коммунистам. Нужно, чтобы наша с тобой совесть, Борис, была чиста. Будем работать на свой риск и страх. Да и ведь не все такие, как Егоренко. Нам помогут другие. Поговорим и в райкоме... А то ведь получается,

будто вопросы внутривластической жизни района решает не райком, а Егоренко. Ладно, давай, друг, проведем свое собственное совещание, пораскинем мозгами, а?

— Давай.

Они пришли к себе, уселись за столами, и Лукашов начал:

— Итак, товарищ лейтенант, нами еще не решены следующие вопросы: первое — мы до сих пор не обнаружили парашютиста. Он словно в воду канул. Захваченные нами бандиты твердят, что у них никого не было. Так?

— Так. Мне все-таки кажется, что он где-то в нашем районе. Его прячут пособники бандитов в каком-нибудь селе.

— Это все предположения. Давай доказательства. Нужны факты или хотя бы логическая версия.

— Ты понимаешь, я убежден, что он осел где-то поблизости. Во время активных поисков у него было где отсидеться.

— Допустим, но потом?.. Не убедительно.

— А показания Павлины Ковтун?

— То, что ждали кого-то? Ну и что?

— И еще одно: за последнее время бандиты снизили свою активность. Вероятно, для того, чтобы скрыть район своего расположения.

Лукашов задумался.

— Да, нелегко, Борис.

— И те львовские студенты, о которых рассказывала Павлина Ковтун, ничего не знают. Или врут, что не знают.

— Кстати, как она?

— Во Львове. Поправляется. Со временем из нее, я думаю, получится стоящий человек. Как-то не верится, что такой красивый человек может быть прогнившим, безнадежным...

Лукашов лукаво улыбнулся.

— Бро-ось! — Башкатов покраснел и нахмурил брови.

— Шучу, шучу, не сердись. Слушай, Борис, а тебе никто не нравится из девушек? Честно, а?

— Так, издали нравится одна, но... Даже погово-

рить некогда. В городе бы познакомился, пригласил в театр, на концерт...

— Ох, с каким бы удовольствием я сейчас послушал хорошего пианиста! — мечтательно произнес Лукашов.

— Давай отпросимся у майора и во Львов съездим.

— Как-нибудь съездим. Но позже.

— Вопрос за вопрос, — сказал Башкатов. — А тебе не нравится Марина, наша секретарша?

— Марина?

— Да. Она так на тебя смотрит иногда.

— Ерунда.

— Нет, правда.

— Марина — хорошая девушка, очень хорошая, но... Любовь должна быть большой, настоящей и, желательно, взаимной.

— Ага. Я тоже так считаю.

— Давай-ка вернемся к делу. Тебе не кажется, что Буланов не упустил бы из виду Володьку Задорожного? Парень явно попал в банду случайно. Любомир и он — это...

— Что ты имеешь в виду?

— А вот что...

ЦЕРКОВЬ БЛАГОСЛОВЛЯЕТ

Председатель сельсовета Ильченко вышел из дому с укороченной медной гильзой от снаряда и шкворнем. Он направился к мальчишкам, игравшим возле штабеля бревен.

— А ну, хлопцы, мотайте по селу, созывайте народ на зборы.

Мальчишки стайкой понеслись по улице, и надтреснутый звон гильзы спугнул тишину.

Митька Морозенко, ударяя изо всех сил шкворнем по гильзе, орал:

— Пожар! Пожар! Пожар! На зборы все!

— А чтоб ты треснул, чтоб тебя грец узяв! — возмущались старики.

Добежав до конца села, мальчишки завернули обратно.

— Зачем же так громко? — остановила своих питомцев учительница. — Да вы только посмотрите на свои ноги? Когда вы их мыли последний раз? А ну-ка, живо на речку!

Ольга Ивановна ласково посмотрела на удаляющихся ребят. Сможет ли она воспитать их такими, чтобы ей не стыдно было смотреть людям в глаза?

Ее раздумья оборвало вежливое покашливание. Ольга увидела парня в военной одежде, но без погон. Она догадалась, что это старший сын Задорожной, ответила на приветствие, и вдруг краска прилила к ее лицу. Она сама не знала, отчего так смутилась.

— О чем вы задумались? — спросил Любомир.

— Ребятишки мои мыться побежали, смотрю я и...

— А вы с ними поостроже, а то горя хватите, я сам вырос здесь и знаю, какие у нас мальчишки...

— Построже?.. Понимать их нужно.

— Это как у нас в армии, тоже до каждого солдата доходим, — солидным баском сообщил Любомир. И подумал: «Ох, что это я плету?»

— Вы не на собрание идете? — спросила Ольга Ивановна. — Пойдемте вместе.

По дороге уже тянулись в одиночку и группами радичане. Все приветливо кланялись учительнице, называя ее «пани профессорка», кланялись и Любомиру, с любопытством разглядывая медали.

— Никак не могу отучить их от этой «профессорки», и потом, что я им за пани? — засмеялась Ольга.

— Вы не удивляйтесь. Только начинают понимать человеческое обращение. Они обязаны были говорить «пани медичка», «пани профессорка», «пан голова», «пан начальник».

— Да я не удивляюсь. Но как-то неловко. Не привыкла...

Действительно, дочери паровозного машиниста из Донецка многое казалось непривычным в этом селе, где она учительствовала всего пятый месяц.

Возле сельсовета уже собрался народ. Мужики, расположившись на брезнах, на крыльце Совета или

просто на траве, курили, беседовали. Большинство было одето в грубые полотняные штаны и рубахи, в сыромятные душегрейки. Те, кто помоложе, приоделись в брюки фабричной работы и бязевые, искусно вышитые рубахи. Несколько дряхлых стариков, у которых, однако, хватило сил дотянуться до сельсовета, стояли в стороне, опираясь на клюшки, одетые в обноски сыновей, с деревянной остроносой обувью на ногах.

Бабы, одетые более нарядно и опрятно, чем мужики, оживляли толпу пестротой цветастых платков и широкими юбками, окаймленными узенькими полосками разноцветных лент.

Незамужние девки оглядывали свои наряды — красивые узоры вышивок сплошным болгарским крестом покрывали спереди кофты, — хохотали и перебрасывались шутками с парнями.

Здесь же шныряли вездесущие мальчишки. Они выпрашивали у парней окурки, убегали за сельсовет и поочередно, обжигая пальцы, затыгивались дымом, кашляли, по-взрослому сплевывали желтую слюну.

Из распахнутых дверей магазина, помещавшегося рядом с сельсоветом, тоже валил густой табачный дым. Молодой краснорожий крамарь¹ Морочканич скучающе глядел на мужиков. Его спесивая физиономия с близко посаженными хитрыми глазками, всем своим видом выражала: «Долго мне еще стоять без дела? Пришли, покупайте, пейте». Мужики же щупали, оценивали товары и, якобы не заинтересовавшись, уступали место другим. Но вот к прилавку протолкался Гурьян, пожал крамарю руку, оглядел молодецки мужиков и попросил показать ему цепь. Тщательно ощупав каждое звено, лесник поморщился:

— Жидковатое железо. Не тот товар пошел.

Крамарь спорить не стал.

— Если на быка или норовистую корову, слабовато.

— Да нет. Мне пса надо привязать, а то злоющий такой стал — никому прохода не дает.

¹ Крамарь — продавец.

— На пса сгодится. Разве коротковата будет, — пробасил кузнец Илья и, взяв из рук лесника цепь, по-хозяйски начал ее ощупывать.

— Ну, как? Стоящая? — спросил Гурьян.

— Стоящая, цепь важнецкая, с приваром. Износу не будет.

— Ну, получай, Морочканич, я легок на почин. Сколько? — И стал не спеша вытаскивать деньги. Из-под пиджака показалась желтая хромовая безрукавка. Отсчитав положенное, лесник потребовал водки: — Обмыть надо, а то, чего доброго, пес сорвется.

Морочканич поставил бутылку на прилавок:

— Завернуть?

— Чего там. Распечатывай. Да стаканчик подай. — Наполнив стакан до краев, Гурьян протянул его кузнецу. — Давай-ка, Илья. Это тебе за совет. Сказал бы не брать — не взял бы. Верю тебе. Мастер ты.

Кузнец степенно, как этого требовал обычай при подношении, поклонился:

— Дякую, пане лесник.

— Сначала выпей, потом благодарить будешь. То же мне — пан лесник! Кончилось время, когда мы гнули перед паничами спины. Все мы теперь товарищи, — заявил Гурьян. Вслед за Ильей выпил сам, прикрякнув. — Хороша. Вот на водку, нечего греха таить, мы никакой обиды не имеем. Что добре сделано, то добре. — Налил еще полстакана и протянул другому мужику. — Выпей и ты, Иван. Не тянуть же мне ее до донышка. Охмелею, будь она неладна.

Иван не стал отказываться, также поблагодарил «пана лесника».

— Опять пан лесник! Вы что — старую власть вспомнили или меня хотите обидеть? — возмутился Гурьян. — Нехо-ро-шо!! Я в сельсовет пожалуюсь, председатель у нас на расправу быстрый.

Все, зная беззлобность слабохарактерного Ильченко, засмеялись. Угостив еще двоих, лесник расходился и потребовал новую бутылку:

— Раз пошло, пропадай моя зарплата, черт с ней! Подходи, у кого в горле пересохло.

Удивляясь тароватости Гурьяна, мужики, потоптавшись для приличия, стали поочередно прикладываться к стаканчику. И еще две бутылки открыл крамарь, и кто посмелее, уже подходил второй раз.

Морочканич, взяв другой стакан и не спрашивая разрешения, наполнил его водкой. Выпив, он нагнулся под прилавок, где была раскрыта банка консервов, торопливо закусил.

— Пей, мужики, не стесняйся, — пьяно болтал Гурьян. — Теперь мы все товарищи. Сила мы! Как захотим, так и порешим. Вот сегодня власть дает нам право решать: люб нам колхоз или будем жить, как деды жили, царство им небесное. Вольному воля, спасенному — рай.

Как от брошенной искры, вспыхнул заглохший было спор. Гурьян прислушивался к тому, что говорят.

Илья спросил:

— А ты сам-то как? Хорошо будет в колхозе или нет?

Гурьян захохотал:

— Мне-то чего думать? Я лесник. Меня этот колхоз не касается. Мне в колхозниках не ходить и головы ломать нечего. А вот ты как?

Илья, не колеблясь, ответил:

— Как люди: будут за колхоз идти — и я пойду, а не будут...

— Ты не вилай! Ишь, хитрый! Ты откровенно народу скажи. Прямо.

— Коли спросят, скажу. Будет в колхозе кузня — пойду робить.

— Снова виляешь. Ты прямо скажи — за или против колхоза?

— А чего мне быть против?

— Так бы и говорил, кузнец без кузни, а то — и туда, и сюда, как собака блох ловит, — съязвил лесник. — Ты, я погляжу, не совсем дурак. В кузне клепать, не в поле пахать. Значит, пусть Иван за тебя сеет, убирает, а ты только жрать будешь да за всю весну две косы отклепаешь? Так, что ли?

— На таких условиях и я за колхоз, — подхватил Иван.

Зашумели и другие:

— Хитер, газда!

— А у него семья десять душ!

— Корми тогда его ораву!

Гурьян ухмылялся.

— Слышишь, Илья, что народ-то говорит? Вот! Черта с два пойдут они в твой колхоз... — И он показал кузнецу дулю.

Илья отбросил его руку:

— Чего ты мне суешь? Тебе-то дело какое? Ты же в колхоз не собираешься? Не пойдут газды — и я не пойду.

— Правильно говоришь, Илья! Нужно мне в это дело вмешиваться! Прямо-таки дозарезу, — Гурьян сплюнул, — снился бы мне ваш колхоз на том свете!

Мужики загалдели пуще прежнего. Изрядно захмелевший низкорослый Иван во всеуслышание объявил, что переломает ребра тому, кто запишется в колхоз. Илья взъелся:

— А вот я первый запишусь, и посмотрю, как ты мне ребра сокрушишь, сухота дотошная! Я тебя, слюнтый безрогий, в бараний рог согну! — Он нахлобучил суконную шапку по самые уши Ивана.

— Сам, может, я и не осилю тебя, а миром как-нибудь уговорим. Правда, хлопцы? — стал искать поддержки Иван.

— Он мне ребра будет ломать. Ха-ха-ха! Посмотрите на него! — Илья пренебрежительно вытер рот Ивана своей заскорузлой рукой.

— Хлопцы, глядите, он еще и руки протягивает. Я не посмотрю, что такой здоровый, а свистну — и считай тогда убы!

— Ха-ха-ха! — Кузнец затрясся от смеха, засунул руку за жиденький сыромятный ремешок Ивана и хотел его встряхнуть, но ремешок лопнул и Иван, схватившись за штаны, запрыгал как петух.

— Отдавай теперь свой ремень, зараза прокопченная, не то... — Он потянулся одной рукой к гире, но Морочканич перехватил ее.

— Не лапай, это вещь казенная, не для того сюда поставленная, — и, собрав все гири, спрятал их под прилавок.

Тогда Иван схватил с настольных весов алюминиевую тарелку, запустил ею в кузнеца, но промахнулся и попал в грудь Морозенко.

Тот отодвинул кузнеца и, протянув свою лапину, взял за грудь тщедушного, на голову ниже себя, Ивана.

— Да я ж не тебя хотел, Василь.

— А я тебя бить и не собираюсь, я только так — чтоб ты успокоился, — сказал Морозенко, и так затряс охмелевшего мужичонку, что тот заверещал:

— Караул! Убивают!

Газды заревели от восторга:

— Ты в ухо ему, Иван, в ухо!

— Крутани Морозенку, чтобы он с копыт слетел!

Гурьяну это не понравилось, он хлопнул Морозенко по плечу и сказал:

— Брось, Василь. Нашел кого. Да он уж посинел.

— А это не твое, это наше колхозное дело, — пошутил Морозенко и, отпустив Ивана, добавил: — Это тебя, Гурьян, стоило бы потрясти. Да тебе не привыкать сухим из воды выходить.

— Ну вот, так и знал. За мое добро... Вы себе здесь морды расквасите, а я буду виноват, — попробовал искать у мужиков поддержки Гурьян.

В магазин вошел Любомир.

— Что это у вас тут, газды? Сейчас такое важное собрание, а будто перепились все?

Илья объяснил:

— У нас, Любомир, разговор как раз за колхоз зашел. Ну, и... переругались маленько. Один — то, другой — это, а третий, — он посмотрел на всхлипывающего Ивана, — и совсем уже собрался колхозникам ребра ломать.

— Пустое. Пошумели, как водится. Важнеее дело решается. Может, и обиделся кто на кого. Ничего, это по-свойски. Ведь вместе жить. Тюкнули, конечно, чуточку. Хочешь, Любомир? Налей-ка, Морочканич, демобилизованному защитнику нашему, соседу моему, — распорядился Гурьян.

— Нет, не буду, — отказался Любомир и повернулся к Ивану: — Так вы и вправду собираетесь колхозникам ребра ломать, дядько Иван?

— А твое какое дело? — огрызнулся гот, — может, защищать будешь?

— А, скажем, я в колхоз вступлю — ты мне ребра ломать прийдешь?

Иван часто заморгал, удивленно уставился на Любомира, потом шмыгнул носом и, поддерживая штаны, выскочил из магазина.

— Скоро без штанов ходить будем, а все против. — Любомир покачал головой.

— Ты никак в колхозники собираешься, Любомир? — спросил лесник.

— Обязательно! — Любомир купил пачку сигарет и неторопливо пошел к выходу. Проводив его взглядами, мужики, как сговорившись, потянулись вслед за ним на улицу.

Мигляй уже вышел на крыльцо сельсовета и, распахнув дверь, позвал:

— Входите.

Копыла поспешно скрылся в магазине, где его поджидал Гурьян.

— Ну как, получилось? — спросил Копыла.

— Во! С присыпкой! — поспешил заверить крамарь и показал большой палец.

— Не тебя спрашиваю, — раздраженно осадил его кулак. — Тебя, Гурьян. Деньги-то недаром выбросил?

— После собрания увидим. Только мерещится мне, что без Подковы дело не пойдет.

— Ну, ладно, мы им такой колхоз сегодня покажем — долго помнить будут. Вместе с Подковой и с ребятами Юзеф придет... Он уж поговорить умеет. Оно, конечно, действие-то лучше, но и слово иногда свое влияние оказывает. Ну, ты что ж — иди с крамарем, послушайте. А я так перед самым приходом ребяток заявлюсь. — Копыла перекрестился на угол, где висели хомуты, и вышел из магазина. Проходя мимо сельсовета, где уже началось собрание, немного умерил шаг, прислушался, о чем говорят, сплюнул и пошел дальше. Его окликнул священник.

— Зайди-ка.

Копыла вошел в сад.

— Хотелось мне, хотелось на собрании этом без-

нравственном побывать, — сказал отец Силантий, — так и подмывало явиться на сходку, но сан мой не позволяет.

— Митингуют, — сказал Копыла, — чтоб их, сволочей, на том свете так мордовали, как они мордуются сейчас!

— Не богохульничай, а запасись терпением да поменьше злость свою людям показывай. Посмотри на себя — будто подменили: волком смотришь вокруг. Терпение, только терпение — вот истинный путь добropорядочного христианина.

— Терпение! Если бы у вас на глазах таяло годами скопленное добро, вы тоже взвыли бы по-волчьи.

— Молиться надо! — перебил его священник. — Христос терпел и нам велел. Дьявол-искуситель вселился в душу мирскую — вот печаль, которую не только молитвами, но и каленым железом нужно выжигать.

— Каленым железом? Это верно, — согласился Копыла.

— Ты запомни, Иннокентий Назарович, — продолжал священник, — колхозная зараза живуча и заразительна, как черная оспа. Ее не остановишь силами повстанцев. Но мы должны приложить все силы к тому, чтобы мешать всякой советизации нашего края. Знаю, тяжело и жалко тебе видеть разрушение трудов своих, но, их лишаясь, ты приобретешь навыки, так необходимые в нашем испытании всевышним. Если тебе предложат записаться в колхоз — иди не задумываясь. Червь, точащий плод, всегда забирается во внутрь его. Последуй и ты мудрости его деяний. Не гнушайся моим сравнением — червь тоже божья тварь, и все мы черви на сим свете.

— Не запишут меня в колхоз, — возразил Копыла. — Да и не пойду я в колхоз их, — вдруг вспыхнул он, — лучше своими руками все спалю, чем отдам свое добро!

— Тише, дурак! Прости меня, господи. Чего ты кричишь? В том, что тебя запишут в колхоз, я тоже сомневаюсь, но если господь изъявит такую волю, нужно покориться его предначертанию. Понял?

— Угу, — после некоторого раздумья мрачно согласился Копыла.

— То-то же, раб божий Иннокентий. Иди же, и поторопи Подкову. Я благословляю их. От них зависит, на какое время мы сможем сдержать коллективизацию.

— Скажи, отче, а сможем мы помешать организации колхоза в селе? — спросил Копыла.

— Да, мы сможем помешать организации колхоза, но не воспрепятствовать ей. В какой степени мы сможем помочь — это зависит от нас и от нашего усердия. Мы должны внушать страх неразумным грешникам, идущим за Советами. И уже не божье слово может образумить их, и не душеспасительная молитва, а кровь и смерть — вот единственное средство искупления вины перед всевышним.

— Я тоже так думаю. Только кровь и смерть! — прохрипел Копыла и поднялся на ноги. — Пойду я. Уже темнеет — хлопцы должны скоро прийти. Благослови меня, отче.

НЕ ВСЕ ПРОХОДИТ БЕЗНАКАЗАННО

Вместе со скатившимися с гор сумерками в село нагрянула банда Подковы. В условленном месте их встретил крамарь Морочканич. Озираясь по сторонам, он сообщил, что в селе спокойно и собрание в полном разгаре.

— Начинайте с Оксаны Гайдашевой. Она так заливалась, у меня аж в глазах потемнело.

— Ладно, топай. И смотри в оба, чтоб к сельсовету военные не подошли. Проглядишь — повешу, — пообещал Подкова.

Бандиты двинулись к сельсовету. Все смолки, когда в дверях показались Подкова, за ним Юзеф и три бандита с автоматами наготове. Подкова протиснулся вперед, окинул взглядом сидевших за столом людей и жестом приказал очистить сцену. Подталкивая друг друга, с нее торопливо сошли Миглай, Ильченко, Сидор Назарчук и Поярко. Оксану Подкова схватил за руку.

— Нет, уж ты задержись, голуба, не торопись, Расскажи-ка еще разок, о чем здесь толковала. Нам тоже интересно послушать.

Кивнув в сторону зала, девушка выдернула руку и звонко ответила:

— Если они захотят слушать меня еще, я не заставлю себя дважды просить. Что вас интересует? — вызываясь спросила она.

— Нас все интересует. Только говори не так, как говорила до нашего прихода. Твои глупости насчет колхоза нам не нужны. Ты расскажи, как там большевики мордуют людей. По-хорошему говорю. Ну?

Оксана с минуту стояла молча. Она понимала, что значит угроза бандитов, но присутствие сельчан, безмолвно и сочувственно глядевших на нее, придали ей силу и стойкость, каких она сама в себе до сих пор не ведала.

— А ну, отойди! — вдруг крикнула она. — Храбрыцы вы оружием баб пугать.

Подкова рванул девушку к себе и, схватив ее за волосы, прохрипел:

— Ах, ты!.. Мало что ты тут большевистской агитацией занимаешься, так еще нас позоришь! Да я тебе сейчас голову отверну, задом наперед поставлю!

Видя, что Подкова нарушает указания Ореста о том, как надо «работать» с населением, Юзеф подскочил к нему.

— Брось! На кой черт она тебе сдалась! Мы еще успеем поговорить с ней.

— Уйди! — взвизгнул Подкова. — Я ей покажу, как оскорблять нас и агитировать за колхозы!

— Пойми, народ здесь.

— Народ? Вон пусть все сельчане посмотрят, что мы будем делать с теми, кто пойдет в колхоз. Карантай!

Юзеф отошел. Он злился, что Подкова срывает его заранее подготовленную речь. Вот уж малограмотное было это Подкова! Какое тупоумие! И после такого он еще будет говорить о всеобщем народном восстании!

Карантай, оставленный вместе с Володькой Задорным у входа, отозвался на зов Подковы, вразвал-

ку приблизился к нему. Не дожидаясь его приказа, он взял Оксану за косу и притянул ее к стулу.

— Но, но, не вертуйся, а то и зашибить могу по причине тяжелой руки.

Прикрутив руки Оксаны к стулу веревкой, он достал из полевой сумки машинку для стрижки волос.

— Сейчас мы тебя, голуба, в монашки произведем, — оскалил зубы Подкова, — чтобы все видели, какой ты чести удостоилась от повстанцев.

По глазам сельчан было видно, что им искренне жалко Оксану, которая перед этим так горячо и душевно рассказала о своей поездке в Восточную Украину. Но они боятся автоматов и поэтому сидят молча.

Вдруг раздался крик:

— Не смейте! — И на сцену поднялась учительница. — Вы... вы... понимаете, что делаете? Вы как смеете?

Карантай опустил руку с машинкой.

— А тебя чего — тоже замуж не берут? Тоже в монашки решила постричься? Помогите ей, Юзеф! — воскликнул Подкова.

Юзеф взял учительницу под руку и, отведя в сторону, сказал:

— Что это вы, пани профессорка? Ведь вас Оксана не просила быть ее адвокатом.

— У вас еще хватает наглости смеяться!

— Успокойтесь, успокойтесь — это вредно для здоровья. Сентиментальность влияет на кровообращение — видите, как вы покраснели? Разрешите, я вас доведу до места. — Юзеф подвел учительницу к окну. — Вот так будет лучше. И что вам взбрело в голову вмешиваться в действия повстанцев? — переходя на доверительно тихий тон, спросил он. — Дело в том, что не каждый из партизан в состоянии дать оценку своим действиям. Если нами и допускается опрометчивость, она оправдывается той великой целью, которой мы посвятили свою жизнь. В большом нужно уметь прощать малое, вернее — не замечать его. Что станет, например, с этой амазонкой, если ее лишат волос? Ничего особенного. Только другие, не в меру

горячие, как вы, например, извлекают из этого поучительного примера урок послушания и покорности.

— Вы так думаете? Да отпустите, наконец, мою руку! — окрепшим голосом произнесла Ольга Ивановна.

— Напрасно вы так нелюбезны со мной. Только благодаря мне вы так легко отделались. Здесь уж я говорю от всего сердца.

— Благодарю вас, оставьте меня. Мне с вами не о чем говорить.

Воспользовавшись сговорчивостью Задорожного, оставшегося у выхода, газды поспешили покинуть клуб. Только когда Подкова закричал на Володьку, он загородил выход.

Карантай дважды накрест провел машинкой по густоволосой голове Оксаны, насмешливо глянул на ее обезображенную голову и заявил:

— Теперь сразу будет видно, что колхозница. — И, распутав веревки, добавил: — Топай, топай, красавица!

Оксана, в отчаянии обхватив голову руками, бросилась с подмостков.

Радичане поспешно расступились, но Ольга Ивановна остановила Оксану.

— Не уходи. Стыдиться тебе нечего.

Она провела Оксану к окну, сдернула со своих плеч шелковую косынку и набросила ее на голову девушки.

— Не плачь, родная! Разве не видишь ты, что твои слезы приносят им радость.

Юзеф передернулся и сорвал с головы Оксаны косынку.

— Однако вы обнаглели, мадемуазель. Добрые слова увещевания, очевидно, до вас не доходят. Поберегитесь!

Оксана, уткнувшись головой в грудь Ольги Ивановны, забилась в рыданиях.

— Изверг! — крикнула Юзефу Ольга Ивановна и, обняв Оксану, направилась к выходу.

— Постой! — рявкнул Юзеф. — Думаешь так легко отделаться от меня?

— Что вам еще нужно? Может, хотите померяться со мной силой, не надо, — я физически слабее вас!

— А ну-ка, хлопцы, выведите профессорку на свежий воздух.

Внезапно перед Юзефом появился Любомир, которого до этого пытался удержать на месте Морозенко. Такого же роста, как и Юзеф, пошире его, — он возник настолько неожиданно, что Юзеф словно языка лишился. Военная форма перепугала его, и он, выбросив руки вперед, замычал:

— Что?.. Я... я...

Карантай попятился назад. Подкова скрылся за выступом стены. Владимир, увидев брата возле Юзефа и суматоху среди бандитов, закричал:

— Любомир, брось! Слышишь?

— Вы что, мерзавцы, над девушками глумитесь?! — не обращая внимания на крик брата, спросил Любомир.

— А-а, так это доблестный воин при всем своем величии? — спросил, придя в себя, Юзеф. — Ну-ка, сними побрякушки по хорошему. — И его волосатая рука потянулась к медалям сержанта.

— Не трожь, — сурово сказал Любомир и, отведя его руку, вскочил на подмости. — Товарищи! Как же так получается? Собрались мы с вами, чтобы обсудить наши кровные дела, решить, как же нам дальше жить, а сюда пришли какие-то и глумятся над нами... Что вам нужно от нас? — повернувшись к Подкове, спросил он. — Кто вам дал право издеваться над людьми? Я спрашиваю вас от имени всего села.

Переглянувшись с Юзефом, Подкова ухмыльнулся:

— Пардон, мусье. Я что-то не пойму. От имени кого вы спрашиваете меня?

— От имени всех присутствующих!

— Ага! От имени всех присутствующих, — протянул Подкова. — Хорошо. Вы в этом уверены? Сейчас проверим. — Он шагнул на край подмостков. — Кто уполномочивал этого дурака говорить от их имени, прошу поднять руку!

Все молчали.

— Так что вы ошиблись, мусье. Как видите, вас никто не уполномочивал. А теперь катись по-хорошему и впредь не смей носа совать в наши дела! Люблю смелых и поэтому прощаю на первый раз.

К Любомиру подошел Юзеф. Склонив набок голову и раскачиваясь, он сказал:

— А побрякушки эти все-таки придется снять.

Его рука снова потянулась к наградам Задорожного, но короткий и резкий удар швырнул Юзефа на пол. Он затеребил кобуру и выхватил пистолет. Любомир рванулся к нему, ударом сапога выбил из рук оружие и тут же подхватил его. Мгновение, и сержант уже очутился на подоконнике открытого окна. Только теперь Подкова бросился на помощь Юзефу, но Любомир выстрелил и выпрыгнул на улицу.

Подкова зацепился за стул и свалился возле Юзефа. При падении он сильно ударился о ствол автомата лицом: лиловой тучей навис над глазом синяк. Он вскочил и увидел, что плечо Юзефа залито кровью.

Радичане протискивались к двери.

— Стойте, стрелять буду!! — заорал Подкова.

Газды, прячась за спины друг друга, остановились. Подкова сказал:

— Смотрите мне, о колхозе перестаньте и думать! Колхоза не будет — это я сказал. Ясно? А сейчас — дуйте по домам!

Толпа снова рванулась к выходу.

ЧТО ПРОИЗОШЛО В ШКОЛЕ

Любомир укрылся на склоне Магуры. Возвращаться домой было нельзя. Как известить мать? Кого попросить? Первой пришла на ум Ольга Ивановна.

Поздним вечером Любомир спустился в село и пошел к школе малохоженой тропинкой, извивающейся по окраине Радинского. Когда до школы оставалось не более ста метров, чуткое ухо Любомира поймало шорох крадущегося где-то позади человека. Любомир притаился за кустарником. Вскоре он услышал тяжелое сопение человека. Тот мелькнул неясной

генью и растаял в темноте. Задорожный не мог, конечно, знать, что это сын священника.

Когда шаги неизвестного затихли, Любомир двинулся дальше. Перемахнув через невысокий школьный забор, он всмотрелся в темноту и, убедившись, что все спокойно, стал заглядывать в окна, ища комнату учительницы. В одном из окон Любомир увидел белую кружевную занавеску и тихонько постучал. Занавеска приподнялась и опустилась. Через минуту он услышал тихий зов с крыльца:

— Заходите же скорей!

Он перешагнул порог. Ольга Ивановна протянула руку.

— Держитесь и идите за мной.

Любомир ощутил в своей ладони маленькую руку девушки. Уже очутившись в комнате, он почувствовал, с какой силой сжал руку Ольги, и, бормоча извинения, поспешил выпустить ее.

— Вы не удивились, что я пришел?

— Ничуть. Признаться, я беспокоилась за вас.

— Спасибо. Я хочу попросить... меня беспокоит мать.

— Да, да, — перебила его Ольга. — Я понимаю. Мне так хотелось самой побежать к ней, успокоить ее. То, что вы совершили...

— Что вы!

Ольга Ивановна начала надевать пальто.

— Нет, нет! Только не сейчас, — забеспокоился Любомир, — лучше утром. Опасно. Послушайтесь моего совета.

— Но ведь ваша мать не спит, беспокоится... Скажите, что вы собираетесь делать дальше?

Любомир уже твердо знал, как ему поступать. Он увидел за эти дни, что озлобленные на бандитов газды стали забывать о веками затверженной истине «моя хата с краю». Даже люди, забитые темнотой и нищетой, поначалу обманутые оуновцами, начали понимать истинную их цель. Во многих других деревнях создавались отряды по борьбе с бандитами, члены которых именовались «ястребками». Необходим был толчок, который убедил бы и радичан в невозможности терпеть бесчинства оуновцев. Такой толчок сего-

дня был дан. Любомир решил утром отправиться в районный центр, связаться с органами безопасности, попросить для молодежи оружие. В пистолете, который он выхватил у бандита, был только один патрон.

Он ответил Ольге:

— Я бывший солдат и в армии усвоил, что лучший способ защиты — нападение.

— Тогда я очень прошу вас, Любомир, не забывать меня. Чем только можно — я помогу. Я не хочу, чтобы дети, которых я учу, росли в страхе.

— Хорошо. Первая моя просьба — останьтесь до утра, не ходите к моей маме.

Она молча скинула косынку и пальто.

— Вот замечательно. Разрешите? — Он опустился на стул.

— Да, да. Отдохните немного.

— Нет, — смутился он, — я пойду. Я не подумал...

Любомир сорвался со стула. В коридоре он наткнулся на парту. Ольга шла за ним и засмеялась, когда он ударился.

— Поделом вам. Не убегайте так быстро.

Они остановились на крыльце.

Где-то совсем близко тянул свою песню неугомонный сверчок. На его призывные звуки отвечал второй, где-то дальше — третий, и бесконечное множество голосов без усталости вторило лихому запевале. Снизу доносился слабый плеск речушки.

— А ведь мы с вами даже не познакомились как следует, — сказала Ольга.

— Меня зовут Любомиром, вы же знаете.

— А вы называйте меня Олей, хорошо?

— Хорошо.

— Куда вы сейчас пойдете?

— Прoberусь в райцентр. Не бойтесь, меня никто не обнаружит в пути. Я ведь был и разведчиком.

Они попрощались. Ольга постояла на крыльце, потом вошла в комнату, оделась и направилась к дому Задорожных.

Любомир, добравшись до районного центра, зашел в военкомат, оттуда к майору Егоренко. Тот встретил

Любомира сухо и неприветливо. Задорожный сбивчиво поведал, что с ним приключилось, но стоило ему только занкнуться об оружии и сказать о брате, как майор перестал его слушать.

Любомир ушел. Он понял, что ему не доверяют.

Он завернул на почту, позвонил председателю сельсовета Ильченко, попросил передать матери, что он жив и здоров, съездил на попутной машине к тетке, в Острожье, побыл у нее и вернулся в Радинское, решив в первую очередь зайти к Ольге.

ЮЗЕФ ЛЕЧИТ РАНУ

К большому огорчению Гурьяна, раненого Юзефа бандиты привели к нему в дом. Спрятав его в подполье, вырытом под печью, лесник лихорадочно выискивал повод, чтобы избавиться от опасного квартиранта. Особенно взволновался он, когда Юзеф потребовал привести фельдшерицу. Гурьян всячески пытался отговорить Юзефа, уверяя, что дочери сумеют сами вылечить его неопасную рану. Но тот уверял, что боль в руке усиливается, и настаивал.

Если Гурьян молил бога о скорейшем выздоровлении бандита, то Кася хотела, чтобы ее бесценный Юзеф пробыл у них как можно дольше. Тогда она сможет встречаться с ним не от случая к случаю, а ежедневно.

Покорившись требованиям Юзефа, Гурьян с наступлением темноты послал Касю в медпункт.

— Только, смотри мне, делай все, как я сказал, — учил он ее, — мол, пожалуйста, пани медичка, прошу вас прийти к больному отцу, и ни слова больше. А потом зайдешь до крамаря и возьмешь литр водки.

Юзеф выбрался из убежища и лег на кровать.

Через полчаса пришли Кася с Зиной, и Зина ошарашила Гурьяна вопросом:

— Где он?

— Кто? — удивился Гурьян.

— Юзеф, — в свою очередь удивилась фельдшерица.

— Ю-зе-еф, — протянул Гурьян. И его грозный взгляд нашел стоявшую за спиной фельдшерицы дочь

— Да она все знает, — сказала перетрусившая Кася.

— Что, все знает? Что она знает?! — взорвался Гурьян. — Пошла звонить по всему селу... Вы уж извините, пани медичка, непонятливую дуру. Наговорила вам черт знает чего. Он был, но ушел.

— Как ушел? — вскрикнула Кася.

— Ух, стерва взбалмошная! — еще сильнее заорал лесник. — Вон отсюда!

Кася бросилась за дверь.

— Не кричите. Я не подведу вас, — сказала Зина.

Гурьян заискивающе пояснил:

— Я знаю, вы хорошая, пани медичка, но знаете, время нынче такое — боязно довериться. — Перейдя на шепот, он продолжал: — Мы-то люди маленькие. Пришел человек с оружием, да еще ранен. Требуется, чтоб вас позвали, и все тут. Что мы можем возражать: маленькие мы люди. Вот и позвали вас. Проходите в комнату, проходите, пожалуйста. А кто он, и что он, нас это не интересует. Говорит, что Юзефом прозывается. Ну и пусть будет Юзеф. Нам-то какое дело.

Усадив фельдшерицу, он зашел в соседнюю комнату, где на кровати, погрузившись в мягкую перину, лежал Юзеф.

— Пришла пани медичка. Ты только предупреди ее, чтоб она ни гу-гу. И скажи, что попал ко мне случайно. Брехать, так уж в лад.

Остановившись на пороге, Зина окинула взглядом комнату. В ней было душно и мрачно. Небольшой каганец освещал бледное лицо улыбающегося Юзефа.

Приблизившись, Зина положила руку на лоб Юзефа и соболезнующе спросила:

— Как же это случилось?

— Прошу без вопросов. Делайте свое дело, — резко сказал Юзеф и незаметно кивнул на лесника. Зина поняла.

Осмотрев слегка воспаленную рану и не найдя ничего опасного, она потребовала горячей воды. Гурьян выбежал. Столкнувшись за дверью с Касей, дал ей ползатыльника:

— Какого черта отираешься? Иди за мной.

Оставшись без свидетелей, Зина нагнулась, поцеловала Юзефа в губы.

На другой день Зина, хотя это ей было категорически запрещено, снова появилась, да еще засветло, в усадьбе лесника.

Она много думала о своих отношениях с Юзефом, почувствовала, что полюбила его, и решила каким-нибудь образом вывести из банды и выйти за него замуж. А тут еще в газетах напечатали обращение правительства Украинской ССР к остаткам националистов. Им предлагали выйти из лесов и явиться с повинной, загладить честным трудом свою вину перед народом.

Зину встретила встревоженная Кася.

— Не беспокойся, я на минутку. Мне нужно пови-
дать его, — пыталась успокоить ее Зина.

— Сейчас же уходите! Всех хотите подвести?

Но Зина быстро прошла в комнату, где вчера лежал Юзеф. Там никого не оказалось.

— Где он?

Кася ухмыльнулась.

— Почему я знаю.

— Зачем ты говоришь неправду? Ты знаешь, — настойчиво продолжала Зина, — я принесла очень полезное лекарство.

— Оставьте его здесь! Я передам вечером, — предложила Кася.

— Какая ты непонятливая! Это внутривенное вливание, понимаешь? Нужно сделать укол. Ты же не сделаешь?

Кася заколебалась.

— Укол можно сделать и вечером...

Зина покопалась в своей сумке и вытащила несколько ампул.

— Вот они. Видишь? Их надо немедленно ввести в кровь Юзефа. Неужели ты хочешь, чтобы он умер?

Кася задумалась и нехотя сказала:

— Ладно уж...

Нагнувшись у печи, она вытащила деревянную заслонку, которая прикрывала широкий проем, куда хозяйки обычно складывают для сушки дрова, рогачи и разную кухонную утварь, просунулась туда и начала разгребать руками землю, складывая ее в ведро. Вскоре открылось небольшое квадратное отверстие. Просунув туда руку, можно было нащупать металлическое кольцо. Сквозь кольцо Кася пропустила вожжи, протянула оба конца через другое кольцо на верхнем своде печи и выползла наружу. Поплевав на руки, скомандовала:

— А ну, беритесь, пани медичка, мне самой не одолеть. Только смотрите, никому ни слова.

Однако их усилиям крышка не поддавалась. Кася открыла чугунную дверцу в печи, предназначенную для выборки сажи, и крикнула:

— Юзеф! Слышишь? Помоги, а то мы не можем вытащить ящик.

Вскоре, к удивлению Зинаиды, что-то непомерно тяжелое начало поддаваться. Тянули до тех пор, пока не показался в подпечье полуметровый в высоту ящик с землей. Покачиваясь, он подтянулся к печному своду и застыл, закрепленный вожжами. Через некоторое время из люка показалась взлохмаченная голова Юзефа. Хмурясь от яркого света, Юзеф раздраженно осведомился:

— Ты зачем пришла? Другого времени нет? — И смягчился. — Или случилось что, Зина?

— Лечить ей тебя загорелось, — язвительно встала Кася.

— Да... принесла лекарство, — пролепетала Зина и ревниво оглянулась на Касю.

В дверь постучали. Юзеф скрылся. Кася бросилась загораживать подпечье. Торопливо отвязав вожжи, она опустила ящик с землей, установила деревянную заслонку, приказала Зине:

— Идите же скорей к столу, чего остолбенели?!

Стук повторился, и Кася, не дожидаясь, когда Зина придет в себя, бросилась в сени.

На пороге появился Гурьян.

— Напрасно вы, пани медичка, приходите к нам в дом. Ох, напрасно. К добру это не приведет. Не жа-

леете вы свою голову, да и за наши забываете. Вечером, по холодку — всегда рады вас видеть.

— Я пришла со стороны леса, меня никто не видел, — оправдалась Зина.

— Э-эх, пани медичка, пани медичка, никто вас не видел, — укоризненно покачал головой лесник. — Людской взгляд что нож острый — и не увидишь, как он пронизет тебя, от него разве скроешься... Так вы Юзефа пришли проведать?

— Я здесь кое-какие медикаменты достала, — показывая ампулы, виновато пояснила Зина. — Они очень нужны больному.

— Вам виднее, что ему нужно. Ну что ж, раз принесли, оставьте, а вечером дадим раненому, — смягчился Гурьян и, подойдя к столу, опустился на табуретку.

— Зачем же вечером? — удивилась Зина. — Раз уж я пришла, можно и сейчас. Мы ведь только что говорили с Юзефом. Он ведь там, внизу...

Лесник побелел. Потом стал краснеть. Кровь волной посунулась от напряженной шеи, залила сначала подбородок и выпиравшие скулы, потом сухие щеки и, наконец, морщинистый нахмуренный лоб. Страшный, похожий на разъяренного быка, он медленно поворачивал голову к онемевшей от ужаса дочери.

— Вы не удивляйтесь, — стала успокаивать его Зина, — о схороне мне сказал Юзеф.

Гурьян с недоверием переспросил:

— Юзеф?

— Да.

Гурьян прохрипел:

— Ну, что ж, теперь вы знаете все... Смотрите, пани медичка, не вздумайте шутить!

— Меня не касается, чем вы занимаетесь, и можете быть уверены, дальше этих стен ваша тайна не уйдет, — заверила Зина. — Откройте люк.

Гурьян покорно подошел к печи. Через минуту снова появилось хмурое лицо Юзефа. Он сказал Зине:

— Спускайтесь в мои хоромы. Согласны? Это совершенно безопасно.

Не раздумывая, Зина согласилась.

Убежище представляло собой яму — в три метра длины и два ширины. Часть стен была обшита тесом. У стены стояла сбитая из досок узкая лежанка, покрытая одеялом. В углу притулилось ведро, прикрытое истлевшей ветошью. У изголовья лежанки — другое, с прицепленной за ушко жестяной кружкой. Все это слабо освещалось керосиновой лампой, висевшей на гвозде у отдушины.

Вновь опущенный ящик с землей прервал связь с внешним миром. Но не знали Юзеф и Зина, что все, что произошло между ними, каждое их слово, а Зина, как и решила, стала уговаривать Юзефа бросить банду и выйти с повинной, — все было подслушано ревнивой дочерью Гурьяна. Она искусила себе губы и дала клятву отомстить.

Кася знала, что Карантай должен зайти за Юзефом, и они вместе куда-то уйдут. «Тогда эта стерва останется одна, и я с ней расправлюсь», — решила Кася.

Планам ее, однако, не было суждено сбыться. Вместе с Карантаем явились еще несколько бандитов, и когда Юзеф и Карантай с Гараськой ушли, двое хлопцев остались в доме Гурьяна, устроились возле печки и просидели так до возвращения Юзефа.

СНОВА В ШКОЛЕ

Вечером прошел дождь, и Ольга подумала, что дети, каждый вечер прибегавшие к ней учить уроки, порисовать, попеть — она учила их советским песням, — послушать новую книжку, сегодня уже не придут.

Ольга стояла у окна и машинально то стягивала с плеч, то снова набрасывала на них платок. Она вспоминала Любомира. За окном дрожала мгlistая пелена дождя. Ночь проникла в комнату, заполнила углы, окутала шкаф, узенькую кровать, тумбочку, небольшой стол и, достигнув печки, долго топталась на одном месте, не в силах поглотить белизну стен. Потом темнота поползла дальше, прихватив на пути стулья, туалетный столик из двух чемоданов, книжную полку,

прибитую над ними, забралась на подоконник, на котором ровными стопками высились ученические тетради, и выплеснулась через окно на улицу.

Мимо окна прошмыгнули ребятишки. Ольга заспешила к двери.

— Добрый вечер, Ольга Ивановна... Нас не пускали... Но мы все равно убежали к вам... — зачастили наперебой дети.

— Да вы проходите, проходите скорей, — подталкивала их Ольга. — Я уж думала... А вы вон какие молодцы у меня!

Сбросив у входа грязную обувь, побросав на стул мокрые плахты, ребятишки вошли в комнату. Ольга засветила лампу, задернула занавески, спросила:

— Кто у нас сегодня дежурный по чаю?

Едва ли не большую половину своей зарплаты она тратила на вечерние чаепития с детьми. Чай кипятили в большом, военного образца, котелке. А к чаю подавались невиданные в этих краях сладости, которые Ольге Ивановне посылали по ее просьбе институтские подруги из больших городов.

— Марыська. Она не пришла...

Широколобий, в отца, Митька Морозенко опустил вниз свои большие глаза.

— Отца ее лесовики... шомполами.

— И корову увели. Хорошо, хоть сам живой, болеет только, — бойко подхватила Ганка, дочь кузнеца Ильи.

— Когда же это случилось?

— Перед вечером. Пришли в хату Карантай и Гарасько. «Давай корову», говорят. А Марысин батко: «Не дам». Так они давай его бить. Шомполами били... Марыся плачет, — взволнованно пояснила девочка. В ее широко открытых глазах выступили слезы.

Ольга задумчиво глядела в темное окно.

— Фельдшерица приходила?

— Нет. Ее уже второй день нет в селе.

— Председатель и в район звонил, там тоже сказали, нет, — ответил Митька.

— Странно. Где она может быть? — недоуменно прошептала Ольга. — Придется мне сходить к Марысе. Вы же пришли стенгазету выпускать, возьмите бу-

магу, цветные карандаши, линейку и начинайте работать.

Она достала карандаши, лист чистой бумаги, пачку с перьями, поставила на стол чернильницу.

В коридоре послышались чьи-то шаги. Ольга насторожилась. Распахнулась дверь, вошел Юзеф с перьевязанной рукой, с автоматом за плечом.

— Что вам здесь нужно? — не скрывая своей враждебности, спросила Ольга.

— О, я вижу, жрица храма науки не очень ждала меня? Но, я думаю, вы воспитанная девица и не позволите промокшему и не вполне здоровому гостю ждать на улице, пока его друзья не выяснят: нет ли в вашем доме некоего молодого человека...

Юзеф прошелся по комнате, угрюмо поглядывая на испуганных детей.

— Слава Иисусу! — сказал он. — Ну... Забыли, что ли?

— На вики слава, — пробормотал кто-то. Остальные молчали.

— А ну, марш отсюда!

— Мы газету пришли делать, — пробурчал Митька.

— Я два раза повторять не буду!

Дети сбились стайкой вокруг Ольги.

Юзеф огляделся. Увидя портреты на стене, скрикнул:

— Почему портрета Тараса Шевченко нет?

— Он вам уже затылок просверлил своим взглядом, — презрительно сказала Ольга.

Юзеф обернулся. Сурово сдвинутые брови поэта. Проницательный взгляд мыслителя. Казалось, сейчас зашевелиятся его свисающие усы, и он спросит: «Ты зачем сюда пришел, негодяй? Геть звидцы!»

В залепленных грязью сапогах, в плаще, с которого стекала вода, вломился Карантай, кабаньими глазами забегал по комнате:

— Файно живе пани профессорка. Ты кого это рассматриваешь, Юзеф? Кто это? Почему он в такой шапке? Напаялил на себя черт знает что.

— Это Шевченко, тупица, — презрительно сказал Юзеф.

— А-а-а, — промычал Карантай.

— Все обыскали? Выведи детей, пусть побудут где-нибудь в классе. Да смотри, чтоб не смылись.

— Оставьте детей в покое! — Ольга положила руку на плечо Мите Морозенко.

— Ты со своим уставом в другой монастырь иди, — ухмыльнулся Карантай.

Оттолкнув руку Карантая, Ольга резко сказала:

— Не смейте! Слышите? Я не позволю трогать детей!

Карантай снова ухмыльнулся, а затем злобно сверкнул глазами и закричал:

— Ах, ты... Не позволю! Да я тебя в один миг успокою! Марш отсюда, щенята!

Дети нехотя двинулись к двери, Карантай подталкивал их в спину.

— Будет ли конец этому? — невольно вслух произнесла Ольга.

— Вам я могу его предсказать, — заявил Юзеф, — если вы не скажете, где прячется ваш непрощенный защитник. Ну?

— Не знаю. Но думаю, что он скоро вас найдет сам.

Юзеф смотрел на ее пылающее лицо, на тонкие слабые руки. «Она же знает, что мне ничего не стоит разрядить в нее автомат. Делает вид, что не боится. Или в самом деле не боится?» Появилось желание сделать ей больно, хоть чем-нибудь унижить. Он подступил к ней вплотную и взял рукой за подбородок:

— Послушай, цыпочка...

— Не трогайте меня!

— Карантай! — позвал Юзеф.

В комнату ввалился Карантай.

— Всыпь ей как следует. Шомполов десять достаточно, чтобы жива осталась. Я тебе сейчас Гераська на подмогу пришлю.

Юзеф вышел.

Карантай схватил ее за руку и притянул к себе. Она начала вырываться и кричать:

— Помогите! Помогите-е-е!

Карантай заломил ей руки за спину и зажал рот. Ольга вцепилась зубами в его руку. Он охнул и уда-

рил ее кулаком по голове. Теряя сознание, Ольга услышала какой-то грохот и звон стекла.

Очнувшись от прикосновения чьей-то руки, Ольга увидела Ганку.

— Вставайте, Ольга Ивановна. Они ушли. Испугались и побежали к речке. Это все Митька, как даст табуреткой по окну, стекла вдребезги.

Ольга приподнялась.

— Милые вы мои...

Она привела себя в порядок и отпустила детей.

Что делать? Где Любомир? Вдруг они обнаружили его, схватили... Что было бы с ней, если бы не находчивость Митьки Морозенко?..

Хлопнула дверь. Послышались торопливые мужские шаги. В комнату вбежал Любомир.

— Оля!

— Любомир... Жив...

Она протянула к нему руки и не в силах больше сдерживаться, всхлипнула.

Они долго говорили. О жизни, о будущем, о том, что им делать, как объединить усилия молодежи села в борьбе с бандитами. Любомир рассказал о разговоре с майором Егоренко.

— Не доверяет он мне, Оля, — с досадой и обидой сказал Любомир.

— Там ведь есть и другие. А в райкоме ты был? Нет? Надо было пойти. Подожди... Я, кажется, знаю, с кем поговорить... Да, Любомир, чуть не забыла. Приходила твоя мать, просила передать, когда ты появишься, что тебя искал брат, хочет встретиться, поговорить. Он будет ждать тебя завтра на горе Магуре, в каком-то месте, где вы пастушили с ним маленькими.

— А-а, знаю... Чего он хочет, непутевый?.. Или про обращение правительства узнал?

Братья встретились. Присели на влажную поблекшую траву. Любомир закурил и стал ждать. Но Володька тоже не торопился. Наконец, не поворачивая головы, сказал:

— Тебе, Любомир, надо из села уехать. Ты попадешь к ним в руки.

— Не к ним, а к вам.

Володька пробормотал:

— Говори, как хочешь. Я за тебя беспокоюсь. Они убить тебя решили. А кто тебя защитит? Любой продаст с потрохами.

— Если бы я не верил людям, не остался бы здесь ни на один час. Понял? — сказал Любомир. — Это ваше несчастье — вы не верите людям, они — вам. Вы — чужие. Поэтому вы хотите страхом внушить то, что не можете словами. Убить безоружного газду, оскорбить девушку, ограбить нищего, вот и все, что вы можете. Вояки! Знаешь, Володька, выходи с повинной. Говорю тебе в последний раз. Власти обращение выпустили к вам, простят тебе твои заблуждения. Как человек будешь жить. А может, и в самом деле человеком станешь.

Володька усмехнулся.

— Думаешь, я поверю в это обращение? Это ловушка для дураков. На такую приманку я не клюну.

— Тогда слушай: если на твою совесть ляжет хоть одна человеческая жизнь, то я тебе сам буду судья. Сам и свой приговор исполню. Но жить убийцей ты не будешь. Кстати, дай-ка мне несколько патронов, а то пистолет есть, а патрон один.

Порывшись в кармане, Володька протянул ему десяток патронов и озабоченно спросил:

— Обоймы у тебя ведь тоже нет? Я матери передам. Возьмешь, ладно?.. Ты у учительки на чердаке живешь? Кто-то выследил тебя и сообщил нашим.

— Кто?

— Не знаю.

— Врешь! Кто у вас в селе есть?

— Есть. Не один есть. А кто, не скажу.

— Ну и не надо. Все равно их тоже переловят.

— О себе подумай.

— Это ты о себе подумай. И о матери.

Любомир встал и медленно пошел в темноту. Володька достал щепотку самосада, оторвал листок газетной бумаги, стал сворачивать сигарку. Бумажка порвалась, и самосад высыпался на землю. Володька сплюнул. На душе у него было пусто. Раньше он обращался с вопросами к Подкове или Юзефу. Но по-

степенно ответы перестали удовлетворять его. Почему у них так мало друзей? Да и кто они — поп, Копыла, Гурьян? Володька вспомнил, как лесник однажды избил его за крынку молока... Мигляй и Морочканич продажные шкуры. Что делать, как быть?..

Любомир не мог больше прятаться на чердаке. Он прошелся по селу, поговорил с парнями, стал убеждать их, что надо сбиться в отряд «ястребков» и защищать сельчан.

— А оружие? — спросили его.

— Надо достать. Я постараюсь достать.

Он посидел дома, потолковал с матерью, успокоил ее и пошел к Ольге.

Она встретила его, сияя радостной улыбкой.

— Наконец-то. Я уже хотела идти разыскивать тебя. У меня гости. Иди, иди, не удивляйся.

В комнате сидели за столом два вооруженных офицера. Один из них поднялся навстречу Любомиру.

— Старший лейтенант Лукашов.

На полголовы выше Любомира, в аккуратной подогнанной форме, он сразу же расположил к себе. Дружески опустив руку на плечо Любомира, Лукашов сказал:

— О вас уже в селе легенды складываются. В каком доме сегодня ни были — только о вас и разговор. Очень рад познакомиться.

Протянув руку лейтенанту Башкатову, Любомир, смущенный похвалой, опустился на стул.

— А теперь расскажите нам все, с того дня, как вернулись в село, — попросил Лукашов.

Любомир начал с первой встречи с бандитами у Сухого потока. Чувствуя внимание офицеров, он говорил обстоятельно, не сбиваясь. Затем ответил на другие вопросы и умолк.

— Да-а, — протянул Лукашов, — судя по всему, ваш брат не пропащий человек.

— Я все-таки родня ему, — осторожно сказал Любомир, — и мне трудно сказать определенно. Я боюсь ошибиться. У него своя голова на плечах, а все, что я ему говорил, не подействовало.

Лукашов досадливо поморщился.

— Как мы все боимся ошибок. И из-за этого часто делаем их еще больше. Не надо бояться, когда решается судьба человека, тем более близкого. Понятна ваша осторожность, может быть, на вашем месте я поступал бы так же. Но представьте себя на минуту совершенно посторонним ему человеком. Как бы вы подумали, может еще Владимир стать полезным обществу человеком? Или нет?

— Тем более, что насколько мне известно, — вставил свое слово Башкатов, — ведет он себя для бандита довольно... Он никого не убил, не ограбил...

— Пожалуй, сможет, — сказал Любомир.

— Я тоже так думаю, — повторила Ольга.

— Давайте вместе попытаемся что-нибудь сделать для него, поможем разобраться в происходящем, — предложил Лукашов.

— Как? — Любомир оживился.

— Вы нам верите? — неожиданно спросил Лукашов.

Любомир вспомнил свою встречу с Егоренко.

— Я-то верю, но... Майор мне не поверил. Я просил помощи, оружия, а он...

— Он вас видел впервые. Почему он должен был вам поверить? А вдруг оружие попадет к бандитам? А у нас уже есть основание доверять вам. Создавайте отряд, мы поможем. И оружием, и всем другим. В первую очередь разужайте, кто в Радинском является пособником бандитов. Второе — разужайте, не появлялся ли в селе посторонний человек. И третье — помогите нам встретиться с Владимиром. Мы только поговорим с ним, а там пусть уходит.

— Но... Может, просто схватить его?

— Нет, — возразил Лукашов. — Все должно быть основано на доверии. Карантая или Подкову мы бы не отпустили, а брату вашему дадим возможность решать самому.

— Но он побоится встречи с вами.

— Не надо говорить ему о нас, — сказал Башкатов.

Более двух часов беседовали офицеры с Любомиром. Договорились, что он немедленно приступит к

созданию группы добровольцев по борьбе с бандитами. Заботу обеспечения оружием Башкатов взял на себя.

— Пока суть да дело, возьми-ка, Любомир, этот, — и он протянул ему свой автомат.

Приняв подарок обеими руками, Любомир взволнованно сказал:

— Я оправдаю ваше доверие. Спасибо, дорогие товарищи. Боюсь только, что на первых порах группа будет малочисленной. Понимаете, люди напуганы, не доверяют друг другу.

— Ничего, — подбодрил Лукашов. — Вы и не гонитесь за численностью. Подберите сначала человек пять-шесть, а там видно будет.

Уточнив некоторые детали следующей встречи, офицеры простились с Любомиром и Ольгой.

ОПАСНОЕ СВИДАНИЕ

Известие о создании в Радинском отряда «ястребков» необычайно оживленно обсуждалось в селе. Забеспокоились и пособники оуновцев.

Мигляй как-то зазвал Любомира в сельсовет.

— Слышал я, Любомир, один разговор, это про то, значит, что ты группу каких-то «ястребков» собрал. И, прямо я тебе скажу, не завидую тебе. Как бы голову не потерять.

— Знаю, секретарь, что могу и голову потерять, только теперь меня голыми руками не возьмешь. Автомат видишь? Ну, а какой разговор ты слышал? — спросил Любомир.

— Да главное не то, что говорят, а то, что за этими разговорами стоит. Сам знаешь, кто больше всего сердиться будет. Они и так на тебя зло держат.

Любомир, глянув ему в лицо, спросил:

— А как ты, Мигляй, ухитряешься их не бояться? Как-никак, ты представитель ненавистной им власти. Мигляй опустил глаза.

— Ты вот, Любомир, сколько скрывался? Считанные дни. А я, добродию, забыл, когда и ночевал дома. Хорошо еще, свет не без добрых людей. Так вот и из-

ворачиваюсь. Всем жить хочется. Кабы не моя изворотливость, давно бы мне секретарствовать на том свете или на севере белых медведей разводить. И тебе совет, если хочешь — слушай, хочешь — нет: ты парень еще молодой, а жизнь свою не бережешь.

— Пусть бережет свою жизнь тот, кто на меня зло держит, — сказал Любомир и вышел. Он подумал, что Мигляй человек подозрительный. Не служит ли он сразу двум хозяевам? Надо будет сказать о нем Лукашову.

Недалеко от своей хаты Любомир встретил дядьку Морозенко. Тот улыбался во все лицо. Любомир увидел, как изменилось оно — постоянно хмурое — от этой доброй улыбки.

— О це добре, сынку, крепко за дело взялся, — пожимая его руку, говорил Морозенко. — Все тебя в селе благословляют. Есть, конечно, такие, кому это поперек горла, но мы их насквозь видим. Черт с ними, пусть живут — только бы не совали рыло в наши дела. Но ты береги себя, Любомир. Они, гады, могут тебя подловить, а ты сейчас в Радинске вот как нужен, — проведя пальцем по горлу, предостерег Морозенко. — В случае чего, ты в любую хату заходи, тебя везде примут.

— Нет уж, прятаться я не буду. Чтобы по своей земле ходить да какой-то твари бояться... Хватит! — решительно сказал Любомир.

— Та я просто так — на всякий случай. Конечно, прятаться тебе не гоже. А сколько вас человек будет? — слегка смутившись, спросил Морозенко. — Ты только не думай, что я хочу что-то выведать. Я просто...

— Да что вы! Шесть человек пока, — и Любомир по фамилиям назвал своих «ястребков».

— Не мало ли будет? — задумался газда. — Ведь их, говорят, побольше. Может быть, и меня зачислишь? Я управлюсь по хозяйству и с большой охотой.

— Что вы, Василий Степанович, — возразил Любомир, — есть помоложе да неженатые. А за поддержку спасибо. В случае чего...

— Поддержку тебе все дадут. И вот что, — Морозенко с виноватой улыбкой на лице посмотрел куда-

то в сторону, — ты уж прости меня за тот случай. Помнишь, я ушел с твоей хаты? Не поминай лихом за то. Не знал я, какой молодец приехал. Думал, принесло черт знает откуда да и лезет с дурацкими вопросами. Так уж ты того... не обижайся. До побачення.

Чем ближе подходил Любомир к дому, тем больше беспокоила его встреча с братом.

Войдя в хату, Любомир ласково поздоровался с матерью и поставил автомат в угол.

— Володька не приходил? — спросил он.

— Приходил. Передала я. Ночью снова придет, после одиннадцати, — сказала она и, тяжело вздохнув, стала концами платка вытирать глаза.

— Только вы не плачьте, ради бога. — Сильные руки Любомира легли на плечи матери. Уткнувшись в его грудь, мать залилась слезами. Поглаживая ее седеющую голову, он успокаивал: — Не надо, мамо. Скоро все будет хорошо. Заживем мы по-новому, уже недолго осталось ждать. Тогда я вам никогда не дам плакать, а сейчас поплакали и хватит.

Приподняв голову матери, он стал вытирать платком ее лицо.

Когда Любомир собрался уходить — ему нужно было предупредить Лукашова, — мать обиженно запротестовала:

— Как же так, а я борщ хороший приготовила, со свининой. Вуйко зарезал безрогу¹, принес — дай ему бог здоровья — шматок.

— Нет, нет, мамо, я не голодный. Вы уж не обижайтесь на меня. И знайте: я приду на встречу с Володькой не один. С кем — сами увидите. Только не удивляйтесь. Так нужно.

Лукашов с двумя солдатами пришел к Радинскому, когда уже почти стемнело. В запасе было еще минут сорок. Устроившись на склоне горы, стали наблюдать за селом.

Где-то у сельсовета еще раздавались голоса играющих мальчишек, сварливый женский голос отчиты-

¹ Безрога — свинья.

вал кого-то, в ответ раздавались редкие, но увесистые ругательства, в другом конце села захлебывалась от злости собачонка.

Метрах в пятидесяти прошла женщина, отчитывающая свою заблудившуюся кормилицу. Говорила крестьянка с коровой, как с человеком:

— Бессовестная, как тебе не стыдно, — доносился ее голос, — я жду, жду ее, а она — на тебе! — пошла бродить на ночь глядячи. Непутевая ты моя.

Посреди села подвыпивший газда заплетающимся языком горланил песню:

Казав мени батько,
Щоб я оженився,
По досвідкам не ходив
Та й не волочився...

Стало еще темнее. Уже нельзя было различить дальних хат, а ближние вырисовывались бесформенными пятнами.

Вечернее село... В памяти Лукашова всплыло детство. Стало как-то особенно ясно и тепло на душе.

Когда это было? Казалось, совсем, совсем недавно. Он сидел с дедом на пригорке, у старого вяза. Внизу белело в сумерках село. Дед задумчиво смотрел на свой домишко и поглаживал вихрастую голову внука. Володя тоже думал о чем-то своем.

Послышался протяжный женский плач.

Дед покачал головой.

— Опять Калистрат Настю лупит.

— А за что он ее, дедушка? — спросил Володя.

— Не любит она его, вот он и зверствует.

Володя сжал кулачки и сказал:

— Дед, я когда вырасту, заберу Настю к нам, а? А Калистрата и на порог не пущу!.. Ты не станешь сердиться?

— Нет, это хорошо, внучек, если ты за слабых да за обиженных стоять будешь, — дед ласково сжал голову внука своими заскорузлыми пальцами.

Потом Калистрат пел песни пьяным голосом...

Лукашов грустно улыбнулся.

Он устал, измотался. Последнее время часто бывало, что он и Башкатов ложились прямо на свои

письменные столы, засыпали на несколько коротких часов, чтобы с первыми лучами солнца вскочить на полуторку и нестись из одного села в другое. В одном требовалось что-то уточнить, в другом — предупредить отряд «ястребков», в третьем — просто показаться, чтобы направить врага по ложному пути, заставить его повернуть туда, куда нужно чекистам.

Больше всего беспокоило, что они никак не могли схватить парашютиста. Правда, кое-какие связи его обнаружить удалось. В свое время Лукашову удалось узнать кое-что на телеграфе.

— Надеюсь, вы не думаете, что парашютист явится на телеграф, чтобы отбить депешу о своем прибытии? — язвительно осведомился тогда Егоренко.

— На всякий случай не мешает, — уклончиво ответил Лукашов.

Недавно Лукашов наконец получил на телеграфе копию телеграммы такого содержания: «Львов Главпочтамт востребования Гаврилову. Состояние здоровья нормальное отпуск продлен приветом Сергеев». Обратный адрес был: «проездом» и какая-то неразборчивая фамилия. Бестолковая работница почты не помнила, кто сдал эту телеграмму. Лукашов проверил больницу, гостиницу, попросил в Львове установить личность получателя. Результаты оказались обезнадеживающими: получатель телеграммы при проверке оказался совсем не Гавриловым, а потом пришла шифрованная депеша, что интересующий отдел мнимый Гаврилов выехал в Дрогобыч.

«Что за птица этот Гаврилов? — думал Лукашов, глядя на огоньки в окнах хат, — и кто же отправлял из райцентра телеграмму?»

В окнах сельсовета свет погас. И Лукашов вспомнил, что так и не обнаружилось пока, куда исчезла радинская фельдшерица. Заведующий райздравом считал, что она просто-напросто сбежала. Но Лукашов в это не верил. Любомир рассказал ему о том, что, по слухам, у фельдшерицы бывал Юзеф. Бандит был ранен. Уж не связано ли с этим ее исчезновение?

Лукашов потер лоб рукой.

Пришел Любомир со своими «ястребками». Они устроились в засаде. А Любомир повел Лукашова и

бойцов к своему двору и оставил их возле коровника. Договорились, что Лукашов появится после того, как окно будет прикрыто занавеской.

Ждать пришлось недолго.

— Пришел, — прошептал один из солдат.

Лукашов услышал скрип двери и устоялся на освещенное окно. Шагов Володьки он не расслышал и подумал: «Ловкий парень».

Володька вошел, кивнул Любомиру и матери и устоялся на автомат.

— Где это ты отхватил такую бандуру, Любомир?

— От Советской власти получил, чтобы защищать людей от таких, как ты и твой Подкова!

— Для чего звал меня? — Он сел.

— Поговорить надо. Видишь, как мать постарела? — глядя брату в глаза, начал Любомир. — Из-за кого, не знаешь?

Володька сидел с опущенной головой. Когда под Любомиром скрипнула табуретка, он подскочил.

— Мамо, вы бы завесили окно плахтой, — попросил Любомир. — До чего ты дожил, — снова обратился он к Володьке, — дергаешься, как заполошенный. Душа у вас, бандитов, заячья, страх за плечами висит!

Володька опять вздрогнул. Это вышла мать. Когда дверь скрипнула снова, он уже не поднял головы.

— Здравствуй, Владимир! — раздался голос Лукашова.

Володька, как затравленный зверь, взвыл и метнулся к автомату, но офицер загородил его. Володька хотел броситься к окну, и услышал спокойный голос:

— Не дури, Владимир. Тебе не грозит опасность. Слушай: ты будешь жив и свободен, как и пять минут назад. Понял?

Напряжение чуть ослабло.

— Эта встреча не случайная, — продолжал Лукашов. — Устроить ее попросил я. Мне нужно поговорить с тобой, а затем поступай как знаешь.

Володька стоял, исподлобья поглядывая по сторонам. Потом вдруг отбросил ногой табуретку, вытащил из кармана пистолет. Лукашов и Любомир схватили его за руки.

— Дай сюда пистолет, дурень! — сказал Любомир. — И не косись так на меня, мне не страшно. Тебе старший лейтенант сказал, что отпустит. А ты за пушку хватаешься. — Он отобрал у него пистолет.

— Отпусти-и-ит, как же, — скривил губу Володька. — Так я и поверил.

— Сядь, — сказал Лукашов. — Так, значит, ты мне не веришь? А я вот поверил, что из тебя еще человека сделать можно. Сколько времени ты в банде?

— Скоро два года, — безразлично ответил Володька.

— Времени достаточно, чтобы набить голову ерундой. Ну, а до каких пор думаешь партизанить?

Скрипнула дверь — в комнату возвратилась мать. Все повернулись к ней. Лукашов поднялся и жестом пригласил к столу. Она села рядом с Володькой, потом, подумав, поднялась и пересела ближе к Лукашову. Володька проводил ее взглядом, опустил взлохмаченную голову и горестно вздохнул.

— Ты мне не ответил. До каких пор думаешь еще партизанить? — снова спросил Лукашов.

— Да что там говорить. Кончилась моя партизанщина. Будете судить, расстреляете...

— Рано собрался на тот свет. Тебе еще жить да жить, только настоящей человеческой жизнью, а не такой — никому не нужной, позорной.

— Не надо меня агитировать, пан начальник. Я вам все равно ничего не скажу. Это я уж точно решил. Ведите.

— А я ведь ничего у тебя не спрашиваю. Сколько людей в банде, как она вооружена, все это мы знаем. Хочу одно спросить: читал ли ты обращение правительства, в котором предлагается выйти с повинной?

— Да, слышал про такое.

— Ну, и что ты решил? Подумал о том, что это обращение написано специально для таких, как ты, а не для Подковы, Карантая и других мерзавцев, которые давно уже отрезали себе путь к нормальной жизни. Они-то не выйдут с повинной, им народ никогда не простит. Вот они и удерживают всякими путями возле себя таких, как ты, чтобы не остаться в одиночестве. Или ты думаешь, что Советская власть

не в состоянии покончить с вами? Нет, она хочет только одного: ликвидировать это поветрие с наименьшим количеством человеческих жертв и пролитой крови. Мало ли ее было пролито за годы войны? Разве твои односельчане не хотят спокойной и счастливой жизни?

— Зачем вы спрашиваете меня об этом? — вяло произнес Владимир. — Приходило мне что в голову или нет — не ваше дело.

Лукашов покачал головой.

— В том-то и беда, что ты так считаешь. А мы считаем, что это наше дело. Ты что же, поперек народа решил и дальше идти?

Володька молчал.

— Ну, если так, смотри...

Мать не выдержала, она вскочила и с отчаянием взглянула на Лукашова.

— Прошу вас! Умоляю господом богом, не отпускайте его. Посадите его в тюрьму, делайте с ним что хотите. Всю жизнь буду молиться за вас...

Любомир усадил ее на место.

— Не плачьте, мамо. Ну, перестаньте, успокойтесь.

Мать не обращала внимания на его уговоры, она глядела на младшего и причитала:

— Я же тебя выносила возле сердца своего, вынянчила, молоком своим вспоила. Разве я думала, что ты станешь бандитом? Сколько слез ты принес мне, сколько горя, сколько одиноких ночей горячих? Почему не прибрал, господь тебя маленького?

— Пойдемте, мамо, — настаивал Любомир. — А ты, — повернувшись к младшему брату, глухо сказал он, — запомни: слезы матери жгут мне душу. Я никогда не прощу тебе этого!

Володька еле сдерживал слезы. Он уже не думал о том, что беспокоило его минуту назад. Ему хотелось крикнуть, чтобы они не говорили так, не отталкивали его от себя. Ведь он и сам не знает, что ему делать, куда податься. Он хотел было вскочить, броситься в ноги матери и брату, попросить, чтобы они простили ему все, но он сдержался: это показалось бессмыс-

ленным. Еще глубже втянув голову в плечи, он сидел и ждал, сам не зная чего.

Лукашов с возмущением сказал:

— Сукин ты сын! До чего дожил, мать родная просит посадить тебя! Иди. Ты свободен.

Володька удивленно посмотрел на него.

— Иди, иди. Ты думал, я тебя обманываю? Можешь идти.

— Так я вам и поверил.

— Не за руку же мне тебя выводить. Не ребенок. Я даже автомат тебе отдам. Только патроны вытащу. Сам понимаешь, иначе не могу.

Лукашов взял автомат, освободил рожок от патронов и, протянув оружие и пустой рожок Володьке, сказал:

— Бери и уходи... Минут через десять я подниму стрельбу. Скажешь в банде, что столкнулся с засадой и израсходовал патроны в перестрелке. Понял? А пистолет ты потерял, когда убегал от преследования. Убирайся!

Володька, вытаращив глаза, взял автомат, рожок и попятился к двери. В коридоре он задержался, взглянул во двор. Никого не было видно. «Не может быть, чтобы выпустили, не сон же это! Выйду во двор и ударят по мне солдатские автоматы. Конечно, сейчас так и будет».

Холодея от ужаса, он прокрался по двору, пустился бежать, но метров через двести он остановился обессиленный и засмеялся оттого, что остался живым.

Он стал подниматься по склону Магуры и снова остановился, словно прислушиваясь к себе, не в состоянии понять, что его так тревожит. И понял. Он не поверил правде. Ему сказали правду, а он ей не поверил. Настоящей правде!.. Он попытался думать о другом, но все, что говорил ему Лукашов, стало настойчиво и упорно ворочаться в голове.

Вдали началась стрельба из автоматов, Володька вспомнил обещание Лукашова...

Когда Володька ушел, Любомир с матерью вернулись к Лукашову.

— В кого он такой удался? — тихо сказала она. —

Я ли не молилась, не клала поклоны? Сколько слез пролила, ночей не досыпала, чтобы выходить окаянного. Где же справедливость, господи милосердный! Где же твое всевидящее око? Не поверил вам — ушел, — обернулась она к Лукашову, — почему он не верит людям? Брату родному, матери не верит...

Лукашов молчал. Что он мог сказать Надежде Васильевне?

— Товарищ старший лейтенант, — нарушил молчание Любомир. — Вы секретаря нашего сельсовета Мигляя не проверяли?

— А что?

— Как-то очень уж подозрительно он советовал мне поберечься.

Любомир рассказал о беседе с Мигляем, Лукашов прищурил глаза.

— С кем он чаще бывает, не замечали?

— С крамарем Морочканичем, — вмешалась Надежда Васильевна, — и с лесником Гурьяном я его видела.

— С лесником? Угу. Кстати, Надежда Васильевна, вы ничего не слышали о том, чтобы в ваших местах появлялся кто-то чужой? В село никто не приезжал?

— Нет, никто. Хотя... подождите... Глафира, служанка отца Силантия, говорила мне, будто к ним кто-то приехал. Я тогда внимания не обратила. Она ведь глухая, дикая.

— Она не говорила, кто именно?

— Нет.

— Священник, священник, — вслух думал Лукашов, — он, кажется... да, у него сын погиб, так?

— Говорил, что погиб на фронте. Орестом его звали. Он ведь в войну у фашистов служил. Может, не погиб... Эх, как же я не расспросила у Глафиры.

— А когда она с вами говорила?

— Да, кажется, в тот день, когда вернулся Любомир. Или на другой...

— Вы не представляете себе, как это важно для нас, — обрадовался Лукашов. — Когда точно вы приехали, Любомир?

Любомир назвал число.

— Ага, отлично... В списках жителей села, пропавших без вести, сына священника не было. Говорите, Орестом его звали? Нет, не было. А списки, видимо, составлял Мигляй...

— Может, мне спросить еще раз Глафиру? — спросила Надежда Васильевна.

— Спасибо, уж мы сами. — Лукашов посмотрел на часы. — Посижу, подожду еще полчаса. Любомир, не объясняя, в чем дело, подскажите своим «ястребкам» быть поосторожнее с лесником, крамарем и секретарем сельсовета. И пусть приглядываются к ним — куда они ходят, где чаще бывают, собираются ли вместе.

— Слушаюсь.

Кто-то открыл дверь. Быстрые шаги в коридоре, и в комнату почти вбежал Володька.

— Мамо!

Лукашов увидел, как Надежда Васильевна протянула сыну руки и судорожно прижала его к груди. А он, глотая слезы, что-то шептал и ласково поглаживал вздрагивающие плечи. Лукашов видел много всякого, сентиментальным он не был. Он подумал, что ради одной только такой минуты стоило служить в рядах славной армии советских чекистов и что нет в мире радости выше, чем радость принесенного людям счастья.

Володька подошел к Лукашову.

— Я пришел, чтобы сказать... Сам не понимаю, что со мной случилось. Вы меня простите. Ведь я убить вас мог, когда выхватил пистолет.

— Это тебе, Владимир, показалось, — улыбнулся офицер. — Да ты садись. Смотри, как дрожишь.

— Брат, — не успокаивался, Володька. — Любомир, брат мой дорогой.

— Чего там, — обнял его Любомир, — вернулся и молодец.

Впервые за два года было Володьке необыкновенно легко. Сил как будто прибавилось — на все село хватит. И хотелось что-то немедленно, сейчас же сделать, что-то большое, доброе.

— Я вернусь в банду. Вы не будете возражать? Я там посчитаюсь кое с кем. Лучше меня это никто не

сделает. Я убью Подкову и Карантая. Я притащу их поганные трупы в село — пусть видят! Все селяне пусть знают!

— Погоди, погоди, не горячись. Их и без тебя после суда расстреляют. Нам надо захватить бандитов живыми. И тут твоя помощь потребуется. Садись, по-толкуем...

Совещание в отделе не было похоже на предыдущее. Майор Егоренко не задавал Лукашову и Башкатову недоверчивых, насмешливых вопросов, а внимательно слушал их соображения и наметки, согласился с ними, когда они сказали, что надо шире пользоваться помощью населения и больше доверять «ястребкам».

Сговорчивость его объяснялась просто. Несколько дней тому назад его вызвало начальство и спросило о том, как идут дела в районе. Когда Егоренко бодро ответил: все, мол, в порядке, банда давно ликвидирована и отдельных бандитов тоже почти всех переловили, взгляд полковника стал суровым.

— У меня другие сведения, — резко сказал он.

— Но вы же сами, — проямлил Егоренко, — вы же доложили в Москву, что...

— Мало ли что мы доложили, — оборвал его полковник, — меня интересует фактическое, истинное положение.

Майор получил нахлобучку, строгое предупреждение и, сбитый с толку, вернулся к себе.

Лукашов доложил о том, что взяты под наблюдение дом священника в Радинском, дом лесника Гурьяна, рассказал о встрече с Володькой Задорожным.

— Хорошо, — одобрил майор.

Лукашов удивился про себя, переглянулся с Башкатовым, но не стал напоминать Егоренко о том, как тот прогнал Любомира.

— Значит, с помощью этого, как его... Владимира Задорожного мы захватываем банду? — полуутвердительно спросил Егоренко.

— У нас есть еще один вариант, — сказал Лукашов. — Все сводится к тому, что в доме священника

прячется его сын, по нашим предположениям — парашютист...

— Схватить! — скомандовал Егоренко. — Общая операция, берем в одну ночь его, лесника, банду! И все заканчиваем!

— А если сын священника не парашютист? — возразил Башкатов, — доказательств еще нет... Мы хотим начать с другого конца, с Дрогобыча.

— Не понимаю, — сказал Егоренко.

— Помните телеграмму? — спросил Лукашов.

— А, это... по моему, кажется, распоряжению, вы тогда побывали на телеграфе? Да, да, помню. И что?

Башкатов еле заметно улыбнулся, а Лукашов стал рассказывать о плане действий, о том, что наши рации-перехватчики поймали передачу из Дрогобыча и расшифровали ее. Содержание ее было примерно такое: «Наш друг лишился связи». Из-за границы пришел ответ: «Окажите другу личную помощь». Рацию в Дрогобыче запеленговали, и оказалось, что владелец ее и есть тот «Гаврилов», на имя которого была отправлена телеграмма.

— Значит, — понял майор, — у парашютиста, сына священника, если это он парашютист, вышла из строя рация?

— Да, — согласился Лукашов. — И вот наши предположения...

УДАЧНАЯ ИНСЦЕНИРОВКА

Любомир сообщил Лукашову, что к нему прибегал Володька и просил передать — дела у него плохи, ему перестали доверять, не ставят больше на пост, могут в любое время расстрелять.

— Спасите брата, — закончил свой рассказ Любомир.

Лукашов прищурился.

— Не волнуйся. Мы его не только спасем. Мы его в глазах бандитов героем сделаем. Вот что... сообщи ему срочно...

Глубокой ночью в селе раздалась пулеметная трескотня. Яростно залилась лаем армия радинских собак. Село проснулось, но ни один человек не решился выйти из дому. Стрельба началась где-то неподалеку от хаты Лескива. При первых же очередях газда вскочил, перевалил через лежавшую на краю жену и свалился на пол. Забившись под кровать, где, по его мнению, было самое спасительное место, он притаился.

Старуха оказалась храбрее своего мужа. Она неторопливо поднялась с кровати, навалилась рыхлым телом на подоконник и долго вглядывалась в темноту. Вскоре старуха различила несколько человек, видимо, о чем-то совещавшихся. Но вот один пошел к хате и загрохотал кулаком в дверь. Догадываясь, что это не бандиты, старуха зажгла лампу и, выйдя в коридор, спросила:

— Чего стучите, полуночники, добрым людям спать не даете?

— Солдаты, мамаша, не бойтесь, — раздалось по ту сторону двери. — Откройте, пожалуйста.

— А я и не боюсь, — отворяя запоры, приговаривала жена Лескива, — чего бояться? Люди, небось, не звери. Идите в хату, — распахнув дверь, пригласила она.

Вошли двое. В одном она признала «пана начальника Лукаша», как его звали в селе, другой был солдат.

Лукашов улыбнулся, увидев, как хозяин выползает из-под кровати.

— Что вы, дядька Лескив, не на кровати, а под ней спать начали?

— Та люльку шукаю. Закатилась где-то, бисова душа, а я привык ночью покуривать, ну и... — подерживая сползавшие подштанники, с озабоченным видом пояснил Лескив. — Може, ты бачила? — повернулся он к хозяйке. — Где она, проклятушая, запропастилась?

Жена рассердилась:

— Чтоб тебе типун прицепился, старый брехун! Была ли у тебя когда люлька? Ты же смалишь свои

смердючие самокрутки, каждую бумажку, какая попадет, на них переводишь.

Старик смущенно потоптался на месте, но, вспомнив верное средство воздействия на старуху, цыкнул:

— Молчи, баба! Где штаны мои, чертово отродье? Вечно у нас не так, как у людей! Один я в селе такой несчастный, горе мне с тобой! Ну, где они делись? Где я штаны положу, так она — на тебе! — всегда там спидницу скинет. Где чоботы поставлю, туда ее черти с черевиками принесут. Наказанье божье, так и ходит за мной, так и ходит. Есть у меня люлька, но где я ее положил — ума не приложу. Куда запропастилась? — почесывая затылок, сокрушался Лескив. Вспомнив, что штаны его под кроватью, он снова встал на четвереньки.

Старуха хихикала. Внезапно лицо ее вытянулось. Трое солдат внесли в комнату молодого остроносенького солдата с забинтованной головой. Уложив раненого на плащ-палатку, солдаты вышли, чтобы тут же внести второго — с оголенной перевязанной грудью и горячечными мечущимися глазами. Широко раскрытым ртом он хватал воздух, словно хотел надышаться в последний раз, и просил пить. Хозяйка бросилась за водой, но Лукашов остановил ее, объяснив, что от воды лучше воздержаться, так как она может повредить раненому. Затем он обратился к уже одевшемуся Лескиву с вопросом, где сейчас можно достать пару хороших лошадей.

— Справные лошади поблизости только у лесника Гурьяна, — ответил Лескив.

— Надо раненых как можно скорее доставить в госпиталь, — беспокоился Лукашов, — идите к Гурьяну немедленно. Да сена побольше пусть постелет, не скупится. Хорошо бы фельдшерицу позвать, но она, я слышал, пропала?

— Кто говорит пропала, кто — проспала, — неопределенно ответил Лескив, — а кто их, соколов-то твоих сердечных? — не утерпел он.

Сурово поглядев на него, Лукашов ответил:

— Родственничек твой... Володька Задорожный. Видишь, как распоясался.

— Ах, сукин сын! Неуж он? Ой, беда-то какая! А поймали?

Лукашов не ответил, отвернулся и подошел к раненым. По комнате распространился специфический запах медикаментов. У старухи разболелась голова, и она, набросив платок, вышла вслед за мужем на воздух.

Вскоре к дому Лескива подъехал Гурьян. Он прикрикнул на лошадей, легко соскочил с передка и направился в хату. Сзади торопливо семенил Лескив. Войдя в комнату, лесник окинул взглядом раненых, но, увидев офицера, отступил в темноту коридора.

— Приехали? — подошел к нему Лукашов. — Лошади у вас хорошие?

— Ничего, не беспокойтесь, пан начальник, доведем. Двоих, что ли везти? — в свою очередь спросил Гурьян.

— Да, двоих, — вздохнул Лукашов.

В коридор ввалился, раскрасневшийся от быстрого бега, старший сержант.

— Товарищ старший лейтенант, — доложил он еще с порога, — дозвонился. Через десять-пятнадцать минут подойдет машина, уже выехала... Всю дорогу бежал!

Лукашов оживился:

— Не шуми. Значит, уже выехала машина? Не ду- мал, что дозвонитесь. Вот — подводу вызвал. Вы уж извините нас... Как вас, не запомнил.

— Гурьян, — подсказал Лескив.

— Извините нас за беспокойство. Можете ехать домой.

Потоптавшись на месте, лесник глянул еще раз на раненых и вышел. Фура затарахтела в сторону его усадьбы.

Было еще далеко до рассвета, когда группа Лукашова вернулась в отдел. Приветливо поздоровавшись с вахтером, Лукашов прошел в свой кабинет, куда вскоре были вызваны два «раненых» солдата. Лукашов встретил их широкой, расплывшейся во все лицо, улыбкой.

— Молодцы, ребята! Вы, Кокарев, — обратился он к востроносому, — талант. После армии — в театральную студию. Сам с вами поеду, попрошу принять.

— Нет, товарищ старший лейтенант, — вздохнул Кокарев, — такого артиста, как Лагуненко, из меня ни в жизнь не выйдет. Как увидел я глаза хозяйки, верите, растерялся. А Лагуненко нагнулся надо мною, лицо постное, и ласково так говорит: «Тебе, Костик, удобно? Не давит под головой?» А сам все ближе ко мне наклоняется. Глаза грустные-грустные, вот-вот заплачет. Показываю ему, что сказать что-то хочу. Подставил он ухо, а я шепчу: «Идиот ты, скотина, уйди за ради бога, потому что я сейчас засмеюсь от твоей мерзкой рожи». А он громко так отвечает: «Хорошо, Костик, не сомневайся. Все сделаю, как ты приказал. Адресок ты только своей Нюши скажи. Я ей, голубке, опишу все, как есть. Несчастливая она, лапушка твоя горемычная. Сам в отпуск к ней съезжу». И поправляет мне голову, а сам за волос тянет — стало быть, за оскорбление, и при этом елейным голосом спрашивает: «Тебе удобно?» Вот артист. Думаю, что делать? Раз я на положении раненого, стало быть, рассудок у меня неполноценный, — схвачу его за ухо и укушу. Мало что в голову раненому взбредет.

Лукашов расхохотался.

— А теперь, друзья, на время вы уедете в другое подразделение. Предосторожность прежде всего. Машина стоит во дворе. Спасибо за службу!

ГАВРИЛОВ-ВАРЕНИЦА

До Дрогобыча оставался час пути, когда полил теплый дождь. Лукашов, укутавшись в плащ-палатку, молча наблюдал за попутчицей, которая прикрыла полый своего жакета мальчугана лет шести. Дождевые струи стали гуще. Женщина посмотрела на небо, чему-то улыбнулась, неторопливым движением сняла с головы промокшую козынку и подставила смуглое лицо дождю. Лукашов придвинулся к женщине и широкой полый плащ-палатки накрыл ее и мальчика, сказав:

— Еще километров пятнадцать осталось. Совсем промокнете.

Женщина благодарно улыбнулась, но ничего не ответила. Малыш вгляделся в лицо старшего лейтенанта и, очевидно, сообразив, что его матери ничего не угрожает, еще плотнее прижался к ней.

— Сиди спокойно, Гришатка, — сказала женщина и отвернула от Лукашова зардевшееся лицо. Он чуть приподнял руку, чтобы не смущать ее. Еще заподозрит его в ухаживании.

Приехали в Дрогобыч.

Лукашов первым соскочил на землю и протянул руку. Мальчик доверчиво потянулся к нему.

— А ты, брат, оказывается, совсем сухой, — сказал Лукашов. — Зовут тебя, значит, Гришей.

— Гришаткой.

— А меня — дядя Володя. Вот и познакомились.

— Спасибо вам, пан начальник, — сказала женщина. — Скажи дяде спасибо, Гришатка.

— Пойдем с нами, — неожиданно выпалил мальчик.

— Я бы с удовольствием, да дел много. Как-нибудь в другой раз.

Лукашов долго смотрел вслед женщине и ребенку.

В управлении его поджидали с нетерпением. За «Гавриловым» велось непрерывное наблюдение — он жил на окраине города в домике престарелой полячки, последнее время ни с кем не встречался. Три дня назад сходил на почту и получил телеграмму: «Необходим врач ушник». Но об этой телеграмме Лукашов уже знал. Отправлена она была из Радинского крамарем Морочканичем.

Выждав, когда «Гаврилов» выйдет на прогулку, Лукашов с двумя офицерами, переодевшись в гражданское, постучались в дверь.

На пороге появилась старушка.

— Прощу, панове, в покои, — вежливо предложила она, даже не спрашивая о причине визита. А когда гости присели, спросила: — Чем могу быть полезной?

После беглого осмотра комнаты Лукашов остановил свой взгляд на фотографиях, висевших на стене над старомодным пузатым комодом.

— Уважаемая пани. Мы хотели выяснить, кем доводится вам гражданин, проживающий у вас на квартире?

— Цо пан мовит? — переспросила старушка.

— Ваш постоялец родственник вам или нет?

Хозяйка закивала головой, но было непонятно — разобрала она вопрос или нет, а если разобрала, то подтверждает свое родство с постояльцем или...

— Понимаю, понимаю, — продолжала кивать головой хозяйка, — могу сказать, что он порядочный человек и хорошо платит, аккуратно.

— Давно он у вас проживает?

— Пан Вареница снимает комнату уже второй год.

— Вам известно, где он работает?

Хозяйка задумалась, а потом задала вопрос сама:

— Может быть, лучше, если все это вам расскажет сам пан Вареница? Я не знаю, панове, ваших намерений и вас. Мне трудно...

— Мы сотрудники органов государственной безопасности, уважаемая пани, так что наше любопытство носит служебный характер.

Выяснилось, что «пан Вареница» ведет замкнутый образ жизни, ни к кому не ходит, никого не приглашает к себе. Иногда ездит во Львов, а, приезжая в Дрогобыч, больше двух-трех недель не живет. Говорит, что работает заготовителем в кооперации. Иногда исчезает на целые месяцы и тогда никаких известий от него не поступает.

— Будем ждать постояльца, — сказал Лукашов.

Другие сотрудники занялись обыском.

Ждать долго не пришлось. Появившись на пороге, «Гаврилов-Вареница» одним взглядом охватил квартиру и сразу понял, кто эти незнакомые люди. Сколько раз пытался он представить этот момент — разоблачение, арест, сколько раз просыпался в холодном поту, сколько пугался самых различных людей. Вот оно... Резко отпрянул он в глубь прихожей и захлопнул дверь. Лукашов бросился было за ним, но спохватился и снова сел на стул.

Через минуту два других сотрудника, сопровождавших «Гаврилова» на улице, ввели его в комнату под руки. Вид у него был жалкий: побелевшее, с тря-

сущимися губами лицо, на правой щеке свежая ссадина. Он старался ни на кого не глядеть, один раз только исподлобья метнул взгляд на хозяйку.

Задержанному предложили сесть.

— У нас будет время более полно и подробно поговорить в другой обстановке. А сейчас несколько предварительных вопросов, — обратился к «Гаврилову» Лукашов. — Намерены запираяться или, как положено благоразумному человеку, понявшему, что игра проиграна, будете говорить правду?

«Гаврилов» посмотрел на него и неопределенно кивнул головой.

— Как прикажете понимать? — спросил Лукашов.

— Бесполезно... запираяться. Нет смысла.

— Я тоже так думаю. А теперь вот что: какое значение имела первая, полученная вами, телеграмма?

— Что он благополучно пересек границу, находится в надежном и безопасном месте.

— Условия вашей встречи?

— Вещественные и устные. То и другое я получил от представителя посольства...

— Об этом особый разговор. А сейчас имя того, с кем вы должны связаться.

— Не знаю. — «Гаврилов» впервые поднял глаза. Лукашов с недоверием поглядел на него.

— Но я знаю место, где мы должны были встретиться. В доме священника села Радинское.

— Что вы собирались делать после получения последней телеграммы?

— У него вышла из строя рация. Я должен был привезти новую.

— Так. Что ж, в этом для нас нет ничего нового. Доставьте свою рацию, собирайте вещи.

— Уже достали рацию, — сказал один из оперработников. — В чемодане была, под вторым дном.

— Я извиняюсь, — быстро заговорил «Гаврилов». — Я хотел, чтобы вы отметили мою искренность, когда будет определяться... моя судьба.

— А это уж будет зависеть от вас и дальше, — сказал Лукашов. — Пока вы рассказали сотую долю того, что знаете. Не так ли?

- Конечно, конечно...
- Лукашов вышел к хозяйке.
- Простите, пани, но вам придется съездить с нами.
- Хорошо, я сейчас, — ответила старушка.

ПАУКИ В БАНКЕ

Вернувшись домой, Лукашов доложил о своей поездке майору Егоренко и более подробно все рассказал Башкатову. Тот потер руки и неторопливо спросил, когда, наконец, начнется операция по захвату банды, какое место будет отведено ему и что он должен делать сегодня, сейчас.

- Сейчас иди спать, — рассмеялся Лукашов.
- Спать? Да ты что? Какой тут сон!
- Представь себе, самый здоровый и крепкий. Нечего нервничать и горячиться.
- А я не горячусь. Почему ты не спрашиваешь, что нового в Радинском?
- В Радинском? Майор сказал мне, что нет ничего нового.
- Да, но...
- Что еще? Что-нибудь случилось?
- Нет... Понимаешь, я с Оксаной познакомился.
- С той самой девушкой?
- Ага.
- Поздравляю.
- Ничего ты не понимаешь, — смущенно произнес Башкатов.
- Как не понимаю? Понимаю.
- Ты не представляешь себе, какая она, Оксана...
- Ах, вот почему тебе не спится!
- Пошел к черту!
- Идем, провожу тебя до крыльца. Желаю сладких сновидений. Кстати, ты раздобыл мне «Хаджи-Мурата»?
- Да, на столе лежит. А я Джером-Джеромом зачитываюсь. Смеюсь до коликов. Ну, пока.
- Лукашов вернулся в комнату и раскрыл книгу.

Он заметил, что начало светать, выключил настольную лампу, распахнул окно и с жадностью вдохнул прохладный утренний воздух. Еще проглядывали звезды, но восточная сторона горизонта уже посветлела. Где-то поблизости послышался хрипловатый голос петуха, ему откликнулся второй, потом третий. Послышалось мычание коров, рожок пастуха. Лукашов почуял ни с чем не сравнимый, памятный с детства, запах парного молока. И сразу захотелось есть. Он подумал: «Хорошо бы сейчас свежевыпеченную краюху хлеба и кринку теплого, дымящегося на утреннем холодке, молока».

Послышался топот конских копыт. По дороге, вздымая облако пыли, во весь опор летел всадник. Лукашов увидел здоровенного мужика, неумело управляющего низкорослым коньком. Вцепившись в гриву взмыленного мерина, газда подгонял его ударами босых пяток.

Остановившись перед их домом, газда соскочил и побежал к крыльцу.

Дежурный привел его к Лукашову.

— Морозенко я, Василь, из Радинского, — начал газда.

— А я как раз думал, где вас встречал, — протянув руку, сказал Лукашов. — Здравствуйте, Морозенко. Что у вас случилось? Садитесь.

— В ночном, значит, я сегодня был, лошадей сторожил. Это для всех. А на деле Любомир поручил за домом лесника Гурьяна присматривать. Смотрю, огонек в окне зажегся. Спустился я со своего пригорка поближе к дому и смотрю. И вдруг вижу, чтоб мои баньки повылазили, вроде пани медичка наша показалась. Но только на себя не похожая: косы распущены, тощая, как с креста сняли, а возле нее, значит, Подкова стоит и с Карантаем о чем-то зубы скалят. У нее вид прямо ужасно испуганный. Ну, думаю, Василь, торопись к Любомиру. Не успел добежать до лошадей, как окно вдребезги, а вслед и очередь из автомата. Я к Любомиру, он говорит: сидай на мерина и гони к старшему лейтенанту. Вот.

— Кроме Подковы и Карантая, больше никого из бандитов не видели?

— Больше нет. Там еще один на часах у коровника стоял, сигаркой светил.

— А Гурьян, как по-вашему, дома был?

Василь сокрушенно вздохнул:

— Уж это не могу сказать. Лесника я не видел. Может, и был он дома, а может, и нет.

Лукашов вызвал дежурного и приказал немедленно по тревоге поднять лейтенанта Башкатова. Через несколько минут в Радинское выехала оперативная группа.

Прибыли в село. Любомир со своими людьми встретил их и сообщил, что банда уменьшилась на двух «самостийников», а Подкова лишился верного и активного пособника.

В доме лесника «ястребки» нашли только дочь его Зосю. Она, придя в себя, рассказала, что произошло у них.

Коптящая керосиновая лампа тускло освещала двух полуодетых людей на узком топчане. Голова Зины покоилась на обнаженной груди Юзефа. Уставившись в одну точку, она слушала его:

— Самое главное — вовремя выйти из игры. Игра становится бессмысленной. Это — футбол в одни ворота. Пусть называют то, что совершу, как угодно — предательством, трусостью, изменой. Плевал я на них!

— Умница! — Зина прижалась к нему.

— Мне осточертела такая жизнь. Удивляюсь, почему я раньше не додумался до этого? Ну их к черту с их самостийной независимостью!

Юзеф давно понял обреченность оуновского подполья. Предложение Зины было только последним толчком. Но и тут он решил по-своему. Она уговаривала выйти с повинной, а Юзеф решил исчезнуть из этого края, чтобы потом всплыть далеко на Востоке под другим именем. Для этого он сохранил документы одного убитого им советского работника. Прожить им с Зиной, слава богу, будет на что. Юзеф не такой дурак, как некоторые. У него есть один чемоданчик, а в нем... К тому же, он и Зина разработали обеща-

ший солидную поживу план. Теперь они набирались сил, как выражался Юзеф, для «броска на Восток».

Раз в сутки Гурьян открывал люк, и Кася, зажав нос, выносила поданное Юзефом ведро-парашу, затем спускала затворникам продукты и водку. Рана, полученная в стычке с Любомиром, затянулась, но Зина убедила Подкову, что Юзефу нужно переждать еще несколько дней до полного излечения.

Кася хотела узнать, нет ли у ее вражины еще каких-нибудь замыслов, и только поэтому молчала, ничего не говорила Подкове.

— Какой все-таки сегодня день? — спросила Зина.

Юзеф обозлился.

— Не все ли тебе равно, какой сегодня день? На черта он тебе сдался! Сопи в две дырки и радуйся, что еще живы!

Зина всхлипнула.

— Надоело мне здесь.

— А мне, думаешь, не надоело?!

В это время Гурьян открыл люк.

Юзеф торопливо зашептал:

— Сегодня, поняла? Сейчас! Не хнычь!

Юзеф пригласил лесника спуститься к нему для очень важного разговора. Тот предупредил дочь, чтобы она открывала люк через час и слез по лестнице.

Юзеф усадил лесника на топчан и начал:

— Мы с тобой друзья, Гурьян.

— Что вы, что вы, пан Юзеф! Вы человек образованный, начальник в отряде, а я простой лесник.

— Мы теперь все равны, Гурьян. Ты меня, я тебя — знаем хорошо. И если я решил что-нибудь, то доведу дело до конца. Ты это хорошо заруби себе на носу.

Гурьян удивленно посмотрел на него.

— Мне сейчас для одного дела деньжата нужны позарез. Так я попрошу тебя...

— Что вы, что вы, Юзеф, — Гурьян засмеялся. — Какие у меня деньги! Вам же все, что было, и отдал. Подкове. На борьбу с москалями.

— У меня мало времени Гурьян. Не скажешь по-

хорошему, я сам поднимусь и обыщу весь дом. Вверх дном подыму, но найду.

— Воля ваша, — заискивающе сказал лесник. — Только нет у меня ничего.

— Ну, раз ты согласен, давай я тебя свяжу, а то, чего доброго, ты придушишь мою касатку. И посидите здесь спокойно, пока я найду твои трудовые сбережения, — засмеялся Юзеф. — И мы расстанемся как старые друзья.

— Ох, Юзеф, не берите этого греха на себя. Ведь вы же скрываетесь у меня. Едите, пьете мое...

— Давай руки. Зиночка, покажи ему свою игрушку.

Зина вытащила из-за спины пистолет и дрожащей рукой направила на лесника.

Спустя несколько минут связанный по рукам и ногам Гурьян лежал в углу возле параша.

— А теперь, мой старый и неумный друг, продолжим переговоры, — Юзеф закурил. — Как ты мог подумать, что я такой же дурак, как и ты, и пойду шарить по углам. Шалишь, паскуда! Говори, где тайник, или я сейчас же придушу тебя, паразита!

— Побойтесь бога, Юзеф! Ну, есть у меня какая тысяча, — запричитал Гурьян.

— Тихо скули, стерво! Где тайник? Или я тебя со всем выводком отправлю на тот свет!

Юзеф притянул голову старика к себе и резко ударил ею об стенку. И еще, и еще, и еще... В глазах лесника поплыли желтые круги. Голова безжизненно опустилась на грудь.

— Не притворяйся, гад, не до смерти бил, — зашипел Юзеф.

Сверху посыпалась земля. Кто-то открывал люк.

— Юзеф, слышишь меня, — донесся голос Каси. — Проводник с хлопцами пришел. Просят вас с папой наверх выйти.

— А-а, наверх просят, — завозился старик, — сейчас другой у нас с тобой разговор пойдет. Кася! — закричал он. — Скажи батьке, что меня Юзеф связал и мордует.

Юзеф ладонью прикрыл ему рот.

— Чего ты? Брось, пошутили и ладно...

— Подкова! — кричал Гурьян. — Здесь предатель сидит! Тащите меня скорей наверх! Зося, Кася!

Видя, что уговоры не помогают, Юзеф ударил Гурьяна и заметался по схорону, лихорадочно придумывая, чем бы очернить его перед Подковой. Лесник взвыл еще сильнее, неистово заворочался, пытаясь освободиться, перекинул головой парашу и уткнулся в зловонную лужу. В этот момент раздался выстрел. Зина нечаянно нажала на спусковой крючок пистолета. Юзеф метнулся к ней:

— Что ты наделала! С ума сошла!

Он наклонился над лесником, перевернул его на спину — увидел окровавленную шею. Хрипя, Гурьян еще ворочал обезумевшими глазами.

— А ну, вылазь! Или я тебя выкурю из норы, как таракана! — раздался голос Подковы.

Юзеф схватил автомат и закричал:

— Не подходи к люку, застрелю. У меня автомат.

— Знаю, сволочь, — заорал Подкова, — но ты все-таки вылазь, по-хорошему. Слышишь, Юзеф? Вылазь, говорю.

— Не горячись, Подкова, — примирительно начал Юзеф. — Не знаешь, в чем дело, и не шуми. Уходите из дома, а то накличете беду. Гурьян говорил, с часу на час солдаты должны прийти.

— Вылазь, сука! — разъяренно требовал Подкова.

— Поуспокойтесь, тогда вылезу. Уходите, а я скоро приду в горы.

Подкова ничего не ответил. В схорон донеслись возбужденные голоса спорящих. Послышался голосок Каси, взволнованный и прерывистый. Подкова снова обратился к Юзефу:

— Юзеф! Не хочешь вылазить — черт с тобой. Но ты пришли сюда к нам фельдшерицу. Я хочу с ней потолковать.

Юзеф обрадовался.

— Зина, выйди, поговори с ними. Только о нашем плане не заикайся. Скажи, что Гурьян предатель. Мне бы только выбраться наверх, я быстро с ними разделаюсь. Поняла?

— Боюсь. Умрем вместе... — бессвязно лепетала Зина.

— Иди, не бойся, — стал подталкивать ее Юзеф, — я не дам тебя в обиду.

Зина, дрожа, направилась к лазу. Подкова выволок ее из-под печи.

— Посмотрите на нее, какая она красивая, — ощерился Карантай. — Растрепанная, что ведьма.

— Отведите ее в ту комнату, — приказал Подкова и пошел за ними вместе с Касей. Охранять люк остался Мысько Копыла.

Услышав, что Подкова вышел, Юзеф высунул голову из-под печи и поманил Мыська.

— Чего тебе? — отозвался тот.

— Я ни в чем не виноват. Выпусти меня. Это фельдшерица пристрелила Гурьяна.

— А Гурьян убит? — удивился Мысько.

— Хрипит еще... Мысько, слушай меня, — зашептал Юзеф. — Я знаю, где Гурьян спрятал деньги... много денег. Пойдем, заберем их и поделим поровну.

— А где он их спрятал? — заинтересовался бандит.

— Так я тебе и сказал. Недалеко тут. Пошли.

Копыла раздумывал:

— А денег много?

— Сто тысяч, а то и все двести.

— Ого! — изумился Мысько и подошел к люку. — Вылазь, пойдем.

Вошел Гараська-рябой. Юзеф застыл на месте.

— Фельдшерица созналась, что кончила Гурьяна. А еще сказала, что они с Юзефом тягу хотели дать на Урал.

— Да ну? — разинул рот Мысько.

Юзеф выхватил автомат, прострочил спину Мыська, в одно мгновение выпрыгнул из люка, бросился к окну, выбил стекло, но длинная очередь подрезала его. Он повернулся и последнее, что увидел, — стоявшего в дверях неизвестного. Так Юзеф и не узнал, что прикончил его Орест Порожний. Кася и Зося спустились в схорон. Вскоре они вылезли, и Зося, обливаясь слезами, сказала:

— Отец уже мертвый...

Она ушла в другую комнату, рухнула на кровать и зарыдала.

Подкова даже зубами заскрипел. Подошел к неподвижно лежащим Копыле и Юзефу.

— Эти тоже готовы. Пошли, хлопцы, скорее!

И от усадьбы Гурьяна к лесу потянулась цепочка бандитов. Среди них под зоркой охраной Каси еле передвигала ногами Зина.

Зоя осталась в доме. Когда сестра хватилась ее, Подкова рывкнул:

— Поздно. Светает уже. О, черт бы побрал этих баб!

Допрашивая Зою, Лукашов и Башкатов обратили внимание на ее слова о неизвестном, впервые появившемся в их доме. Она его никогда раньше не видела. Один из «ястребков» Любомира сообщил, что из дома священника кто-то выходил ночью, но он потерял его в темноте. «Ага, сын священника стал активнее, — подумал Лукашов. — Ну, что ж, нам пора начинать».

Любомир на вопрос Лукашова о брате сказал, что тот не появлялся. Но в условленном месте была записка от Володьки: его хвалят за храбрость, он теперь, кажется, вне подозрений.

— Да, — сказал на обратном пути Лукашов, — как ни прикидывай, а придется идти на мой вариант захвата парашютиста. Пахнет дешевым детективом, но что поделаешь. Другого выхода нет. Он нам нужен живой.

ПОЯВЛЕНИЕ ГЕНРИХА

Настроение у Ореста было подавленное. Группа Подковы оказалась самой обычной шайкой бандитов и убийц, надежд на помощь населения не было никаких, рация его вышла из строя, а Гаврилов не появлялся. Неужели он не получил его телеграммы...

А теперь еще эта история с Юзефом! Он так рассчитывал на него, надеялся, что сумеет собрать вокруг него новый отряд идейно подготовленных людей. Юзеф, Мысько, Гурьян — сколько потерь!..

Орест дал Подкове указание временно прекратить активную деятельность, строжайше законспириро-

ваться, готовиться к зиме. За это время он свяжется с помощью Гаврилова с центром, получит новые указания, а может быть, и практическую помощь.

Вначале в банде Орест не появлялся. О его бытии знали трое: отец, Подкова и старший Копыла. В эту ночь он договорился встретиться с Подковой в доме Гурьяна. И надо же было случиться этой проклятой истории. Какого черта оставили в доме лесника Зосю? Вдруг, она проболтается, что видела его?

— Откуда она знает, кто вы? — сказал Подкова. — Мало ли кто мог прийти с нами. За это не бойтесь.

Обдумав положение, Орест решил вернуться в дом отца. Договорившись с Копылой о связи, он, чтобы создать впечатление о себе у бандитов, собственноручно застрелил фельдшерицу, объявив, что она подслана чекистами, «погубившими трех наших лучших хлопцев». Произнеся короткую речь, в которой он расписал, как восторженно следят за их «борьбой» на западе, обещав бандитам всякие блага в будущем. Орест следующей ночью вернулся в дом отца.

Весь день он отсыпался. Проснулся, когда уже вечерело, подошел к слуховому окошку. Косые струйки дождя скатывались по стеклу. Внизу виднелась безлюдная улица. Лужи, мокрые крыши хат, и лес, и горы, и небо — все пряталось за влажной завесой. «Уйти, что ли, отсюда? — подумал Орест. — Вдруг девка проболталась и будет облава?»

Совсем стемнело. На чердак поднялся отец Силантий.

— Слышь, Орест, — зашептал он, — там один человек пришел. Наверное, тот, кого ты ждешь.

— Ты сказал, что я здесь?

— Я ничего не сказал.

— Один?

— Один.

— Пусть он поднимется сюда.

— Здесь темно, лампу не засветишь.

— Ладно. Держи пистолет и стреляй немедленно, если что-нибудь тебе покажется подозрительным.

В кабинете отца Орест увидел мужчину в черном намокнувшем плаще, оглядел широкие плечи его и крупную с вьющимися волосами голову. Несколько секунд

они молча смотрели друг на друга. Потом незнакомец протянул Оресту руку. На ладони лежал обломок пластмассовой расчески. Орест нетерпеливо схватил его. Наконец-то! Но гость резко сказал:

— Ответ?

Орест достал свою половинку. Незнакомец удовлетворенно кивнул головой и только тогда пожал Оресту руку.

— Гаврилов? — спросил Орест.

— Зовите меня Генрихом.

— Как хорошо, что вы подросли. Я собирался сегодня уйти отсюда.

— Что произошло?

— Самое непредвиденное. Боевка местных повстанцев, которой командует проводник Подкова, рассыпается на глазах.

— А вы-то для чего здесь? — сухо осведомился Генрих.

— Население начало помогать властям.

— Ну и что? Плохо работаете.

— Вы доставили рацию?

— Да. Но...

Он покосился на священника.

— Чего ты стоишь? — набросился на отца Орест. — Распорядись накрыть стол, винца подай старого!

— Я не пью, — сказал Генрих. — Но ради встречи...

Отец Силантий вышел.

После ужина Генрих достал рацию, передал радиogramму о своей встрече с Орестом, о сложившейся обстановке и о том, что они ждут указаний.

— Шифр мне незнаком, — сказал Орест.

— Вам многое незнакомо, — сухо произнес Генрих, — время не стоит на месте. Устройте меня ночевать, я устал, а завтра ночью пусть сюда явится Подкова.

— Подождите, насколько мне известно...

— Вы ожидали подчиненного? Обстоятельства изменились. Будете слушаться меня. Вот принятая мною в Дрогобыче радиogramма... Не унывайте. Ваше от вас не уйдет.

За ужином изрядно выпили. И Орест разговорился, вспоминал свою жизнь, диверсионную школу. Генрих рассеянно слушал.

Генрих настроил рацию на прием и расшифровал полученную радиограмму.

— Действуйте по обстановке, — прочитал он. — Если надо, уходите. Так. Поговорим с Подковой. Он пришел уже?

— Да, отец вином его угощает, — сказал Орест. — Я настаиваю на том, что нам надо покинуть Радииское: всюду слоняются эти проклятые «ястребки».

— Да. Наследить вы успели. Зачем вам надо было показываться повстанцам?

— Я полагал, что сам факт моего появления вдохнет...

— Ладно. Хватит об этом, — сказал Генрих. — Я с вами согласен, будем уносить отсюда ноги. Позовите Подкову, хорунжий.

Орест вышел из комнаты.

Генрих вытащил из кармана пистолет, спустил предохранитель, подошел к окну, приподнял одеяло и всмотрелся в темноту. Потом вернулся к столу и стал разбирать рацию, аккуратно укладывая ее в чемоданчик.

Вошли Орест и Подкова. Подкова щелкнул каблучками и доложил:

— Районный проводник Подкова по вашему вызову явился!

Генрих предложил ему сесть, сурово сдвинул брови и спросил:

— Почему вы действуете так слабо? Почему решили уйти от активной борьбы?

— Вас, пан Генрих, чи еще как, неправильно информировали. — Подкова бросил злой взгляд в сторону Ореста. — Боевка просто меняет место... этого... дислокации.

— Шестюк, вы говорите неискренне.

Подкова вздрогнул, услышав свою подлинную фамилию.

— Так как же вы, сотник эсэсовской дивизии, так распустились, а?

Подкова привстал, зацепив сапогом валявшуюся возле кресла кучу старых газет, она завалилась, подняв густую пыль.

— Я все сделаю! Я выправлю положение! Я покажу, на что способны повстанцы! Я кровью залью этот район!

— Очень хорошо! — вступил Орест. — Вот теперь вы снова, кажется, нашли самого себя. Слушайте внимательно: мы временно покидаем Радинское. Вы же должны...

Подкова повысил голос:

— Я все должен, должен!! А вы, извините, сматываетесь? Хотите от меня отделаться?

Орест гаркнул на него:

— Ты с кем разговариваешь? Я эмиссар центрального провода! Ты обязан беспрекословно мне повиноваться! Забылся!

— Но вы же оставляете меня на верную смерть. Чекисты, «ястребки»!.. Я сейчас вернусь.

Подкова направился к двери.

Пропустив его мимо себя, Генрих неожиданным захватом прижал голову Подковы и ловко выхватил пистолет из его кобуры. Орест заломил Подкове руки. Подкова хрипел, матерно ругался.

— Вот вы что задумали, гады! Предатели! Сволочи! Отпустите руки. Зачем связали?

В комнату вошел отец Силантий.

— Что вы, дети мои? — спросил он.

— Ничего особенного, отче, — ответил Генрих, помогая Оресту связывать Подкову. — После нашего ухода вы освободите его, и пусть он выполняет задания, которые ему поручены.

Подкова затих, стал прислушиваться.

— Так вот, Подкова. С тобой еще по-божески поступили, — торопливо говорил Орест. — Цени. Даст бог, все обойдется хорошо.

Его вполне удовлетворял такой выход. Они нашли хороший способ избавиться от Подковы. Причем вся вина за развал боевки теперь ляжет на него. Смелый, решительный человек этот Генрих.

В парадную дверь постучали. Священник посмотрел на сына. Минутное оцепенение нарушил Генрих:

— Кто это может быть?

— Прихожане. Узнать?

— Конечно.

Отец Силантий, плотно притворив за собой дверь кабинета, пошел на стук. Орест выхватил пистолет и встал у двери. Побледневшее лицо его покрылось испариной. Генрих застыл с другой стороны. Отец Силантий дрогнувшим голосом спросил:

— Кто стучит? Что вам нужно?

— Я из Россопач. От отца Иннокентия. Заболел он.

Облегченно вздохнув, священник продолжал расспросы:

— Чем заболел?

— Не знаю, отец Силантий. Вот записка вам. В ней, должно, все сказано.

Отец Силантий приоткрыл дверь.

— Дай записку сюда и иди с господом.

Но дверь рванули, и перед священником оказался Любомир Задорожный.

— Тихо, батюшка.

В дверях появился Лукашов. Знакомый с планом дома, он быстро прошел в темный коридор. За ним стали входить солдаты.

Отец Силантий закричал:

— Караул! Спасите!

Услышав отчаянный вопль отца, Орест решил скрыться на чердак, а оттуда прыгнуть в сад и бежать. Черт с ним, с Генрихом, пусть выкручивается, как знает! Отпрянув от двери, он бросился к другой. Генрих опередил его и рукояткой пистолета сильно ударил по плечу. Он метил по голове, но Орест увернулся. Они повалились на пол, вцепившись друг в друга.

Вбежали Лукашов и Любомир, помогли Генриху связать Ореста.

— Ну, кажется, все, — сказал Лукашов.

— Так точно, товарищ старший лейтенант, — доложил «Генрих». — Ваше задание выполнено.

Грянул выстрел. Лукашов схватился рукой за спину. Любомир и солдаты отняли у священника, незаметно подошедшего к двери, пистолет и связали. Никому не пришло в голову сразу же обыскать старика и взять его под наблюдение.

— У, гад! — сказал Любомир.

Солдаты подхватили Лукашова на руки.

«БУДЬ ПРОКЛЯТ ТЫ, САТАНА В СУЛТАНЕ!»

Ушедший к Оресту Подкова оставил Каранта за себя, и теперь тот, обрадовавшись власти, сурово покрикивал на подначальных. Они занимались оборудованием убежища.

Бункер уже был покрыт бревнами и досками. Теперь занимались маскировкой. По одному, по два уходили как можно дальше, возвращались с жирными пластами дерна. Володька Задорожный и его ровесник Проворный занимались укладкой. Карантай указывал:

— Здесь поплотней подложь. Не на один день робим. Не видишь, слева просвет.

— Возьми да поправь! — огрызнулся Проворный.

— Ты с кем говоришь, сука?

Кася фыркнула.

— Не скаль зубы, шлюха! — обозлился Карантай. — Заставлю дерн таскать.

Она примолкла, продолжая штопать какие-то тряпки.

Стемнело. Работу прекратили. Карантай опустилсЯ в бункер и остался доволен. Было приятно думать, что сегодняшнюю ночь можно будет провести под крышей. Он распорядился, чтобы все спустились в бункер, часовым поставил Проворного.

— Сегодня не моя очередь, Зоряна.

— Очередь устанавливаю я. И тебя спрашивать не буду. Задорожный пусть отдыхает, заслужил.

Глубокой ночью Володька осторожно выбрался из бункера.

— Ты что? — спросил Проворный.

— Не спится.

— А у меня глаза что камни, книзу тянут.

— Давай, постою. А завтра ты меня подменишь.

Проворный колебался.

— Не хочешь, как хочешь.

Володька закинул автомат за спину и отошел к кустам.

— Подмени, — сказал Проворный. — Засну, еще хуже будет. Подкова убьет, если спящим застанет.

Он зевнул и спустился в бункер.

«Слава богу, — облегченно подумал Володька, — а то оглушить бы пришлось».

Он отошел от бункера.

Прошумела крыльями ночная птица. Покопавшись в кармане, Володька достал сигарету, прикурил. Послышался крик филина. Через минуту крик повторился. Володька зашагал по старой листве.

— Кто идет? — спросили из темноты.

— Часовой.

— Время?

— Полночь! — чуть не закричал Володька.

— Ну, как, — пожимая руку ему, спросил Башкатов. — Все на месте?

— Все в порядке, товарищ лейтенант. Спят. Пойдемте скорее.

Из темноты потянулась цепь солдат.

Карантай проснулся сам не зная отчего. Несколько раз повернулся с боку на бок, задумался. Ему приключилось, что он разузнал какие-то очень важные секретные сведения. «Взял я этот секрет в зубы — и-и-и прощай, мачеха Украина. Махнул через границу к самому Степану». Представилась ему эта картина необычайно явственно. «Здравствуй, — говорю, — голыштаный повелитель. Привет тебе от Карантая собственной персоной». Позеленел Степан от злости, да как вскочил, как закричал: «Да ты знаешь, что я сам Бан-

дера, да я тебя...». — «Не горячись, пан Бандера, — останавливаю я его. — Что с того, что ты Бандера. А я вот Карантай, собственной персоной. И плевал я на тебя, на всю твою «самостийную». Понял? Почему? Да потому, баранье твоё рыло, что секрет знаю. Добыл такой секрет, что ты от зависти лопнешь». — Залез безил передо мной Степан — и туда и сюда: скажи, мол, что за секрет. А я ему: «Веди меня до самого главного американца, только ему открою тайну. Скажи ему, пусть приготовит сто тысяч долларов, нет — двести тысяч, самых настоящих, американских». Некуда деваться Степану, повел меня к самому, что ни есть главному американскому генералу. А я ему тихонько на ухо: «Прогони отсюда Степана, не хочу, чтобы он знал мой секрет, и баста». Рывкнул генерал — пан Бандера как сквозь землю провалился. Посадили меня в бархатное кресло, угостили сигарой с золотым ободком. Поставили коньяк, виски, шампанское, какие только миллионеры и генералы пьют. «Ну, сказал, Карантай, что за секрет ты принес мне?» Я ему в ответ: «Вали наличными полмиллиона и баста... Вот сюда, прямо на стол — пачками». Выложил он мне доллары — новенькие, только отпечатанные. Я, конечно, их пересчитал, сложил в карман, — нет, в кожаный портфель, или ещё лучше в чемоданчик, и — бах ему в ухо секрет... Побледнел генерал от счастья: «Да мне и миллиона не жалко за такой секрет, что ж ты раньше не сказал, дорогой мой... О-кэй! Да я озолочу тебя!» — «Не надо, говорю, мне и этих хватит». Но он настоял. Вышел я на улицу уже не просто Карантаем, а паном Карантаем, а там дожидается меня Степан. Вытащил пачку долларов — так и быть — бросил ему и сказал ещё раз: «Плевал я на твою «самостийную»! Понял, плешивая твоё морда? Езжай сам туда, поброди по горам, по лесам, а я вольный казак теперь. Захочу в Париже жить — давай Париж, захочу — в этом самом, как его, ну — самый главный американский город — давай и его... Потом сел в машину, прихватил дивчину — и-и...» — Карантай горестно вздохнул.

Поворочавшись, он решил выползти на воздух. Поднялся, закурил.

— Эй, Проворный, иди закури — тихо позвал он. — Ты что, оглох?

Никто не отвечал.

«Здесь что-то нечисто», — уже не на шутку забеспокоился Карантай.

Где-то хрустнула ветка. Опытного бандита нельзя было провести. Так она может хрустнуть только под ногой человека. Думая, что это возвращается Проворный, Карантай притаился за деревом, с нетерпением ждал минуты, когда он сможет обрушить на его голову ругань.

Но что это? Отойдя в сторону, Карантай замер. Когда люди приблизились — он не увидел, а скорей догадался, что это солдаты, и бросился бежать в лес.

Оцепив бункер, Башкатов легонько подтолкнул Володьку.

— Вызывай.

Тот крикнул:

— Карантай! Проснись! Всех наверх давай!

В бункере кто-то заворочался.

— Чего там?

— Наверх вылазьте. Подкова с эмиссаром зовут. Вместо Карантая вылез Гарасько-рябой.

— Подкова? Где ты?

— Руки вверх! — крикнул Башкатов. — А ну, выходи по одному! Оружие оставить на месте.

Гарасько поднял руки.

С четырех сторон вспыхнули яркие факелы. Взлетела ракета. Лес ожил.

В бункере раздался лязг затвора ручного пулемета. Потом послышались возгласы и какая-то возня.

— Предупреждаю в последний раз — выходите, — снова закричал Башкатов, — или применю оружие! Ну?!

Возня прекратилась. Из люка показалась голова Проворного, потом стали вылезать другие бандиты. Последней появилась Кася.

— Все, товарищ лейтенант, — сказал Володька.

Солнце еще только бросило первый луч и позолотило вершину Магуры, а уже все село было на ногах.

— Когда мне приехать за тобой? — спросил Башкатов.

— Не хитри. — Лукашов рассмеялся. — Ты ведь уже узнал у врача.

— Скоро уже. Полежи, потом выпишешься, возьмем отпуск и поедem куда-нибудь к морю.

— И-и, к морю, — снова перебила его Оксана. — Лучше уж поправляйтесь у нас, в Радинском. Наши девушки живо вас на ноги поставят. Поправляйтесь, мы все будем ждать вас.

— Остановитесь у нас, — сказала Ольга.

— Ладно, ладно, — замахал руками Лукашов. — Не уговаривайте. Решено. Вместо моря отдыхаем в Радинском, у подножья нашей красавицы Магуры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Памятный день	5
Новый уполномоченный	11
Удивительные снопы	18
Любомир	23
Встреча в Сухом потоке	30
Возвращение блудного сына	34
Ниточка потянулась	46
Разговор не получился	52
Братья встретились	59
Фельдшерница Зина	66
Еще один шаг	72
Тайник в доме Гурьяна	79
Трагедия на хуторе Выжний	87
Непонятное	96
Церковь благословляет	100
Не все проходит безнаказанно	109
Что произошло в школе	114
Юзеф лечит рану	117
Снова в школе	122
Опасное свидание	130
Удачная инсценировка	142
Гаврилов-Вареница	146
Пауки в банке	150
Появление Генриха	157
«Будь проклят ты, сатана в сутане!»	163
Люди, будьте бдительны	168

Цена 26 коп.

ПРИОКСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТУЛА — 1965